

Автор-составитель
Геннадий Веретельников

**БЕЗ ВЕСТИ
ПОГИБШИЕ**

Летят Лебеди. Том 2

Геннадий Веретельников

**Без вести погибшие.
Летят Лебеди. Том 2**

«Издательские решения»

Веретельников Г.

Без вести погибшие. Летят Лебеди. Том 2 / Г. Веретельников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532145-9

Второй том романа «Летят Лебеди» — «Без вести погибшие». Военно– исторический, приключенческий роман, все события в котором происходят в промежутке между 1941—1955 годом. Эта треклятая война изменила судьбы каждой семьи в нашей стране. Были ужасные поражения и громкие победы, но если у любой победы есть много отцов, то поражение — всегда сирота. У всех проигранных сражений есть свои, мало кому известные герои, и стали они без вести погибшими, только из-за бездарных горе-командиров. О них и пойдёт речь.

ISBN 978-5-00-532145-9

© Веретельников Г.
© Издательские решения

Содержание

Без вести погибшие	6
Пролог. Ненависть	7
Белоруссия	11
Как начиналась война...	19
Танкист Ефим	23
Краткая биография командира...	24
Так продолжалась война	26
Я умоляю вас – помните историю своей земли!	31
Журавли	33
Побег	36
KZ Mauthausen	38
Доктор смерть	42
Аджимушкой. Крым. 1941—1942	44
Так началась героическая оборона Аджимушкая	47
Сопrotивление. Начало	58
Сопrotивление. Арман	63
Сопrotивление64– историческая справка	68
Франция	68
Как грабили Францию	69
Сопrotивление. Шарль де Голль	70
Шарль Де Голль	71
Пора домой	75
Дневник медсестры Продолжение	77
Матвей из Ленинграда77	81
Караван PQ—17	82
Четыре Подвига. Оборона Ленинграда	82
Экстренная посадка	85
РОА. Историческая справка	90
Власов	92
Евреи	94
Киевский котел	95
Бабий Яр	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Без вести погибшие Летят Лебеди. Том 2

Автор-составитель Геннадий Веретельников

ISBN 978-5-0053-2145-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0053-2146-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Второй том романа «Летят Лебеди» называется «Без вести погибшие», в нём вы узнаете судьбу основных героев, с которыми вы уже познакомились в Первом томе романа «Другая война», и которым удалось выжить в этой треклятой войне. Описываемые события – 1941—1954 годы.

Начало войны, Крым, Аджимушкай, Багеровский ров, Ржев, Блокада Ленинграда, Сопротивление (Франция, Голландия), Холокост, Освенцим, Маутхаузен, Одесса, Киев (Бабий яр) и многое, многое другое.

Из дневников, писем и фотографий сплетается единая дорога, которую вы сможете увидеть, дорога, по которой прошли ваши предки, и те, кто выжил, пройдя по ней, всю свою жизнь пытались о ней забыть, и как минимум – не рассказывать, потому что о рассказах про войну можно сказать так:

Красивые не верны, а верные не красивы

Роман написан простым и понятным языком.

Возрастное ограничение 16+

Без вести погибшие

Судьба солдатская – идти вперёд и умирать, не надеясь ни выжить, ни остаться в памяти людей такими, какими они были...

Судьба офицерская – отправлять солдат на смерть, своим примером показывая, что умирать «За Родину!» не страшно...

Судьба предателя – быть расстрелянным...

Чудовищные, но, к сожалению, правдивые слова...

— — —

Что я хочу сказать, ветераны, которые вытащили войну – давно ушли и ничего, никому не рассказали. Незаметно мы потеряли самое главное – воспоминания именно тех людей, большей частью крестьянства, которое вынесло на себе всю тяжесть боев Великой Отечественной войны. В сороковые годы им было по 30—40 лет, последние из них тихонько ушли из жизни ещё в конце того века. Сейчас в России остались ветераны, которые уходили на фронт в семнадцать—восемнадцать лет, то есть люди 1924—25 годов рождения, на фронт они в большинстве своём прибыли под конец войны, потому ужасов начала войны и всех её переломных моментов, просто не застали, потому и рассказы их о войне совсем другие, а старая гвардия вообще ничего о войне не рассказывала...

Жизнь подходит к концу, мне уже под сотню лет, в какой-то момент пришло осознание того, что нынешнее поколение, которое живёт в сытости и достатке, теперь будет судить о той войне по всяким псевдогероическим и ненастоящим фильмам, в том числе, в стиле жесткой пропаганды, липким фильмам Голливуда. Если не публиковать дневники и заметки настоящих фронтовиков, их рассказы, интервью, записки, например те, которые использованы в этом романе, то скорее всего следующее поколение будет свято верить в то, что наше участие в уничтожении нацизма было номинальным, а войну, на самом деле, выиграли Америка с союзниками. Под таким соусом быстро забудутся все зверства и насилие, которым подвергался наш многострадальный народ, а страны бывшего СССР, где ещё об этом помнят, будут стирать с лица земли с помощью цветных революций, будут оправдывать миллионы замученных и казнённых какой-нибудь необходимостью, как например сейчас оправдывают применение атомного оружия против Японии сами японцы, говоря, что именно это остановило их армию, а так бы погибло ещё больше народа, и это, к сожалению, не шутка. От этого становится просто страшно.

Муфтий северной Осетии Хаджимурат Гацалов.

Пролог. Ненависть

Будь милосерден и добр!

– Говорит Господь

Будь справедлив и беспощаден!

– говорит Сатана

Воспоминания ветерана, вернее просто ответ на вопрос:

– Что же такое НЕНАВИСТЬ?

«Я до войны, что такое ненависть и не знал, потому, как причин её испытывать не было. Горе разное было. Собаку, которую сам выкормил молоком козьем – волки зарезали. Бабушка с лестницы упала – разбилась, похоронили. Это было горе. Война началась – это беда. А вот ненависти не было.

Любовь была. Да и сейчас свою бабку люблю.

Я из деревенских, с трактором на «ты», техника ведь схожая с танками, потому в сорок первом, когда война уже гремела тогда всюю, взяли меня без разговоров в танковое училище.

Был у нас в училище один старшина-инструктор – кличка у него была «в задницу раненый». Его, действительно, туда ранило вскользь, пулей. И он по этому поводу, вероятно, комплексовал.

Раз в заднее место ранен – значит трус. Глупость, конечно, страшная – много там выбирает пуля или осколок – куда попал, туда и попал. Но этот старшина, как волк ходил с утра до ночи, злой, аки чума, ну и вымещал на нас всю свою глупую ненависть. Как только не измылся он над нами. И чуть что не так – орет:

– Труссы, дезертиры, сопляки... Под трибунал пойдете!

Поначалу нам было страшно, а потом мы попривыкли и поняли, что старшина наш был, что ни на есть самый обычный трус, но с властью, какой-никакой, над нами, над салагами, значит.

Раненый – понятно, на передовой побыл – понятно, и обратно туда явно не хотел – тоже понятно. Как-то на самом деле двоих ребят наших, уже не припомню за что, подвел-таки под трибунал.

Ребята решили его придушить ночью. Я был против! Нельзя нам об такую сволочь руки марать! Пообещал придумать план, как его на передовую отправить, ну и придумал.

Было на полигоне, на стрельбах и прочих тренировках, такое упражнение – оборона танка в ближнем бою. Через верхний люк надо было гранату кинуть в цель. Боевую гранату.

Он нас этим упражнением замордовал, вот буквально замордовал!

Нам стало понятно, что он на самом деле трус и страшно боится, что кто-то из нас гранату внутрь танка уронит, где он, драгоценный, сидит и нами командует.

Я припрятал в башне заранее кусок железа, похожий в темноте (а в танке темно) на гранату, ну и вызвался кидать гранату первым. Трус подает мне (весь потный, он всегда со страху потел) гранату и начинает свою обычную брань:

– Докладывай, что должен делать, сопля!

Я начинаю монотонно бубнить:

– Вынимаю чеку, открываю люк, бросаю гранату, – в этот момент выбрасываю железяку вниз, которая загрохотала, как прощальный вальс немца Шопена, говорю – ёпрст! – и выкидываю гранату из танка, при этом не забываю закрыть люк, чтобы этот дурачок из танка под осколки гранаты не рванул.

Он, таки рванул и ударился головой в закрытый люк, что-то там с матами, и тут прозвучал взрыв гранаты снаружи танка. Он затих и от него повеяло чем-то странным, до боли знакомым, как летом из солдатского уличного туалета.

Он молча открыл люк, вылез и бегом кинулся к ближайшему озеру. Мы же наблюдали всю дорогу на его задней части всё увеличивающееся в размерах рыжее пятно.

Кличку, понятное дело, мы ему поменяли (на «засранца»), но и он ещё более озверел, но стал нарушать инструкцию – заставлял нас всё делать снаружи танка (на половину высунувшись, пока гранату не кинем, а потом уже позволял забираться внутрь). И так было до тех пор, пока проверяющие не увидели! Да как его построили, да какими словами его обложили! Мать моя, женщина! И покойников он на фронт готовит! Да такого танкиста в поле сто раз из автомата застрелят фашисты! Обозвали вредителем и исполнили нашу мечту – отправили на фронт!

Когда он уходил, то пришел к нам прощаться. Мы же к нему даже не вышли и плюнули ему в след. А наша ненависть к нему сменилась полным презрением. Мы все тут на фронт рвемся, каждый день считаем, сводки фронтовые слушаем, гадаем, где воевать будем, а этот... И жалко, и противно.

Но это тоже была, оказывается, не ненависть!

А вот какая она, эта настоящая ненависть, я чуть позже расскажу.

Третий бой мой начался так. Атака. Взрыв. Улетел в чёрную бездну. Нет сознания, пришел в себя – плен. Но в плену-то другая история, там больше ярость и злоба на всех. Когда меня из плена освободили – сразу короткая проверка, хоть трошки обгорелый я был, но меня признали все мои ребята из полка, потому не длинная с запросами и посиделками под замком. Потом сразу в госпиталь, ремонтировать мои конечности пострадавшие. На мне с детства всё заживает, как на собаке, хоть и хотели комиссовать, но не вышло по-ихнему, зажило всё. Потому не прошло и три месяца, как я догнал своих! Наступление шло полным ходом! И вот моя рота, новенький Т-34, мечта танкиста Красной Армии! Но не уберёг я его, сожгли его фашисты в четвёртом бою. Расскажу вкратце, как. В колонне танковой завсегда есть первый танк, ну и последний. Так вот, когда нарываешься на засаду или на подготовленную оборону фашистов и ваша колонна не успела развернуться в боевое построение, то эти два танка (первый и последний) всегда страдают больше всего. По ним бьют, чтобы сделать манёвр остальных машин очень сложным в условиях обездвиженности колонны. Кого ставили первым, всегда знал, что шансов выжить очень мало, потому готовились к любым ситуациям и смотрели во все стороны. В тот раз первым в колонне шёл мой танк ну и нарвались мы на минное поле с корректировщиком артиллерии, который сидел на дереве, а били по нам из-за холма, не видели мы их... Танк подбили, и он сгорел, в итоге, ну а сейчас речь не о том, а о шестом танке, который подо мной сгорел. Дело в Берлине уже было, в сорок пятом. Атака. Мы наступаем. Пехоту нашу рассеяли осколочными, и она подотстала на квартал, может пол, не суть важно. Я увидел, через открытый люк, фаустпатрон и тень человеческую, понял, что сейчас шмальнёт он по нам, не успеваем мы его уложить, потому только рывкнул:

– Быстро все из танка! – и люк нараспашку!

Танк, когда в него фаустпатрон попадает, жахает аки лампа с керосином, если попадает в бак с топливом, а в Т—34 он, этот самый бак, почти везде!¹

¹ Речь о танках Т-34 и влиянии топливных баков на живучесть машины и экипажа во время боя. Действительно, на «Т-34» и «КВ» применили дизель—мотор, но при этом расположили топливные баки в боевом отделении. Соответственно при поражении танка, танкистов поливало дождичком из дизеля (солярки). Дизельное топливо трудно загоралось, то потушить его было тяжело. Танкисты с «Т-34» иной раз получали из—за этого более тяжелые ожоги, чем воевавшие на бензиновых «Т—60» и «Т—70». Народная смекалка подсказывала механикам—водителям «тридцатьчетверок» расходовать в первую очередь топливо из передних баков. Но тут другая беда: при попадании в танк кумулятивного снаряда пустой бак, наполненный парами дизеля, детонировал, да так, что вырывал 45—мм лобовой лист брони. В реальности простых и ясных ответов на вопрос «как лучше?» не было. Лучше поставить дизель и расположить баки в боевом отделении или поставить бензиновый мотор и изолировать баки в корме, в моторном отсеке (как на немецком «Pz. III»), куда попадают, по статистике, единицы процентов снарядов и который отделен от боевого отделения противопожарной перегородкой. Тезис о недалёковидных или неумных инженерах той или иной страны всегда стоит воспринимать с большой осторожностью

Жахнул.

Из люка выскакиваю в столбе огня, ребята за мной, горит на нас всё! Комбез, шлемофон, сапоги, а что не защищённое, руки там, лицо, сразу, как чулок с волдырями слазит.

А тот немец видит наше копошение, фауст кидает и целится из-за баррикады в меня из винтовки своей, ну и стреляет! Я бегу прямо на него, вот из меня ненависть прёт со всех щелей, вот за день до Победы сжечь мой танк и меня, да я ж тебя голыми руками... Бегу и чувствую, что попадает в меня фашист, а мне не больно, только ногу толкнуло... в общем, на этой самой ненависти я и добежал к нему, повалил его на землю и всадил ему нож в глотку, уже и не помню, как он мне в руку попал... Да, а пока я бежал – он ещё раз в меня попал – в плечо. То я уже потом в госпитале узнал, когда в себя пришел, а так, последнее, что я помню, это его кадык и моя «финка», нож, значит, такой...

Вот, что может ненависть с человеком сделать, силы какие может придать ему нечеловеческие! А вы говорите...

Поэтому, вот что на фронте, в бою всему голова – ненависть к врагу! А всё остальное – так, для красного словца.

Это был, кстати, шестой танк, что подо мною сгорел, я рассказывал. Они горят, к сожалению, целиком, а потом ещё и взрываются, ведь там боекомплект полный—неполный, а мы танкисты горим, иногда, частично.

Когда в первом своем танке горел – попал в госпиталь без сознания. Долго без него, сознания, был и без документов – сгорели они. А без документов человек – не человек, солдат – не солдат, командир – не командир...

А домой пришла похоронка. Писарь – придурок, возьми и напиши в сопроводительном письме – «Ваш сын сгорел в танке». До невозможности глупый оказался человек, разве можно такое родителям писать—посылать? Это чуть позже уже стали писать в похоронках нормальные слова про геройскую смерть и прочее... А тут «сгорел в танке!». Вот каково это было матери читать! Отец, слава Богу, от мамы письмецо—похоронку припрятал, и в редакции показал. Поэт один узнал об этом и стихи написал на мою геройскую смерть... А я-то жив! В себя пришел, всё наладилось, уже ходить могу, а отец на мои письма из госпиталя отвечает как-то странно, сухо и непонятно. Оказывается, он не верил, что я живой – почерк у меня шибко изменился. Ещё бы ему не измениться, если через мою руку пяток осколков пролетело и не задержалось, хорошо, хоть попришили всё (почти) на место. Потом ещё раз похоронка пришла, но отец уже точно не верил, и правильно делал – жив я оставался, чего и всем вам желаю. А я в плен попал. Пенсию за меня мои родители получали. Но, наверное, не за всё время, ведь за то, что я официально в плену числился, за те полгода, что я у немцев был, не выдавали им. Это когда «смертью храбрых» приходит, то – да! Пенсия, как семье героя! А тут-то всё, наоборот, почти что предатель, самый, что ни на есть...

Хорошо, что и экипаж мой, и командир полка моего, когда меня освободили, были живы. И времени немного прошло – с полгода, и рапорт тот нашли быстро. И все ребята написали, что оставили меня у сгоревшего танка мёртвым. В общем – посчитали меня убитым, потому как не дышал! Они-то вот посчитали, а немцы нет. Очнулся в концлагере пересыльном, в госпитале – оказалось, что я в плену. Врачи все русские. Спасибо им отходили меня чуть, ну как могли, и на том спасибо! Ходить начал потихоньку – ушёл в побег. Поймали быстро – слабый был я совсем, надо было ещё силушек поднабраться, а потом бежать. Но нет, учимся на своих ошибках – научили меня фрицы уму-разуму – вот уж кровушкой умылся, так умылся, и зубы мне все передние выбили сапогами—кулаками.

Второй раз через три месяца сбежал – опять попался, поляки местные меня выдали. Все пальцы на ногах прикладом винтовочным раздробили, чтоб не бегал больше, повезло мне, наверное, что не расстреляли. Под конец войны немцы пленных стали беречь, зависело, конечно, от лагеря, наш лагерь больше для работ на заводе был, потому и не порешили. Ну,

а когда отступали, то просто не успели нас порешить—перестрелять всех, бежали они больно спешно...²

Вот в плену, когда ярость—ненависть меня душила, думал, что когда придёт мой час, я их, германцев—то, зубами грызть—убивать буду, хоть и не осталось от зубов моих ничего – пеньки одни!

В Австрии, как-то поставили меня пленными немцами командовать – трупы коней—лошадей закапывать. Земля у них каменистая – тяжело немчуре было её копать—долбать. Я же думал – всех немцев с этими конягами вместе закопаю—прикопаю. А потом думаю себе и гляжу на них – ведь, по сути, несчастные и жалкие люди, сдутые какие-то, безжизненные, хоть и рожи – как моих две, а то и три...

И ушла ненависть, как и не было её. Стало мне на них вот наплевать с высокой горки...

Только вот речь ихнюю, немецкую, до сих пор слышать не могу, но думаю, что это не ненависть закипает, а что-то иное, да и сердце потом начинает барахтаться, как не в себе, и курить хочется, а бросил ещё в сорок шестом, как с госпиталя окончательно вышел.

А так – ненависти на них нет совсем. Немцам ведь тоже досталось. Насмотрелся я на них и в войну, через прицел, да и после на пленную немчуру. Век бы их больше не видеть и не слышать».

² Сам он считал, что повезло ему, что из плена нормально вышел. Много, очень много его друзей по плену прошли через советские лагеря на Родине

Белоруссия

В твоей жизни твои органы и части тела (глаза, руки, ноги, мозг и так далее) безостановочно на тебя работают и выполняют все твои задумки, важные и бессмысленные, все, а ночью, когда ты спишь, они тоже отдыхают, все, кроме одного...

Твое сердце трудится и днём, и ночью, без остановки, поэтому, когда ты встретишь того, кто нужен твоему сердцу, не допусти того, чтобы обстоятельства, или те, кто рядом, помешали ему это получить! Получить то, что оно, сердце, выбрало!

Не обижай своё сердце!

Мы с тобою летим, как два лебедя – пара

На край света летим, от войны, от пожара...

Перенесемся, уважаемый мой читатель, из оккупированной Европы в июль 1945 года, в Белоруссию, которая была практически полностью разрушена войной. Минск получил столько ран, за четыре года войны, что было принято решение не восстанавливать столицу, а начать строить рядом новую. И вот отец героя этой главы был назначен главным инженером строительства. Но потом, что-то, где-то изменилось и решили все-таки восстанавливать старый город. Так он со своим отцом переехал в Белоруссию.

Давайте дадим слово ему.

— — —

Кому: г. Севастополь

Иванову Дмитрию

От кого: г. Москва

Веретова Александра

Дорогой мой друг Дима!

Всё-таки хорошо, что в этой жизни у людей появляются друзья.

Наше детство было незабываемо! Всегда, когда собирается большая компания, я люблю вспоминать наши детские похождения. Помнишь, как-то после зимы, когда всё вокруг таяло и превращало все окрестные углубления в реки и озёра, мы, три отважных мореплавателя девяти, десяти и семи лет, и наша верная дворовая собака Шарик (на корабле должна быть собака!), пошли на местную достопримечательность – городской пруд. На фоне прочитанных за зиму книг об отважных капитанах, всем дико хотелось бороздить моря и океаны, ну или любой более-менее доступный водоём. Выбор пал на пруд. На лодочной станции нам категорически отказывались выдать лодку, хотя мелочь у нас была. Мы бродили по берегу, и тут удача улыбнулась нам, недалеко от станции мы нашли деревянную катушку от больших проводов и решили сделать из нее спасательный корабль, который поплывёт спасать «Челюскинцев»! Надо было только приподнять её на бок, докатить до берега и столкнуть в воду! Тяжелая была неимоверно, если бы не проходящие мимо курсанты, мы бы не справились – они помогли поставить её на бок. Потом самостоятельно прикатили её к городскому пруду, который на это время стал почти морем, погрузили его туда, вооружились длинным шестом и отталкиваясь от дна, отправились в путешествие. Увы, катушка для нас четверых оказалась крайне неустойчивой. Шарик оказался самым сообразительным членом экипажа, поэтому метров через десять, когда болтанка под ногами стала опасной он бросил нас и поплыл к берегу. На удивление, эта операция привела в устойчивость наше средство передвижения по водной глади – устойчивость улучшилась. Мы осмелели и дали круг почёта под удивленные взгляды прогуливающих по парку равнодушных прохожих и под их же крики. Они, почему-то собрались все на берегу и что-то там махали нам руками. Один мужчина начал раздеваться и тоже кричал без остановки, видимо он хотел нас от чего-то спасти.

Мы поняли, что спастись надо от всей этой компании спасателей, которая увеличивалась в геометрической прогрессии, о которой я тогда понятия не имел, крики стоящих на берегу привлекали внимание всех в этом парке. Потому, дабы не быть отведёнными за ухо к родителям, мы кто шестом, а кто руками, со всех сил гребли к противоположному берегу. Спасатели раскусили наш план и ринулись бегом вокруг пруда. Полуодетый мужчина тоже.

Мы победили. Но еще некоторое время убегали по дворам от восторженных зрителей. Собака, причём обогнала наших восторженных преследователей и пряталась вместе с нами, правда мокрая и дрожащая от холода. В общем, домой мы добрались без происшествий, даже собаку удалось высушить до прихода родителей с работы, чтобы не задавали лишних вопросов.

Все мы жили в общем дворе.

Фотография московский двор

Дима, мне очень нужна твоя помощь, но, чтобы ты понял глубину моей просьбы, я тебе сейчас изложу в этом письме эту историю:

«Я, мама, моя сестра, и моя бабушка переехали в Минск.

Сначала город необходимо было расчистить от завалов, потом восстановить коммуникации, и только потом строить дома. Расположились мы рядом с большим госпиталем. Вернее, не мы, а полк, в котором служил мой отец, а ещё вернее, штаб полка. Работа кипела. Мы с сестрой, в свободное время помогали выхаживать и прогуливать тех раненых—выздоровляющих, кто уже был близок к возвращению в нормальную гражданскую жизнь. Война в этой части света закончилась. где-то на Дальнем Востоке ещё сопротивлялась империалистическая Япония, но дни её были сочтены. Госпиталь располагался рядом с железной дорогой, и мы иногда ходили смотреть, как идут поезда с возвращавшимися с войны нашими войсками. Все были рады, все и всегда пели, как правило под гармошку. Да и сами мы любили спеть. Но то, что мы услышали, остановило время, причем не только мое, а всех, кто присутствовал в этот момент на железнодорожной станции.

Издали мы увидели очень большое скопление народа возле одного из вагонов теплушек. Это мы уже потом узнали, что нам в госпиталь привезли партию раненых с ожогами, и в тоже время отправлялся состав с бойцами, которые направлялись на Алтай.

И вот мы с сестрой услышали, как кто—то очень красиво поет. Голос, всепоглощающий, бархатный бас плыл по вокзалу, отражался от стен госпиталя, выливался из окон второго этажа, заполнял собой всё пространство между зданием казармы, в которой мы жили и самим госпиталем. Не стало слышно грохота колёс, проезжающих мимо грузовиков, мы с сестрой замерли. Это я сейчас могу объяснить свои чувства и переживания, – а тогда я просто остолбенел.

Я никогда не слышал такого голоса. Ни до, ни после этого. В нём сочеталось несочетаемое. Боль и радость, душа и птицы, счастье и разлука, шум моря и степной ветер... И хрипотца, которой заканчивался каждый последний звук в каждом слове песни. И ещё звук аккордеона, но он был потом... сначала был голос... Мы с сестрой бросились посмотреть поближе, но не смогли сразу пробраться через толпу – всё было забито. Людей было невероятно много. Всё, что мы смогли выяснить, что это были проводы сибиряков на Алтай, и пел гвардии капитан Боровой. Его перевели, как выздоравливающего из Гомеля, где находился госпиталь с бойцами, которые получили ожоги. Как правило это были танкисты. Я не знаю, как у моей сестры оказался букет полевых ромашек, и как она попала на импровизированную сцену, где играл и пел капитан Боровой, но ей это удалось. После концерта Василий, оказалось, что так звали певца, сам подошел к нам и поблагодарил Надежду, мою сестру, за цветы, и вызвался нас проводить.

Все девушки—медсёстры госпиталя, завидовали Надежде, это было им не скрыть. Я же не смог с первого раза посмотреть Василию в глаза. И понял о ком местные сорванцы—беспризорники, которые ошивались и кормились на станции, возле госпиталя, говорили, что к нам приехал «страшный капитан» ... вместо капитан...

Лицо Василия было изуродовано ожогом на две трети. Вся правая часть, включая ухо и шею. Правая рука была без одного пальца, и тоже вся в ожоговых шрамах.

Ему было двадцать шесть лет. Родом он был из Киргизии, это на берегу красивейшего озера Иссык-Куль. Был заместителем командира развед. роты. Знал тысячу смешных историй, и мог рассмешить даже умирающего.

Так в нашей с Надей жизни появился капитан Боровой.

С Надеждой они гуляли каждый день. Каждое утро он неизменно приходил к нам с букетом полевых цветов. Всегда одет с иголочки. Всегда чем—то хорошо пахнувший, и всегда веселый. Надя отвечала ему взаимностью и не отпустить на прогулку папа Надю просто не мог. Отцу пришлось навести справки о нем, потому что он видел, что наша Надя влюблена, влюблена по уши, как говорила наша бабушка, а она знала толк в жизни.

Вечером, за ужином, я узнал от отца, что капитан Боровой прошел всю войну. Разведчик. Два раза был ранен. Последний раз в Берлине. Горел в танке. Награжден тремя боевыми орденами и представлен к Герою, но пока не пришел ответ из Москвы на этот счет. Пел и играл на гармошке с детства. Не успел закончить институт культуры и начал воевать вместе со всей страной, в июне 1941 года. Последнее ранение было тяжелым. Но он выкарабкался. Правда у него плохо (последствие ожога), работало веко на одном глазу, моргало чуть медленнее, чем здоровое, и совсем не росли волосы на голове. Мне, да и всем домашним, кроме Нади, приходилось прилагать усилие, чтобы при разговоре с Василием смотреть ему в глаза, настолько страшно было изуродовано его лицо. Отец пытался отговорить Надежду, он всегда к моей сестре обращался по—взрослому, если был какой—то важный вопрос, и называл Надей просто дома за чаем. Надя сидела за столом с каменным выражением на лице и не произнесла ни слова. Ей уже было восемнадцать лет, и отец хотел, чтобы она поступила учиться в Москву, капитан Боровой же, звал её с собой в Киргизию. До выписки из госпиталя ещё было три недели. Целых три недели.

Василия уговорили давать концерты каждый день. И выздоравливающим воинам легче, и для местных жителей такой концерт, с таким исполнителем, практически праздник. Окрина Минска возле госпиталя на тот момент превращалась в оперный театр без границ. К нему на концерт водили даже детей со всего Минска, тех, кто хотел научиться играть на каком—то инструменте.

После концерта Василий всегда учил детей играть на аккордеоне. Да и, практически каждый день, капитан Боровой давал уроки игры на всем, что играло и могло издавать звуки:

на гитаре, на старинном, невесть как пережившем войну пианино, с непонятной надписью для меня «Hofmann и Czerny», на пустых кастрюлях, учил играть на барабанах, и так ловко все у него выходило!

Слухи о человеке с изуродованным лицом, но божественным голосом с хрипотцой, сначала расползлись по всему Минску, а потом и по всей Белоруссии. Даже беспризорники, после того, когда я подрался с одним из них, кто бросил Василию в след «страшный капитан», больше его не обзывали. Не решались.

После каждого своего концерта Василий приходил к нам домой, приносил обязательно что-то вкусное, у него было много поклонников его таланта, впрочем, как и поклонниц, и каждый норовил Василия чем—то угостить, ну а он, в свою очередь со всем этим добром приходил к нам, на обязательный вечерний чай во дворе нашего дома, где мы жили.

Всегда был в хорошем настроении, и всегда рассказывал очень смешные истории, — мы хохотали до слез. Даже папа с мамой. Но лёд между ними не таял. Они считали его врагом. Бабушка была на стороне Нади. Как—то помню его историю, которая развеселила даже папу. Байка была о Маршаке, который остался в Москве и не уехал вместе с женой и младшим сыном в эвакуацию. С ним осталась его секретарша. Уже в годах и очень ему преданная. Была она

немкой по происхождению, и вот, когда по радио объявлялась воздушная тревога, то Маршак, каждый раз подходил к её двери, стучал, и говорил фразу:

– Розалия Ивановна, ваши прилетели!

Минск потихоньку восстанавливался. Бомбежек же, конечно, уже никаких не было. Но взрывы иногда доносились до нас.

Это сапёры взрывали неразорвавшиеся бомбы или мины, которые разминировали в городе и в лесах вокруг города...

По утрам они с Надей ходили гулять в близлежащую рощу. Недалеко от венгерского кладбища.³ Очень часто брали с собой и меня. Да, и Васино уродство на лице, почему—то стало совсем не заметным. Василий всегда много рассказывал, например от него я узнал, что у белорусов есть обычай, – сажать дерево при рождении ребёнка: если дерево примется и будет хорошо расти, то и ребенок будет здоров и счастлив. И в этой, нашей роще было множество таких деревьев. Чтить и уважать деревья и священные рощи – характерная черта дохристианской эпохи. Была у него с собой со всех сторон обгоревшая книжка, правда не помню, ни как называется, ни автора, и он часто читал нам из неё вслух, например о священной роще у полабских славян, которых описывал какой—то Гельмольд, ещё в 1155 году. Там росли только священные дубы. У меня и сейчас стоит в ушах его торжественный бас, которым он читал книги в слух, как будто бы пел, как батюшка в церкви:

ФОТО

Советская делегация во главе с полковником Генштаба РККА Герасимовым А. В. торжественно возвращает венгерской делегации во главе с генерал-лейтенантом Швейцером знамёна венгерских полков, захваченные русскими войсками во время подавления Венгерского восстания 1849 года.

Станция Лавочне (ныне в Сколевском районе Львовской области), 22 марта 1941 года.

— — — — —

– О, здесь был и жрец, и свои празднества, и обряды жертвоприношений. И здесь имел обыкновение собираться весь народ, да с князем во главе.

Белорусы свои священные рощи называли «прошчы».

Роща, куда мы чаще всего ходили гулять, состояла из очень старых деревьев, кое—где обнесенных старой оградой, в глубине которой, возле ручья стояла разрушенная часовня. Иногда мы видели, как к ней приходили люди, лечиться, пить воду, молиться. Кто—то приносил старым дубам монетки, хлеб—соль, завернутые в полотно. Василий нам рассказал, что ленточки на священных дубах завязывают влюбленные, и покуда она сама не развяжется, то любовь в сердце людей выдержит любое испытание. Ведь нет ничего сильнее любви на земле. Даже смерть пасует перед ней. А рощи, в которых растут священные деревья, оберегаются высшими силами! Есть даже поверье, что если человек решался сбраконьерничать и срубить такой

³ Венгерским кладбищем называют кладбище карателей и лежит их там несколько тысяч. С осени 1941-го, в составе Западной и Восточной Оккупационной Группы, 90 тысяч венгерских солдат решали оккупационные задачи на площади около 500 тысяч квадратных километров на территориях России и Белоруссии. Оккупация означала так называемое «военное применение» в тылу, практически охоту на партизан. Министр пропаганды империи Йозеф Геббельс 18-го мая 1942-го о проходящих в местности брянских лесов боях написал следующее: «Южнее этого региона воюют венгерские формирования. Им нужно занимать и пацифицировать одно село за другим. Когда венгры заявляют, что они пацифицировали одно село, это обычно означает, что там не осталось ни одного жителя». «Согласно итоговому отчёту Чрезвычайной Государственной Комиссии от 28 марта 1945 года, лишь в 12 районах Черниговской области венгерские солдаты убили 38611 мирных советских граждан. Центром массовых убийств был город Щорс, где в тюрьмах, парках, лесах – перед большими ямами для братских могил, вырытыми приведёнными на казнь лицами – после самых ужасных пыток было казнено много тысяч людей. Во многих местах частым способом казни было сожжение. Жертвы большей частью были стариками, женщинами и детьми, но убивали и грудных младенцев вместе с матерями. И Щорс был лишь одним из мест для казни». Гонвед Ференц Болдичар (рота 46/1.2., полевая почта 115/20) в своём дневнике описал как раз одно из таких «геройств», которым к тому же и гордился: «Когда мы зашли в село, первые три дома поджёл я сам. Мужчин, женщин, детей мы убили, село сожгли. Пошли дальше... Наши великолепные гусары подожгли село, третья рота поджигала ракетами. Оттуда дальше мы пошли в разведку. За время, которое мы провели в разведке, гусары сожгли шесть сёл...»

дуб, то человек тут же наказывался тяжелой болезнью, даже мог сойти с ума. Ну, а если человек потом раскаивался и сажал на том же месте новое дерево, то говорят, он выздоравливал. Деревья – это не люди, они умеют забывать обиды и продолжать жить дальше, прощая людей. Хотя сам Василий, как—то сказал, что, когда совершают предательство, это как ломают сразу две руки. Простить предателя можно, а вот обнять не получится.

Тогда, первый и последний раз я увидел у Василия в глазах слезы.

Вася с Надей тоже повязали свою ленточку.

Повязали ровно за час до беды.

Когда мы шли уже обратно, то я увидел в гуще леса полянку, на которой было много лесных ягод – земляники, она ярким красным пятном прямо звала меня к себе. Я крикнул Наде, что я убежал лакомиться ягодами и побежал сломя голову через чащу леса. Земляника оказалось сладкой. Я так увлекся, что, когда услышал щелчок под левой ногой, не сразу понял, что произошло.

Мы, дети войны. Наши игрушки – это патроны, гранаты, спрятанные от отца ножи, пистолеты, тротильные пашки и в свои четырнадцать лет я умел собирать и разбирать многие пистолеты, винтовки и автоматы, даже разминировать несложные мины, и потому по этому сухому щелчку сразу понял, что я попал в западню. Смертельную западню.

Под моей ногой оказалась противопехотная мина. И она уже встала на боевой взвод. Я замер и стал звать на помощь, что ещё мог сделать четырнадцатилетний пацан? Первой прибежала Надя, следом за ней Василий. По моей застывшей позе и неестественному положению рук и ног он всё понял. Решение принял молниеносно. Обежав вокруг поляны, он нашел несколько поваленных деревьев, которые начал сносить и складывать возле меня. Когда своеобразная баррикада была готова, он сказал Наде, что он с разбегу прыгнет на меня и постарается сбить с ног так, чтобы мы с ним оказались с той стороны баррикады, а Надя должна в этот же момент, из—за бревен, тянуть меня изо всех сил за руки. Но не высовываться, чтобы не подставить себя осколкам. Нога у меня уже затекла, и я понимал, что бессилён сделать прыжок самостоятельно. Страх смерти не было.

Василий вел себя уверенно и даже успел рассказать нам анекдот.

Когда всё было готово, Василий спросил у нас, готовы ли мы, и после утвердительного ответа начал отходить для разбега.

Я протянул руки сестре. Надя схватила меня. Я чувствовал дрожь её рук и пульс, который был в унисон с моим. Василий крикнул, что-то типа «не ссать – прорвемся», и начал свой разбег.

Сильнейший удар, мой непроизвольный крик, причитание сестры и взрыв прозвучали за моей спиной одновременно...

Когда я пришел в себя и выбрался из—под завала баррикады, через пыль, дым и опускавшиеся под силой тяжести взрывной волной и осколками, сорванные с деревьев листья, я увидел Василия, который лежал в луже собственной крови.

Рядом с ним уже сидела Надя и выла по волчьему обхватив себя за голову. Одной ногой у Васи не было по колено. Второй, по ступню.

Я был оглушён, но мысли работали ясно. Я закричал, что есть мочи, чем привел сестру в себя и мы вдвоем подняли, почему—то не очень тяжелого Василия на руки, и понесли его в сторону города... сколько прошло времени, я не знаю, сознание было, как в тумане.

Звон в ушах, боль в спине, как от тысячи иголок, тошнота и дрожащие ноги...

...на встречу нам ехала штабная машина, видимо услышали взрыв...

...дальше всё было как во сне... о том, что у меня три осколка в спине и два в голени я узнал уже на следующий день...

Василия пытались спасти лучшие хирурги Минска. Они из него вытащили уже больше сорока осколков... и продолжали борьбу за его жизнь.

На следующий день отца экстренно вызвали в Москву. Мы все полетели с ним. Уже садясь в военный самолёт нам сообщили, что Васю ещё пытаются спасти, но пришлось ему ампутировать обе ноги. Одну по пах... на этом связь оборвалась.

Это было в конце лета 1945 года. В Московском госпитале мы с Надей пролежали месяц. Она с контузией, я с осколочными ранениями. Ещё в госпитале папа сообщил нам, что Василий умер. Не выдержало сердце.

Бабушка говорила, что, наверное, так даже лучше, чем если бы он выжил, мало того, что с изуродованным лицом, и без пальца, так ещё и без ног. Беда.

Сестра моя, Наденька, перестала разговаривать. Совсем. Онемела. Врачи не могли понять причину, но все списали на последствия контузии. Мы учились все общаться с ней заново. Писали друг другу записки.

Она по необходимости. Мы из солидарности. Смеяться она тоже перестала. В её русой косе до пояса, появилось много седых волос.

Через год она поступила в институт. Политехнический. На особых условиях. Освоила азбуку для глухонемых. Проучилась там пять лет. Все эти годы Надежду возили по лучшим клиникам страны в попытке вернуть Наденьке речь. Но «светила» медицинских наук были бессильны. Я же через несколько лет ушёл служить во флот, где и прослужил на крейсере четыре года. Черноморский флот и Севастополь стали моим домом на это время.

Когда вернулся, то Москву было не узнать, а вот сестра не изменилась. В нашем доме по —прежнему жила тишина.

Поэтому одна надежда на границу!

Я знаю, что твой папа ездит по консилиумам разным в разных странах, и знаю, что ты мне поможешь!

Твой друг Александр...

— — —

Кому: Киргизская ССР, Село Сталинское

Боровому Григорию Павловичу (для Василия Григорьевича)

От кого: США, Штат Джорджия, Графство Стивенс

Токкоа. Мистеру Дж. Байерли

Уважаемый мистер Василий Боровой!

Пишу тебе немного по-русски, думаю, что письмо мое к тебе немного дойдет несмотря на то, что у наших правительств (вашего коммунистического и нашего демократического) есть спорные моменты.

Как ты видишь, я усвоил многие уроки русского языка и пишу тебе это письмо. Я Джо-зеф Байерли, твой друг мистер Василий. Я помню, что тебе очень—очень не нравилось такое обращение, но я это пишу специально, чтобы ты меня вспомнил.

Далее буду писать – товарищ Василий!

Как сейчас я помню нашу победу и 10 мая 1945 года, когда мы вместе получили боевое задание. Мы должны были обнаружить, потом окружить и полностью уничтожить штурмовиков эс эс, которые прикрываясь местным мирным, женским населением, хотели или пытались (не знаю, как правильно, потому пишу оба ваших слова) прорваться—продраться к нашим союзным войскам (США), потому что вы, советы эсэсовцев в плен не брали. И правильно делали!

Помнишь, как мне пришла в голову сумасшедшая идея и я, переодевшись в американскую военную форму один! (но ты был рядом и совсем не понимал по-американски, потому не пошел, чтобы «не запалить всю малину», я запомнил выражение, но так и не понял, что это значит и какое отношение к гитлеровцам имеет эта вкусная ягода) пошел на переговоры к тысяче вооруженных до зубов солдат эс эс.

Я помню, как я их долго-долго убеждал сдаться, сложить совсем оружие своё и выходить повзводно, с поднятыми, совсем вверх, своими руками, как они (глупые немцы) думали к американским войскам... а не тут то всё и было, так у вас говорят?

Надеюсь, что в итоге они все были уничтожены вашим СМЕРШем.

Меня ранили тогда, и я попал в госпиталь с пулевыми ранениями груди, кто—то из немцев эс эс, выстрелил мне в спину.

Меня лечили-лечили и вылечили. Госпиталь в Ладсберге. Ты, товарищ Василий его ещё помнишь? Как мы там случайно встретились, оказалось, что тебя тоже ранило и в тот же день. Мы теперь раненые побратимы. Я правильно написал?

Помнишь, как мне за мое безумство (вы называете безрассудные действия – подвигом, я помню) вручили ещё одну государственную награду Советского Союза – орден Красного Знамени! До этого у меня уже была одна, и тоже за безрассудные действия. В Армии США всё, наоборот. Тут дают награды за рассудительные действия, а за безрассудные наказывают. Разные у нас страны, однако.

Так вот, я пишу письмо тебе домой в Киргизию, знаю, что они перешлют тебе мое письмо, и хочу рассказать, что я помню, как ты поёшь и никогда не забуду. Я всем своим солдатам и друзьям пытаюсь объяснить, что такое великолепный голос русского солдата! Когда мы расстались, тебя перевели в ожоговый госпиталь в Белоруссию, я познакомился с вашим великолепным военачальником, маршалом, героем войны – Георгием Жуковым.

Оказывается, ему, Жукову, докладывали об американском десантнике, который любит совершать безрассудные поступки и получать за это русские ордена, и маршал захотел лично со мной познакомиться. Мы пили коньяк и потом чай. Мне было приятно. Даже слишком. Но думаю, сержант, пей с маршалом то, что наливают и улыбайся, всё равно дома никто не поверит.

Маршал задал мне вопрос:

– Есть ли у тебя просьбы, сержант?

– Я хотел бы вернуться домой в Америку. Война окончена. Победа. Задания моей страны все выполнены. Пора возвращаться на Родину, товарищ маршал! – сказал я.

По приказу маршала мне дали официальное письмо за подписью Жукова, которое я предъявлял при проверке документов по пути в Москву.

И вот я попал в вашу столицу. Москва. Посольство США.

И вот, после многочисленных проверок – родная Америка!

Оказалось, что дома меня сочли погибшим ещё десятого июня 1944 года. (В тот день нас забросили в тыл к немцам на самолёте) Постарался Военный департамент США.

После тщательной проверки мне вручили американскую военную награду и предложили мне продолжать служить в Армии США, где я сейчас работаю инструктором рукопашного боя.

Пиши пожалуйста мой адрес на английском языке, потому что кроме меня в Джорджии по-русски никто не читает!

Твой друг, раненый побратим Джозеф Байерли.

12 декабря 1945 года.

— —

От кого: Белорусская ССР

Город Минск ул. Зыбицкая дом №**

Борового Василия

Кому: США, Штат Джорджия, Графство Стивенс

Токкоа. Мистеру Дж. Байерли

Здравствуй дорогой мой друг Джозеф!

После многочисленных проверок мне вручили твое письмо и разрешили с тобой переписываться.

Сейчас у нас с этим делом строго, но с учетом того, что ты герой нашей армии, по-вашему, человек, который любит совершать безрассудные поступки, нам разрешили вести переписку!

О чем я тебя и уведомляю этим своим письмом!

Я сейчас проживаю в Минске. Так получилось, что после тех Берлинских событий, в которых мы с тобой вместе принимали безрассудное участие, (я пишу такие глупости и мне становится смешно и я улыбаюсь), со своими ожогами я долго лечился в Минске и я влюбился в самую лучшую девушку на этой планете. Я был счастлив, я пел, как никогда в жизни, пел только ей и для неё!

И я хотел отдать жизнь ради неё... так и случилось!

Мой друг Джозеф! Я выручил её родного брата, но у меня теперь на две ноги меньше, чем у всех. И Надя, так её зовут, думает, что я погиб. И я счастлив от этой мысли, что она выйдет замуж не за безногого калеку. Я преподаю музыку детям в музыкальной школе номер один в городе Минске. Живу хорошо. У меня свой небольшой домик с садом, где растёт та самая малина!

Приезжай ко мне в гости, мой безрассудный друг (опять улыбаюсь).

Твой боевой товарищ Василий Боровой.

1 июля 1950 года.

П. С. Тех эсэсовцев расстреляли. Всех.

— —

Как начиналась война...

О всех историях про войну, можно сказать так:

Красивые не верны, а верные не красивы...

О войне можно рассказывать по-разному.

Можно с помощью языка цифр, названий полков, дивизий, блистать знаниями о количестве войск, самолётов, патронов и партизан... А можно рассказать человеческим языком, который был придуман не для профессиональных военных и историков, которые не читают романы, в принципе. Я говорю о языке писем.

В первом случае рассказ будет понятен самому военному историку, который самоуверждаясь будет увлеченно грузить цифрами дат, точным количеством войск и их потерь, и такой язык будет понятен такому же историку, который всё это и без него понимает и знает. Но такой рассказ вгонит в скуку и грусть обычного человека, такого, как мы с вами.

Я постараюсь рассказать о начале войны не как историк, а как человек, которому в руки попали обычные дневники и письма, иногда обычных солдат, детей, подростков, военнопленных, санитаров, лётчиков, танкистов..., а иногда и необычных. Очень необычных. Насколько это всё будет интересно, решать вам.

Но, забегаая наперед, скажу, что вам будет всё абсолютно понятно.

А это уже результат!

Итак.

Прежде, чем мы начнем самую сложную тему в современной истории – начало и процесс военных действий, в какие были вовлечены наши с вами двадцатилетние «дедушки» 22 июня 1941 года, я хочу показать вам карту, на которой надо обратить внимание только на количество кружочков.

Каждый кружочек – дивизия.⁴

Кому интересно, что такое дивизия, гляньте на ссылку.

И вот мы видим количество наших войск и количество немецких войск на ключевую дату – неделя до начала войны. Думаю, что не надо быть историком, чтобы понять – война была неминуема. Представьте себе на минутку, что у вас под дверью находится иностранная армия – человек с триста. Все вооружены до зубов.

Совсем недавно они уже отняли такую же территорию, как ваша. Вот интересно, насколько лично вы будете себя спокойно чувствовать в этом случае, даже если вы подпишите с их начальником бумажку, в которой будет написано, что вы «друзья». Но эти «друзья», после подписания этой самой бумажки, будут стучать вам по ночам в двери, пытаться пролезть в форточку и увеличат за неделю группировку свою в десять или двадцать раз?

Почему-то мне кажется, что спокойно спать вы в своем доме не будете. А начнете, как-то готовится к тому, что все-таки эти солдаты, рано или поздно взломают вам дверь...

После многочисленных подтверждений, что война неминуема и начнется именно 22 июня, Ставка таки создала документ, который приводил в полную боевую готовность наши войска. Беда в том, что не до всех она дошла в тот вечер, перед вторжением. Но хочу заметить, что ничего кардинального бы это не поменяло, потому как гляньте на эту карту ещё раз и вы поймете – о чем я пишу.

ФОТОГРАФИЯ КАРТЫ С КРУЖОЧКАМИ

Идем дальше.

⁴ Дивизия – в зависимости от рода войск – от пяти до восемнадцати тысяч человек. В среднем – 10 000 бойцов

У фашистов был разработан некий план вторжения⁵, в котором были свои сильные и слабые стороны, но безусловно он был разработан с учетом проблем нашей армии, которые мы научились преодолевать только в конце 1942 года. Вот ровно столько (полтора года) нам не хватило, чтобы быть готовыми к неожиданностям, которые готовили перед нашей дверью германские солдаты, повинувшись приказу Гитлера.

В связи с тем, что первое письмо и дневник, о котором речь пойдет ниже, принадлежит танкисту – рассказ будет о самом крупном сражении техники за всю историю Второй мировой, и это будет не Курская дуга. До неё ещё целых два года с копейками – это сражение было под Дубно (Западная Украина). Там мы проиграли – поэтому вы о нём и не слышали (хвастаться нашей пропаганде нечем). Проиграли с большими потерями, как в технике (танках, самоходках, самолётах), так и в живой силе, которая, практически, вся попала в плен. Просто для сравнения приведу несколько цифр.

В этой битве, которая началась сразу, как гитлеровцы развязали войну, с двух сторон участвовало 4500 танков и самоходок!⁶ Причем со стороны фашистов участвовало всего 800 машин.

Их проблемы – им нужна была асфальтированная дорога,⁷ потому, как целью прорыва по трем основным направлениям (о чуде – по каждому направлению была одна единственная хорошая дорога на нашей территории!) «Север», «Центр», «Юг», было молниеносное наступление с захватом крупных городов, мостов, железнодорожных узлов, и только вторичной целью было окружение наших войск.

Наши же войска, когда началась война, думали, что главная цель – окружение, и потому вели себя соответственно – жгли драгоценное топливо, постоянно меняя место дислокации (нахождения).

Радиосвязь у фашистов была установлена на всей подвижной технике, и они ей пользовались, как в режиме боя, так и при перемещении.

На наших танках, только на каждом четвертом, коим являлся командирский танк,⁸ это в лучшем случае, в обычном варианте одна радиостанция на батальон. Поэтому в режиме круговерти боя, наши танкисты воевали с открытыми люками, и получили от фашистов прозвище – маус (мышь), потому как с открытыми люками были на них, на мышей, похожи.⁹

Дубно – это населенный пункт со всех сторон, окруженный болотами, через который и проходила одна из основных дорог, по которой шло стратегическое наступление немцев. Соответственно у фашистов, техника которых нуждалась в асфальте, была цель – захват этого ключевого города, через которых проходила одна из трех очень важных для них магистралей.

⁵ Барбаросса. Лично мое мнение, что для подобных операций всей хваленной немецкой технике и промышленности требовалось колоссальное количество нефти, которое тогда было только у США и в меньшей степени – у СССР. Арабские месторождения открыты ещё не были, чуть-чуть добывалось в восточной Европе, но остро недостаточно. Стало понятно, что через короткое время танки перестанут ездить, самолёты летать, заводы – работать, и англичане с американцами выдавят немцев обратно из завоеванных стран Европы, поэтому Германия решила, что надо захватить советские месторождения, ну а дальше мы знаем... Потому основное направление был – Кавказ (нефть), а попутно, если получится – Москва

⁶ Визуальное отличие танка от самоходки в том, что у танка есть поворотная башня, а у самоходки нет

⁷ В документах немцев тех лет, был даже запрет на передвижение пехоты по асфальту – только рядом и по обочине, чтобы не мешать технике вторгаться на нашу территорию!

⁸ Танковый взвод – три танка. Танковая рота – три взвода (9 танков) плюс отдельно танк командира роты. Итого 10 танков. Батальон – 30 танков (три роты) плюс танк командира батальона и танк начальника штаба. Полк – около ста танков. Дивизия – около трехсот, плюс в ней ещё есть иная техника

⁹ Позже плюсы открытых люков изменились. Оказалось, что попадания болванки в башню нашего танка, чаще всего люк уже не открывался изнутри, соответственно, в случае возникновения задымления или пожара внутри танка, а такое происходило сплошь и рядом, экипаж был обречен и погибал. Соответственно люки не закрывались наглухо, а привязывались на временный крепеж (веревка), что и позволяло быстро покинуть танк экипаж в случае необходимости

Наши командиры, после начала вторжения (войны), до этого тоже додумались и послали в Дубно стрелковую дивизию. Вот тут проясню – послали пешком. А дивизия располагалась за много часов пути от Дубно. Техники у нас для перевоза пехотинцев повсеместно не было.

Итог понятен – не успели. Пытались штурмовать уже занятый немцами город. А вся остальная масса танков не имела единого управления после того, как они вступили в бой, тем более очень хорошо у немцев работал радиоперехват, и ко многим «сюрпризам» они были уже готовы. Помимо отсутствия связи между частями в бою (связные с пакетами были, но ситуацию они усугубляли – слишком запаздывала информация. Пока посыльный приходил – ситуация на поле боя давно уже была другой). Далее – самое важное. Приказ об отступлении мог дать любой командир, потому сплошь и рядом были отступления без приказа командующего армией или фронтом, а это означало, что вы, удерживая полосу фронта в десятках километров, думая, что соседи так же сражаются, вдруг видели в своем тылу фашистов. А это оказывается, что ваш сосед отступил и оголил фланг, куда немцы и зашли. Итог – окружение и, как следствие – «котёл», в котором варились, погибали и попадали в плен, иногда целые Армии.¹⁰ И только в 1942 году, летом, был издан приказ №227, карающий за отступление любого подразделения Армии без приказа, чуть ли не командующего Армией.¹¹ Были, конечно и маленькие победы, но это было скорее исключение, чем правило.¹²

Умудрились сотворить танковую пробку во Львове. Там все улицы созданы средневековыми архитекторами так, чтобы наступающий враг (не знающий особенности города) не смог дойти до центра. А наши танкисты в невероятном количестве решили сократить путь на фронт. Они, конечно, не враги, но особенностей города они не знали. Танкисты не пошли через поля вокруг города, а пошли через город – напрямую. Итог – город встал в танковых пробках.

Пока разобрались – фашист продвинулся в глубь на сотни километров не встречая сопротивления.

Далее. Поломки. В некоторых случаях несовершенная техника выходила из строя прямо во время марша. Процент ужасающий. В целом – половина не дошла до поля боя и осталась стоять по полям и лесам, служа фрицам «натюрмортом» для фотографий, которые они посылали к себе домой.

Та техника, что дошла – вступала в бой. Командиры руководили в целом правильно, но... танки без пехоты, без авиаподдержки, без артиллерии¹³ – неэффективны. Пехота без грузови-

¹⁰ Личный состав армии – 220.000—250.000 человек – это до 8 армейских корпусов (28 пехотных дивизий и 2.800 орудий). Полевой армии придавалось 300—350 самолётов

¹¹ «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» или в просторечии «Ни шагу назад!» – приказ №227 Наркома обороны СССР И. В. Сталина от 28 июля 1942 года. Он был направлен на повышение воинской дисциплины в Красной армии, запрещал отход войск без приказа, вводил формирование штрафных частей из числа провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, а также заградительные отряды в составе самих армий

¹² Группа Попеля (Попель Николай Кириллович – заместитель командира механизированного корпуса) столкнулась с соединениями 16-й танковой дивизии. Для немцев эта встреча также стала неожиданной, они не думали в этом районе встретиться с русскими. В двухчасовом бое все немецкие атаки были отражены, а 15 танков, которые прорвались в расположение советских войск, были захвачены (13 из них в исправном состоянии). Захват этих танков подтолкнул Попеля и Васильева к идее организации диверсии во вражеском тылу. Операцию назвали «чудом». Её возглавили старший политрук Иван Кириллович Гуров (заместитель по политической части командира 67-го танкового полка) и старший батальонный комиссар Ефим Иванович Новиков (заместитель начальника отдела политпропаганды в 34-й тд). Трофейные (немецкие) Т-3 и Т-4 по одному проникли в расположение противника. Они должны были по одному, с интервалами, войти в немецкую колонну, вытянувшуюся на дороге, и ждать сигнала. По сигналу красной ракеты, его в 24.00 дал Гуров, советские танкисты должны были расстрелять впереди стоящие немецкие машины и в суматохе уйти. «Чудо» удалось. Ночью загрохотали выстрелы, забушевало пламя. Часа через полтора вернулся первый танк-диверсант, к рассвету прибыли ещё 11 танков. Только один танк был потерян, но и его экипаж благополучно выбрался из вражеского тыла и пешком добрался до своих. Результат был вполне ожидаем – 16-я немецкая танковая дивизия утром не смогла перейти в наступление

¹³ Артиллерия отстала вместе с пехотой, но по другим проблемам – нехватка тягачей, плюс конная тяга – гораздо менее скоростная, чем у танка

ков безнадежно отстала. Самолёты летали, но без радиосвязи сообщить о перемещении войск было, толком, некому.

А потом у всех закончилось топливо. А в окружение доставить топливо не было никакой возможности. Трофейное топливо не подходило. У нас был дизель – у них бензин.

На этом было всё. 29 июня 1941 года бои были закончены.

Началась вторая фаза – героический выход из окружения.

Повезло не всем. Большая часть попала в плен.

Количество техники сократилось на 90%!

Это был разгром.¹⁴ Вот так для нашей страны началась война...

¹⁴ Самое страшное время боёв 1941 и 1942 г.г., снабжения нет, боеприпасов нет, обмундирования нет, опыта управления малыми и средними подразделениями мало, отсутствие опыта перегруппировок больших группировок, теории нет, практики очень мало, а воевать надо...

Танкист Ефим

Танк, который первым идет в колонне, считай смертник.

Меня определили в танковую бригаду. Мы получили танки, погрузились на поезд. Направление – Киев. Первый бой. Мне не повезло, и там я первый раз сгорел. Попал в танк снаряд – всех в танке убило, чудом из всего экипажа остался живым я один.

Помню, по броне удар такой силы, что как голова внутри взорвалась и кожа от мяса отделилась. Танк мой встал и загорелся. Мой экипаж остался убитый внутри, а я смог выскочить. С танка своего спрыгнул по ветру, как учили, чтоб в дыму спрятаться. Пистолет уже был в руках. И вот я нос к носу сталкиваюсь со здоровым рыжим немцем. Автомат у него на шею висит, видать в горячке боя забыл про него, когда меня увидел, ну и руки ко мне тянет. Видимо хотел меня придушить голыми руками – уж очень он здоровый был. Выстрелил я ему в грудь из ТТ и побежал... Моё счастье, что перед этим самым боем командир роты дал мне пистолет какого-то убитого политрука, и хорошо ещё, что я его зарядил перед боем. С тех пор всегда всё стрелковое оружие с патроном в патроннике держу, к выстрелу, так сказать, готовым.

Первый бой меня очень сильно испугал. Немец тот перед глазами стоит. Первый мой фашист, убитый собственными руками.

Тут наши автоматчики подходят, а я сам не свой рассказываю им, что случилось, а меня трясет всего, зуб на зуб не попадает.

Отвели меня на кухню полковую, отойти, пока суть да дело.

Утром уже выяснилось, что в экипаже командира соседней роты ранили командира орудия, и меня определили к нему. С ним сражались на Украине. Потом его убило. Третьего, вообще, не помню. Четвертым был осетин. В итоге так я сменил семь танков. Последним командиром танка у меня был Володя. Хороший был мужик. Он одиннадцать танков немецких сжёг, а потом убило его...

Второй раз я горел в танке, когда нарвались на «тигра». Я по нему луплю, а от него только искры летят и хоть бы хны ему, а вот, когда он начал по нас лупить, то тут стало всё плохо. Первый броневой от него попал в нижнюю часть. Сразу убило нашего радиста и заряжающего. Танк загорелся и всё стало в дыму – дышать было нечем. Опыт уже был, потому знал, что делать – рванул люк, выпрыгнул, перекувыркнулся и в кустарник. Там залёг, осмотрелся, увидел, где опасность и побежал в другую сторону.

Танк костром горит, а потом рванул, да так, что башня отлетела на пятьдесят шагов, а катки – на двести. Почему так сильно? Да просто всё, ведь в танке только одних снарядов под полторы сотни.

Я обычно шёл вторым, с командиром взвода. А кого первым пускают – это, считай, смертник – ему первому болванка достаётся. Атака началась – ляп – первый наш горит. Ляп – второй готов. С пятого боя мне уже стало безразлично, жив останусь, жив не останусь – стало всё равно. После боя вернулись, смотришь – тот земляк погиб, этот сосед погиб, тёзка сгорел... люди гибли безбожно. Война. Хоронить не успевали. И с пополнением знакомиться тоже не успевали. Только запомнил, как его зовут, а уже хоронишь, то, что от него осталось. Очень часто – угольки... или шлемофон с кусочками волос там, или мяса человеческого.

И механиком—водителем в бой ходил, до чего же нелёгкое это занятие, не позавидуешь им. Рычагами шуруדותь туда—сюда, а на рычаге усилие – тридцать два железных килограмма. После того боя я просто слег – сил не было ложку с кашей ко рту поднести, хоть и есть хотелось. Потом командир вернул меня опять на командира орудия.

Свой первый осколок я получил во Львове. Там получилось, что принесло нас к ратуше на площади, а к ней сходились восемь улиц со всего города. На одной из этих улиц стояла в засаде «пантера» – фашисты ждали нас и нашу атаку, но автоматчики наши предупредили

нас. Мы развернулись и зашли с другой улицы, чуть левее. Я выглянул и увидел, что она стоит к нам боком и до неё метров триста... Мы только выскочили, я сразу ей под башню – хлоп и готова «пантера» с первого же выстрела!

Командир разошелся, решил идти вперёд без разведки, тем более что автоматчики сказали, там ещё один танк стоит, на улице, что правее. Подумал, что и этого также возьмём.

Я его отговаривать, говорю ему, да уже понял фашист, что мы тут их танки лупим, и может другую засаду нам устроить, а в лоб мы его не возьмём! А он молодой к нам пришёл, ничего слушать не хочет – вперёд, и всё тут. Ну, мы выскочили и прямо на него, и он как вlepил нам в лоб, и весь наш экипаж уложил, включая меня. Как я и говорил – ушёл сволочь на другую сторону и ждал в засаде. Мы все в танке валялись без сознания, и ещё хорошо, что он не полыхнул.

Очнулся я уже на операционном столе – весь перебинтованный. Операция окончена. Потом мне медсёстры рассказывали, что в тот день к ним приехал опытный хирург с большой проверкой, а тут меня привезли одним из первых. Он у них спросил:

– Что за танкист лежит и какое ранение?

– Черепно-мозговое, проникающее ранение!

– Так, на стол его, быстро! Будет у меня через две недели опять бить фашиста!

Сказали сестрички, что повезло мне с доктором! Выдолбил он мне отверстие здоровое в черепе, но достал всё, чего в голове быть не должно и зашил, как было. Не соврал хирург московский – через две недели у меня зажило всё, и я опять пошёл на фронт, где и попал в плен, на это раз не повезло. Но зато нашей группе пригодился, когда из плена побежали и в прорыв на танке рванули...

Краткая биография командира...

Закончил училище и как командир танка направлен на военную службу в Белоруссию.

22 июня 1941 года началось с как у всех на западных заставах.

Около 4.00 шквальный огонь по территории заставы. Мы же стояли в леске, что рядом (отдельная рота НКВД в Л-ом погранотряде), при роте были прикомандированы три танка Т-34-76 для обучения личного состава основам борьбы с танками противника.

Когда немецко-фашистские оккупанты пошли на штурм заставы, мы замаскировали танки и ждали приказа от командира погранотряда. Связной, заряжающий одного из танков, которого я послал в штаб отряда, не вернулся. В связи с тем, что только в одном из трёх танков есть боекомплект (два других, предназначенных для обучения л/с, были пустые) наш отряд не мог оказать полноценное сопротивление, потому было принято решение мной ждать до 23.00 22 июня 1941 года. Боекомплект мы разделили на три танка поровну. Не дождав-шись ответа из штаба, я принял решение – внезапным манёвром на трёх танках прорваться в расположение погранотряда. 23 июня 1941 года в 2.00 мы завели танки и распугав своим видом пехоту противника ворвались к своим. Без потерь. Там мы выяснили, что боезапас на исходе и долго продержаться не получится. Два дня, 23 и 24 июня мы сдерживали противника на подступах к рубежам заставы. 25 июня 1941 года нами было принято решение прорываться из окружения на трёх наших танках, и уходить в сторону Б. Прорвав первое кольцо окружения, мы упёрлись в подразделение немцев, которые имели на вооружении зенитные установки. С учётом того, что боезапас с одного танка мы распределили на три, снаряды приходилось экономить и бить только наверняка. Мы потеряли два танка в первые два часа боя. Первый танк был обстрелян...

пограничники удерживали рубежи, но боезапас вскоре закончился. Застава 3 дня воевала в окружении. Два Т-34 погибло от ударов авиации. На его танке без боеприпасов на третьи сутки оставшиеся попытались пробиться к своим. После израсходования горючего танк

утопили в реке. Дальше бои, контузия, плен, побег, снова свои, тюрьма, освобождение после находки по его описаниям танка в реке, возвращение в строй, взятие Берлина.

T-34 были превосходными танками на начало войны, но без снабжения и прикрытия с воздуха они могли только сражаться с атакующими и погибать. Что они и делали.

не настолько он был превосходен... во-первых крайне неудобен для экипажа, второе – неудачная концепция командир-наволчик орудия... в третьих – не такой он уж и неуязвимый был – 5см ПТ и танковые орудия его пробивали уверенно подкалиберными снарядами с примерно 500метров в любую проекцию, туда-же довольно хрупкая броня – при попадании снаряда в танк, даже если не было пробития зачастую образовывались сколы внутри танка, с образованием мелких осколков что приводило к поражению экипажа...

Можно ещё очень много недостатков перечислять... Как то отсутствие связи и расположение баков с горючим в боевом отделении (за что я-бы конструктора под суд отдал была

В самом Тернополе я два танка сжёг. А потом по мне как дали, я еле выскочил из танка, – вспоминал Борис Кошечкин. – В танке, даже если снаряд противника лизнёт, сделает рикошет, то в башне все эти гаечки отлетают. Окалина в лицо, а гайкой и башку пробить может. Ну а если загорелся, открывай люк, быстрее выскакивай. Танк горит.

Как следует из рассказа Кошечкина, накануне Курской битвы к ним в часть прибыли канадские танки «Валентайн» лёгкого пошива с 50-миллиметровой пушкой. Очень уж эта машина была похожа на немецкий танк Т-3. В голове 22-летнего командира взвода Бориса Кошечкина родился дерзкий план. Он нарисовал на своём танке гитлеровские кресты, надел на себя немецкий комбинезон и вместе с экипажем среди белого дня направился в тыл к немцам.

Языком немецким я владел неплохо – всё же вырос среди немцев Поволжья. У нас учительница была настоящая немка. И на немца смахивал – русский, — рассказывал Борис Кошечкин. – Пересёк линию фронта, зашёл в тыл к немцам. Там пушки с расчётами. Я две пушки придавил, вроде нечаянно. Мне немец орёт: «Куда ты прёшься?!» – Я ему – «Шпрехен зи битте ниht зо шнель». Мол, разговаривай не так быстро. Я подъехал к немецкой большой штабной машине. Механику Терентьеву говорю: «Паша, сейчас прицепим эту машину». Миша Митягин залазит в эту машину, ищет пистолет или что-нибудь пожрать. Я сижу на башне, пушку вот так ногами обнял, бутерброд уплетаю. Машину подцепили и поехали.

Немцы встрепенулись, только когда танк с прицепленной к нему тяжёлой штабной машиной двинулся в сторону линии фронта. Они открыли огонь из 88-миллиметровой пушки. Снаряд насквозь пробил башню танка. Механик-водитель Павел Терентьев получил лёгкое осколочное ранение в плечо, а Кошечкина сильно оглушило, из носа и ушей пошла кровь. Но тем не менее они смогли вернуться в расположение части на повреждённом танке и притащить немецкую штабную машину. За доставленные важные документы и бумаги противника столь необычным способом Борис Кошечкин был награждён орденом Красной Звезды.

— — —

Так продолжалась война

Нет добрых или злых немцев, есть умные и глупые.

Умные не хотят воевать с нами, потому что знают, чем всё закончится, а глупые хотят, потому как даже не догадываются...

Когда у меня спрашивают, так что же произошло в сорок первом?

Как так? Отступление, потери, плен, Ленинград в блокаде, мы аж к Волге отошли, почему так всё случилось?

Отвечаю.

Как пуля заходит в бронежилет? Что её останавливает? Героизм жилета или его конструкция? Правильно – конструктивная особенность. Бронежилет состоит из слоёв. И вот, когда немцы собрали всю свою силу в единую пулю, наши командиры создали оборону слоями. Правильно или неправильно уже не нам судить, мы только можем попытаться понять.

Соотношение сил было не в нашу пользу. На каждого нашего солдата – приходилось полтора немца. То есть, на одну нашу дивизию приходится три-четыре немецких. С учетом их лучшей подготовки и полной отмобилизованности шансов устоять просто не было. Несмотря на любой героизм.

Но у нас было больше возможностей по будущей мобилизации – призыва в армию, после начала войны, а на это время надо, но и слои будет легче создавать, а именно они и были нужны.

Если бы мы сосредоточили все силы на границе и первыми¹⁵ не ударили, то была бы исполнена мечта Гитлера – три месяца войны, и он стоит на линии Архангельск-Сталинград-Астрахань, а вся Красная Армия в плену.

И вот они решились на удар, так как знали, что воевать мы разучились (на примере Советско-Финской войны).

Но всё пошло не по плану Гитлера.

Каждая река, каждый город, каждый русский солдат встречал их ожесточенным сопротивлением – ни один завоёванный квадратный километр не давался немцам даром. И уже к осени от превосходства в живой силе и технике у немцев не осталось и следа.

Немцы успешно продвигались по 60 км в день? Возможно, если только не вспоминать поход Наполеона тем же маршрутом, но его солдаты шли пешком (с тех же рубежей), и вышли на несколько недель к Москве позже, чем гитлеровцы на своих танках и самолётах, но так в неё и не заехали. При этом потеряв половину Группы Центр и не выполнив ни одной из поставленных Гитлером задач в русской кампании.

Из всех довоенных преимуществ было потеряно главное – кратное преимущество действующих сил на фронте.

Оставалось ещё преимущество в производстве, мобилизационном людском резерве¹⁶ и логистике, которыми экстренно накачивали сдвигшийся фронт в 1942 году. Сначала перед броском на Кавказ и к Волге, потом, в 1943 году, перед Курским сражением.

¹⁵ Было множество переговоров и пактов СССР и Германии, в которых были планы и обсуждения, как делить мир, что-то одобрялось, что-то отвергалось, но при единственно важной составляющей, что для мира капитализма наша страна являлась «красной чумой» (забрать всё у капиталистов и раздать рабочим – эта заразная идея находила очень много сторонников по всем странам, в той же Германии за партию коммунистов (Тельмана) проголосовало 5 миллионов немцев), и нас надо было или уничтожить или нейтрализовать. Потому бить первыми – дать всему миру возможность признать нас агрессором и ликвидировать, мы допустить не могли, соответственно оставалось понять, что по нам ударят и мы должны не проиграть. На момент удара (22 июня 1941 года) на Германскую армию уже работали ВСЕ заводы Европы, как гражданские, так и военные

¹⁶ Вместе с Германией к войне с СССР готовились её союзники: Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния и Италия, которые выделили для ведения войны следующие силы: Финляндия 340.600, Словакия 42.500, Венгрия 44.500, Румыния 358.100, Италия 61.900. Итого 847.600 солдат – почти миллион!

Благодаря постоянному наращиванию производства внутренний выпуск СССР по всем основным вооружениям и технике обогнал совокупный европейский (он же гитлеровский) к концу 1942 года (а к концу 1943 и ленд-лиз, наконец, стал давать ощутимый, а не виртуальный эффект).

Без топлива, боеприпасов, продуктов и новых солдат, армия воевать не может. А чтобы доставить топливо из Европы к Сталинграду, например, надо преодолеть тысячи километров пути, на которых был взорван партизанами каждый десятый эшелон в 1942 году, и каждый пятый – в 1943 году.

Мы имели сухопутные границы с потенциальными агрессорами и на Дальнем Востоке (Япония), и на юге (Турция), потому создавая эффект бронжилета – наши командиры сначала снизили эффект удара по нашей стране до нулевого (миллиметр за миллиметром спереди расплющивали и останавливали их гигантскую пулю), а потом ударили в ответ.

Цифры (можно не читать)

На 15 июня 1941 г. вермахт насчитывал 7 329 тыс. человек: 3 960 тыс. – в действующей армии, 1 240 тыс. – в армии резерва, 1 545 тыс. – в ВВС, 160 тыс. – в войсках СС, 404 тыс. – в ВМФ, около 20 тыс. – в инациональных формированиях. Кроме того, до 900 тыс. человек приходилось на вольнонаемный состав вермахта и различные военизированные формирования.

Вермахт располагал 208 дивизиями, 1 боевой группой, 3 моторизованными и танковыми бригадами и 2 пехотными полками. Эти войска имели 88 251 орудие и миномет, 6 292 танка и штурмовых орудия и, 6 852 самолёта. Пользуясь отсутствием сухопутного фронта в Европе, Германия смогла развернуть наиболее боеспособную часть своих вооруженных сил на границе с СССР. Всего для нападения на Советский Союз германское командование выделило 4 050 тыс. человек (3 300 тыс. в сухопутных войсках и войсках СС, 650 тыс. – в ВВС и около 100 тыс. – в ВМФ). Восточная армия насчитывала 155 расчетных дивизий, 43 812 орудий и минометов, 4215 танков и штурмовых орудий и 3 909 самолётов. Из этих сил на 22 июня 1941 г. на Восточном фронте было развернуто 128 расчетных дивизий, и германская группировка насчитывала 3562 тыс. человек, 37 099 орудий и минометов, 3 865 танков и штурмовых орудий и 3 909 самолётов. Вместе с Германией к войне с СССР готовились её союзники: Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния и Италия, которые выделили для ведения войны следующие силы:

Финляндия 340.600, Словакия 42.500, Венгрия 44.500, Румыния 358.100, Италия 61.900. Итого 847 600.

По СССР:

К началу войны советские вооруженные силы насчитывали 5 774 211 человек: 4605 321 – в сухопутных войсках, 475 656 – в ВВС, 353 752 – в ВМФ, 167 582 – в пограничных и 171 900 – во внутренних войсках НКВД.

Группировка советских войск на Западе насчитывала 3 088 160 человек (2 718 674 – в Красной Армии, 215 878 – в ВМФ и 153 608 – в войсках НКВД), 57 041 орудие и миномет, 13 924 танка (из них 11 135 исправных) и 8 974 самолёта (из них 7 593 исправных). Кроме того, авиация Северного, Балтийского, Черноморского флотов и Пинской военной флотилии имела 1 769 самолётов (из них 1 506 исправных). К сожалению, техническое оснащение войск НКВД до сих пор неизвестно. Кроме того, с мая 1941 г. началось сосредоточение 77 дивизий второго стратегического эшелона из внутренних военных округов и с Дальнего Востока. К 22 июня в западные округа прибыло 16 дивизий (10 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные), в которых насчитывалось 201 691 человек, 2 746 орудий и 1 763 танка.

История одной фотографии

Зиновий Колобанов

Колобанов считается единственным советским танкистом, чей танк за один бой 19 августа 1941 года уничтожил 22 немецких танка. В немецких документах данный подвиг не упоминается, что в принципе понятно. Но по упоминанию количества безвозвратных потерь в эти дни войны, и по переформированию нескольких танковых батальонов, в принципе, вероятнее всего, что действительно, рота под командованием Колобанова, записала на свой счёт 43 подбитых немецких танка не с потолка. Есть просто нюанс. Подбитый не есть уничтоженный. Большую часть танков немцы восстановили. Также, как и мы, немцы подбитые танки не выбрасывали.

Колобанов, по результатам этого боя, был представлен к Герою Советского Союза, но звание ему не дали.

Колобанов командовал ротой тяжёлых танков КВ-1. У немцев на начало войны тяжёлых танков не было вообще, и уничтоженная колонна состояла из лёгких чешских танков LT vz.35, которые были и слабо бронированы и имели 37-миллиметровое орудие, которая броня КВ-1 сделать ничего не могла, но могла повредить ходовую, вполне себе успешно.

Но вы себе только представьте, какую силу воли должен был иметь экипаж, ведь после того для на танке Колобанова насчитали, по разным данным, от 120 до 140 попаданий снарядов.

Наши отступили после того, как к немцам подошло подкрепление (немецкие средние танки PzKpfw IV, у которых и броня была потолще и пушка 75мм,) а у наших подошел к концу боезапас.

Те танки, что вошли в копилку Колобанова были лёгкие, но этими лёгкими танками Германия захватила всю Европу. И воевать они на них умели. А тех, кто сомневается в этой, относительно легкой победе русского оружия над европейским, надо посадить в КВ-1 и бахнуть по танку 150 раз из 37-миллиметровой пушки, а потом ещё двадцать раз добавить из 75-миллиметровой...

Этим боем история Колобанова и заканчивается, через несколько недель он получает тяжёлое ранение в голову, лечится всю войну, и в строй возвращается после её окончания.

История одной фотографии

Летом 1941 года к белорусскому городку Кричеву прорывалась 4-я танковая дивизия – одна из дивизий 2-й танковой группы Хайнца Гудериана, на тот момент самого талантливого немецкого генерала-танкиста. Красная Армия отступала, не отступал только наводчик Коля Сиротинин – девятнадцатилетний мальчишка, невысокий, тихий, кареглазый.

Боевая задача – прикрыть отход наших войск. Командир сообщил, что приказать не может, потому выполнять её пойдут только добровольцы.

Николай вызвался добровольцем. Вторым остался сам командир.

На двоих пушка—сорокапятка и 70 снарядов.

Утром 17 июля 1941 года на шоссе показалась колонна немецких танков. С позиции на холме прямо на колхозном поле они были, как на ладони, ему хорошо видны были шоссе и мост через речушку Добрость, сама же пушка была не видна – тонула в высокой ржи. Когда головной танк вышел на мост, Коля первым же выстрелом подбил его – сбил с него гусеницу (как учили). Вторым снарядом поджег бронетранспортер, который шёл последним в колонне. Попробую восстановить события того дня по обрывкам документов и рассказам местных жителей.

Почему Коля остался в поле один? У него была задача – подбить головную и замыкающие машины противника, чем создастся затор на мосту. Командир подразделения (лейтенант) корректировал огонь в укрытии возле моста, а потом вызвал огонь нашей дальнобойной артиллерии по обездвиженным немецким танкам. Из донесений становится понятно, что лейтенанта сначала ранили, а уже потом он отошёл в сторону наших позиций.

Николай, после выполнения боевой задачи тоже должен был отойти к своим, но у него ещё было с полсотни снарядов, потому он продолжил свой бой.

Два немецких танка прицепили тросы и попытались стащить головной танк с моста, но тут заговорила пушка Николая и счёт подбитым танкам увеличился до трёх.

Следующий танк был подбит после того, как попытался преодолеть речку Добрость не по мосту и увяз в камышах на берегу.

Каждый выстрел Николая Сиротинина попадал в цель. Беспорядочная стрельба по ржаному полю не приносила русскому артиллеристу никакого вреда. Танки Гудериана уперлись в Колю Сиротинина, как в непреступную крепость. Через час боя уже были выведены из строя одиннадцать немецких танков и шесть бронетранспортеров!

На втором часу у Николая стали заканчиваться снаряды. Немцы пошли через речку вплавь с разных сторон и окружили место, где окопалась русская батарея. Предлагали сдаться, но Коля ответил стрельбой по ним из винтовки. Его закидали гранатами. Пушка умолкла.

Отрывок из дневника обер-лейтенанта 4-й танковой дивизии Хенфельд:

«17 июля 1941 года. Сокольничи, близ Кричева. Вечером хоронили неизвестного русского солдата. Он один стоял у пушки, долго расстреливал колонну танков и пехоту, так и погиб. Все удивлялись его храбрости... Оберст (полковник) перед могилой говорил, что если бы все солдаты фюрера дрались, как этот русский, то завоевали бы весь мир. Три раза стреляли залпами из винтовок. Все-таки он русский, нужно ли такое преклонение?»

Воспоминания местного жителя (учительницы немецкого языка сельской школы) Вержбицкой:

– Во второй половине дня немцы собрались у места, где стояла пушка. Туда же заставили прийти и нас, местных жителей. Мне, как знающей немецкий язык, главный немец с орденами приказал переводить. Он сказал, что так должен солдат защищать свою родину – фатерлянд. Потом из кармана гимнастерки нашего убитого солдата достали медальон с запиской, кто да откуда. Главный немец сказал мне:

«Возьми и напиши родным. Пусть мать знает, каким героем был ее сын и как он погиб».

Я побоялась это сделать... Тогда стоявший в могиле и накрывавший советской плащ-палаткой тело Сиротинина немецкий молодой офицер вырвал у меня бумажку и медальон и что-то грубо сказал.

Гитлеровцы еще долго после похорон стояли у пушки и могилы посреди колхозного поля, не без восхищения подсчитывая выстрелы и попадания...

— — —

Сегодня в селе Сокольничи могилы, в которой немцы похоронили Колю, нет. Через три года после войны останки Коли перенесли в братскую могилу, поле распахали и засеяли, пушку сдали на металлолом. Да и героем его назвали лишь через девятнадцать лет после подвига – он посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Памятник Николаю тоже поставили, но нескладный, с фальшивой пушкой и просто где-то в стороне от того места.

— — —

11 танков и 7 бронемашин, 57 солдат и офицеров недосчитались гитлеровцы после боя на берегу реки Добрость, где стоял на смерть русский солдат Николай Сиротинин (родом из Орла, призван в армию в 1940 году. 22 июня 1941 г. при авианалете был ранен, но ранение было легкое, потому через несколько дней его направили на фронт – в район Кричева, в состав 6-й стрелковой дивизии наводчиком орудия).

Надпись на памятнике гласит:

«Здесь на рассвете 17 июля 1941 года вступил в единоборство с колонной фашистских танков и в двухчасовом бою отбил все атаки врага старший сержант-артиллерист Николай Владимирович Сиротинин отдавший свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины».

Сиротинин 2

Расчет советской 76-мм полковой пушки образца 1927 года в минуты отдыха между боями. Бойцы слушают наводчика орудия младшего сержанта Михаила Ивановича Селина

(1925 г.р), играющего на мандолине. Расчёт орудия состоял из 7 человек: командира орудия, наводчика, заряжающего, замкового, правильного и двух ящичных.

Я умоляю вас – помните историю своей земли!

*Облака летят белым—белые,
Помню глаз твоих грусть несмелую,
Помню ты молчишь, слёзы катятся
И сыночек наш в юбке прячется
Цитата из песни «Летят Лебеди»*

Я нашел семью того политрука—еврея—военнопленного, который смог сбежать из немецкого плена. Того, кто воевал и бедствовал вместе с Созирико Газдановым. Очень приличные люди и в данный момент живут, как ни странно, в Германии, хотя родом из-под Винницы, и у них там до сих пор есть земля и дом.

Почему, напишу позже.

Это немного странно, но очень интересно.

Начну эту часть романа с публикации не дневника, а скорее воспоминаний в виде писем своим внукам, очерков, зарисовок Наума (так зовут героя второй части моего произведения). Все воспоминания целиком публиковать не буду. Опубликую лишь то, что касается уже знакомых вам героев из первой книги «Другая война», их судьбы и того, что будет интересно моему читателю. А если вы впервые знакомитесь с моим творчеством, то сообщу вам, что мне, иногда, на самом деле удается выбрать наиболее интересные моменты событий из жизни того героического поколения, которое, практически уже от нас ушло, оставив после себя вот такие вот записи в своём дневнике:

Дорогие мои внуки, Даниэль, Иссахар, Ализа и Лайла!

Если вы читаете эти строки, которые я записывал, время от времени, в свой дневник, значит я уже отправился в лучший мир, а это некое письмо-завещание к вам.

Но просьба будет в конце.

Сначала вы должны это прочитать.

Когда-то давно на земле началась самая страшная для нашего народа война. Помню, как вы, насмотревшись фильмов про лётчиков и Штирлица, часто просили меня рассказать о том, как я воевал. Как я шутил и уходил от ответа, но один раз, когда вы меня уже в двадцатый раз спросили, мне пришлось задать вам вопрос: «Война – это убийство людей. Сможете ли вы человека зарубить, к примеру топором или лопатой? Вот просто так, ни за что, ни про что, потому что иначе он тебя своим немецким штык—ножом проткнёт? Потому что он безжалостный и лютый враг, оккупант?»

Вы примолкли и после таких моих слов вопросов больше не задавали. Я увидел, глядя в ваши глаза, что у вас состояние, как будто вы все прикоснулись к чему-то страшному и запретному... Так оно и есть. Тогда я не решился вам рассказать обо всём этом, но сейчас понимаю, что надо, надо вам это знать и понимать. Ведь только понимание, знание своей, пусть и страшной истории, даст вам ключ к двери, которая называется жизнь...

К нам пришла война...

Я не отсиживался дома и пошёл воевать с первого дня. Пока я воевал, нашу Винницу оккупировали немцы и в числе первых убили вашу бабушку, мою жену – Рахель...

Потом убили всех...

На фронте у меня появился друг – Созирико Газданов, бравый и бесстрашный парень из Северной Осетии. Мы с ним пережили всё, что только могут пережить на фронте два товарища: гибель друзей, окружение, драка до последнего патрона, плен, концлагерь. Там я приобрёл

рёл ещё несколько верных друзей: Григория Михайловича, Валентину, Матвея, Андрея, Георгия...

Потом побег. Но когда до своих оставалось несколько шагов, Созирико и ещё несколькими нашим товарищам не повезло – они погибли, но погибли уже свободными...

Мы поклялись друг другу, что те, кто останется жив обязательно расскажут родителям погибших, как мы сражались за Родину.

И вот я приехал в Осетию...

Гнетущее чувство осталось у меня после посещения, более, чем гостеприимного дома Газдановых. Возможно, я себе думаю не те мысли, но мне показалось, на секунду, но показалось, что Асахмат (папа Созирико) представил на моем месте своего Созирико, и мне показалось, что он подумал о том, почему рок выбрал в качестве жертвы его сына, а не меня. Ведь сейчас его Созирико мог сидеть вот на этом стуле, и возможно ехать с печальной вестью ко мне домой... а не остаться памятью в видеobelиска, где семь журавлей улетают в небо...

От большой семьи Газдановых, в которой было девять взрослых человек, семеро братьев и папа с мамой, в живых остался отец Асахмет и его сыновья, Шамиль и Хасанбек. Мама умерла от горя, когда узнала, что пятеро её детей погибли. Шамиль пишет часто, а от Хасанбека (их младшего) писем нет, но и похоронки тоже нет, потому считает папа, что он живой. У Шамиля есть невеста в Севастополе, зовут Марина, когда Асахмет узнал, что я собираюсь в Севастополь, к родителям ещё одного нашего боевого друга – Георгия, то попросил передать для неё небольшой подарок.

Я согласился и взял адрес.

Землю из родной Осетии, которую Созирико носил на груди, я привёз в его дом.

Мы воевали все за Родину. Воевали и старались изо всех сил. Каждый из нас делал всё, что мог, чтобы остановить гитлеровцев.

Но на войне суждено выжить не всем, а за каждого замученного фашистами человека, они поплатятся.

За вашу бабушку я отомстил сполна... и буду мстить дальше, я знаю, что рано или поздно нацисты будут прятаться по всему миру от возмездия, но моё дело будет их находить, выковыривать из щелей, по которым они прячутся, и уничтожать, как тараканов...

Журавли

Северная Осетия. Маленькая, но очень гордая республика, которая всегда гордилась своими сынами. Село Дзуарикау. Вся мужская часть села ушла на фронт – почти триста мужчин.

В семье Газдановых, которые жили в этом селе, было семеро сыновей – на фронт ушли все.

Первый, самый старший, Махарбек, погиб в 1941 году, в контрнаступлении под Москвой. Последнее письмо пришло от него 5 декабря. Этот день в России празднуется, как день великого подвига – День Воинской Славы... Надломили тогда хребет фашистам... В тот день, когда принесли первую похоронку в дом Газдановых, его мама Тасо стала полностью седой...

Город—Герой Севастополь обороняли два сына Газдановых.

Погибли они один за другим.

Почтальон очень долго не решался постучать и просто сидел перед домом Газдановых, сидел и молчал. Мама Тасо вышла сама. И, когда почтальон Алибек достал вторую похоронку, на Хаджисмела, у матери отказало зрение – она в миг ослепла, почтальон это не понял и, когда он достал из почтовой сумки третью похоронку, то мама Тасо спросила, что ты мне даешь в руки, Алибек, письмо?

Алибек ответил, что это похоронка на её третьего мальчика, Магомета...

Взяв похоронку в руки, она сжала до судороги серый конверт и осела на землю... мама Тасо умерла.

Так её и похоронили с извещением о смерти третьего сына Магомета Газданова в руке.

Четвертую, пятую и шестую похоронки уже приносили отцу Асахмету Газданову. Четвёртую – на Дзарахмета Газданова из Новороссийска. Пятая пришла в виде известия от боевого товарища Созирико Газданова, который сообщил отцу о его смерти при побеге из концлагеря.

Шестая извещала о героической смерти Шамиля. Пал он на подступах к Германии, когда победа была уже видна. Погиб он в Прибалтике.

9 мая 1945 года вся страна праздновала Победу над нацистской Германией. Праздновал со всем селом и отец Газдановых – Асахмет, надеялся, что жив его последний сын – Хасанбек, правда и писем он не писал, но и похоронка на него не приходила, думали, что ранен он... не знал отец, что пропал без вести ещё в 1941 году... Но выяснилось это только после Победы. Было это так.

В июне 1945 года письмоносец—инвалид, который сам потерял на войне, помимо руки и трёх своих братьев, отказался нести похоронку на последнего, седьмого сына Газдановых – Хасанбека...

И тогда старейшины села решили, что они сами должны пойти в дом Газдановых и рассказать ему эту страшную, черную весть...

Отец сидел на пороге с единственной внучкой Милой на руках и учил её шитью.

Асахмет увидел, как идут к нему старейшины, вместе с почтальоном, и сердце его не выдержало. Он умер, так и не увидев похоронку на своего последнего сына...

Сыны маленького, но очень гордого и бесстрашного народа, Алании, Северной Осетии, за время Великой Отечественной Войны 34 воина—осетина стали Героями Советского Союза... и ещё 8 было осетин—героев, но они призывались не с Осетии...

В 1963 году в селе Дзуарикау установилиobelisk.

На нем было изображено семь улетающих птиц (журавлей) и скорбящая мама Тасо.

Дагестанский поэт Расул Гамзатов много слышал об этой истории и решил приехать из Махачкалы, где он жил и посмотреть на памятник и пообщаться с теми, кто знал его историю из первых уст.

Узнал. Гордым кавказским мужчинам не к лицу слезы, но Расул их не смог сдержать. Он плакал, глядя на памятник и слушая рассказ Милы Газдановой...

За некоторое время до этих событий.

Под сильным впечатлением, во время поездки в Японию, он написал стихотворение на своем родном аварском языке.

Его друг Наум Гребнев, перевёл это стихотворение на русский язык. Я думаю, что этот перевод знаком каждому:

– Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли, когда—то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?
Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!
Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из—под небес по—птичьи окликаая
Всех вас, кого оставил на земле.

— —

Но вы сейчас прочитали и, надеюсь, вспомнили, окончательный вариант стихов и песни.

Но это всё было потом, а сначала был памятник—обелиск, на котором Расул Гамзатов увидел летящих диких журавлей, и родилось название этому памятнику – «Журавли», как одноименный стих—песня...

Аварский, родной язык Расула не позволял зарифмовать то, что ему было необходимо к слову «гуси», потому было заменено, на «журавли», хотя в тех местах они не водятся...

Это стихотворение, уже на русском языке, попало Марку Бернесу, и поразило его в самое сердце. Как он сам говорил «легло на душу». Война принесла его семье очень много горя.

Марк обратился к своему другу, известному композитору Яну Френкелю, и дал почитать стихотворение. Прочитав, Ян решил написать музыку к этим гениальным стихам.

Но с музыкой у композитора сразу не получилось. Но об этом позже. Сейчас немного расскажу о нем.

Ян Френкель, был высокого роста. В 1941 году он подделал документы, (стал старше на 5 лет) для того, чтобы поступить в Оренбургское зенитное училище. Окончил его в 1942 году.

Принимал участие в боевых действиях, был тяжело ранен и после лечения с 1943 года до конца войны служил во фронтовом театре, играя на рояле, скрипке, аккордеоне.

— —

Следующая история уже уносит нас к переводу этих стихов на русский язык. Оригинал одной из строчек выглядел так:

– Мне кажется, порою, что джигиты...

Бернес не спал несколько ночей, и, как—то утром попросил заменить слово «джигиты» на «солдаты». С его точки зрения, это слово расширяло границы песни на весь мир.

Далее. В оригинале стихотворения есть такое четверостишие:

*«Они летят, свершают путь свой длинный,
И выкликают чьи—то имена
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?»*

Марк Бернес решил его не вставлять в песню по ряду причин... хуже от этого не стало, потому решение было принято.

Работа по созданию песни началась. Через два месяца Френкель написал вступительный вокализ. Слушали вместе с Бернесом. Оба расплакались. Вокализ был утвержден. Бернес начал торопить события, потому что был болен раком лёгких. Ну и прослушав музыку он понял, что последний шедевр в его жизни должен получиться. Последний, он это знал, так как с его болезнью долго не живут. Слабость и проблемы с передвижением не останавливали его, и 8 июля 1969 года сын отвез его в студию, где Бернес записал песню. С первого раза. Без помарок и ошибок.

Так, как она и вошла историю. После того, как прочитаете эти строки, послушайте ещё раз эту запись, и вы услышите все, абсолютно всё в его голосе, он пел и знал, что жить ему осталось четыре недели, он пел и переживал каждый звук в каждом слове, наполняя глубоким смыслом спетое, потому, как сам должен будет превратиться в белого журавля...

Марк Бернес умер 16 августа 1969 года.¹⁷

—

¹⁷ Марк Бернес родился в 1911 года в Нежине, Черниговская губерния. Советский актёр и исполнитель песен. В семнадцать лет, он сбежал в Москву. Там он несколько дней жил на Курском вокзале, а днём обивал пороги столичных театров, соглашаясь на любую работу. И его взяли в массовку Малого театра. В начале 1933 года он перешёл работать в Театр революции. Женится на девушке, которую звали Полина Линецкая. Именно она стала прививать Бернесу интерес к литературе, заразила его чтением. После небольшой роли красноармейца в фильме Юткевича «Человек с ружьём» (1938) 26-летний Марк Бернес стал знаменит. В 1938 году успех Бернеса в мире кино закрепляется фильмом «Истребители» (1939), а песня «В далёкий край», которую исполняет герой Бернеса, тут же становится шлягером. Свою вторую, и как оказалось, последнюю главную роль в кино Бернес сыграл во время войны – роль Аркадия Дзюбина в фильме Леонида Лукова «Два бойца» (1943). За исполнение главной роли правительство наградило его орденом Красной Звезды, а жители Одессы присвоили Бернесу звание «Почётный житель города». В 1954 году в семье актёра произошло радостное событие – родилась дочь, которую назвали Натасей. Однако радость длилась недолго, через два года Полина Семёновна умерла от рака. В июне 1969 года Бернесу был поставлен страшный диагноз – неоперабельный рак лёгких. Артист был обречён. 8 июля 1969 года будучи тяжело больным, артист с одного дубля записал песню «Журавли» Яна Френкеля на стихи Расула Гамзатова в переводе Наума Гребнева. Марк Бернес скончался в субботу 16 августа 1969 года на 58-м году жизни в Москве. А в понедельник готовился к выходу Указ о присвоении ему звания «Народный артист СССР». Однако посмертно почётные звания не присваиваются. Похоронен актёр на Новодевичьем кладбище Москвы (участок №7). Марк Бернес – выдающийся исполнитель песен, в его репертуаре «Я люблю тебя жизнь», «Прасковья», «Журавли» и многие другие известные песни. Обладал запоминающимся, особым, душевным тембром голоса. В 1978 году советский астроном Н. И. Черник назвал его именем одну из малых планет Солнечной системы – 3038 Bernes. В 1996 году в Москве, на доме №1 по Садовой—Сухарева улице, где последние годы жил М. Н. Бернес, установлена мемориальная доска

Побег

*Взгляд храбреца острее меча труса
За друга жизнь отдать не трудно
Скорее трудно отыскать
Того, кто будет тебе другом
Прикроет грудью без испуга
И без каких-либо сомнений
И сможет жизнь свою отдать
Он за тебя
Ты за него
На этом и стоит мужская дружба
...И вряд ли на планете этой
Мужчинам что-то ещё нужно...*

Побег. Он мне будет сниться до конца моих дней. Единственный шанс из миллиона, возможность обрести свободу, взять в руки оружие и мстить этим сверхчеловечкам с обычными кишками и трусливой задницей. Ведь, когда им приставляешь к затылку у него же отобранный пистолет, они забывают, что назвались арийцами, падают на колени и просят их не убивать, ведь у него дочь, видите ли... Вечная память тебе, мозг наш, командир наш, мыслитель и верный товарищ подполковник Бурмин, я пока буду жив, буду заботиться о твоей семье, ведь столько о них слышал (супруга Татьяна, сын Игорь, проживали в Нижнем Новгороде – прим. автора). Ты создал этот гениальный план побега. Убежать из концлагеря в центре гитлеровской Европы можно, выжить нельзя, потому что кругом немцы, которые считают тебя недостойным микробом, место которому или на его огороде, или на потолке в виде абажура, мягко рассеивающего своей белой кожей, свет, где-то в спальне над немецким хозяином, который мирно качается в своем кресле—качалке читая на ночь «Майн Кампф» их вождя. Ну и, видя беглеца, считают своим долгом убить его при первой возможности. Но благодаря придуманному плану с захватом, сначала грузовика, потом бронетранспортёра, а после дрезины, мы смогли уйти в сторону гор. Потом долгое путешествие в грузовом вагоне, ну а дальше работал Его Величество Случай. Сначала мы смогли соединиться с бойцами местного Сопротивления,¹⁸ и через какое-то время мы вернулись на Родину. Не все вернулись...

Ты всё правильно рассчитал, командир, всё правильно, только сам уйти не смог, потому что первый переход к складам, где стояли на погрузке грузовики, должен был занимать максимум час, пока не подняли тревогу в лагере, а дотащить тебя мы не смогли – дистрофиками были все уже к тому времени...

После Аджимушкайского ада ты не мог ходить самостоятельно, только с помощью самодельных костылей, а с ними, как ты говорил, далеко не убежишь. Но мы с Созирико, Матвеем, Андреем, Георгием и Валентиной смогли. Сначала Созирико подменил свои документы и его, на самом деле не его, похоронили. Он воспользовался документами майора из Черкесска и тогда его перевели вместе с нами на будущее место побега, где всё и случилось...

Командир. У нас у всех были позади страшные истории, которые мы пережили, и мы их рассказывали по очереди в полной темноте после отбоя. Но твоя история у всех нас, выдавших разное и большей частью мерзкое и ужасное, вызвало такое гнетущее чувство, что замученные заключенные не сомкнули глаз до утра...

¹⁸ Сопротивление – организованное движение в Европе по борьбе с немецкими оккупантами, аналог наших партизан

А утром все, кто слышал эту жуткую в своей правдивой простоте историю каменоломен, молча подходили к подполковнику и жали ему руку, и не с первого раза решались посмотреть ему в глаза...

Понимая, что они, возможно, не смогли бы выдержать то, что смог выдержать этот обычный с виду, но, по сути, железный и негиббемый человек...

Ранней весной нас ждало маленькое чудо, главным героем которого стал крупный кролик с белым хвостом, который неожиданно для нас вырыл себе нору и начал в ней жить, неподалёку от забора из колючей проволоки. По всей видимости он сбежал от своего хозяина-фермера, да так, что его никто не мог найти. Мы, конечно, мечтали, чтобы он прорыл нору в нашу сторону, которую мы бы смогли расширить, и таким образом сбежать из лагеря. Потом мы увидели, как у него в норе появилась беременная белая собака, а через время оттуда начал доноситься визг малышей. Мы впервые в жизни видели такую странную дружбу кролика и собаки, и очень любили наблюдать за таким странным «общезитием», но через несколько дней белую собаку загрызли овчарки, которые охраняли концлагерь. Мы наблюдали за этим неравным боем (трое немецких откормленных овчарок против бездомной худой белой дворняги), шансов у неё не было. Идиллии пришёл конец.

Но, как-то в одно солнечное утро из норы вылез кролик и с ним три разномастных щенка, огляделись и опять спрятались. Следующий раз мы их увидели ближе к ночи. Щенки очень осторожно, полностью копирую поведение папы кролика, вылезли, обследовали окружающее пространство и направились в сторону ближайших кустов и густых деревьев. В той стороне находился блок для офицеров. Там же было и место, куда выкидывали отходы из их столовой (зимой, когда на деревьях не было листьев, мы с трудом, но рассмотрели, что где находится, когда готовились к побегу). Так продолжалось каждую ночь. Днём они сидели в норе, ночью выходили в поисках пищи, и неизменно папа кролик впереди, трое щенят за ним...

Помню твою пламенную речь, в ночь, перед побегом...

– Идёт война. Долгая, жестокая, изнурительная война, которая коренным образом изменит наш мир и нашу страну. Я знаю, что мы победим. Кто-то будет ранен, кто-то убит, кто-то пропадёт без вести, но коричневая чума будет побеждена. Мы избавим планету от очередного маньяка у власти, ведь больше не кому, на самом деле. И построим новый мир, в котором будет место милосердию, справедливости и любви.

Но для этого надо быть сильным и иногда, безжалостным, ведь только с помощью силы мы сможем укротить обезумевших зверей, питаемых гитлеровской пропагандой, которые желают всем народам нашей многонациональной Родины, только одного – полного уничтожения. Европа и весь католический мир – уже под их властью, у них цель была его завоевать. Нас же, наш мир, в котором есть место и цыганам, и азиатам, и евреям, и кавказцам, должен быть уничтожен. Так говорит их пропаганда и так действуют их солдаты. У нас есть главный союзник – правда, православные её называют – Бог. У нас есть направление – свобода всем поработенным! И у нас есть фундамент, который замешан на крови русского народа, где вместо песка – Правда, а вместо цемента – Справедливость. Значит мы непобедимы. Но это необходимо довести до каждого русского человека, чтобы он знал, ради чего живёт, знал на чём строится воспитание детей, и, главное, не знал, что лежит в основе нашей будущей победы.

Ну, а сейчас, у нас нет задачи выжить на этом рубеже, есть задача – уничтожить врага. Только так, кстати, и можно выжить...

KZ Mauthausen

Концлагерь «Маутхаузен» с 8 мая 1939 года был преобразован из лагеря для неисправимых уголовников-рецидивистов в трудовой лагерь для политических заключенных. В подчинении «Маутхаузена» (Австрия) находились 52 второстепенных лагеря.

С 1938 года по 1945 год через KZ Mauthausen прошло около 335 тысяч заключённых, включая женщин, детей и подростков.

Последний заключенный под номером 139317 прибыл в лагерь 3 мая 1945 года, а уже 5 мая 1945 года Mauthausen был освобожден союзными войсками.

Вскоре был Нюрнбергский процесс, где среди прочих был допрошен узник Mauthausen – испанский журналист Франсуа Буоа, который свидетельствовал о судьбах русских пленных в KZ Mauthausen:

«Первые военнопленные прибыли в 1941 году. У них была отобрана вся одежда, которой и без того было крайне мало. Им было разрешено сохранить только брюки и рубаху, а дело было в ноябре и в Маутхаузене было более десяти градусов мороза. Через три месяца из 7000 русских военнопленных в живых остались только 30...¹⁹ Был один так называемый блок номер двадцать. Он находился внутри лагеря. В нём находились русские военнопленные – офицеры и комиссары, несколько славян, французов и даже, как мне говорили, несколько англичан, всего около двух тысяч человек, которые получали менее одной четверти того рациона пищи, который получали мы. У них не было ни ложек, ни тарелок. Из котлов им выбрасывали испорченную пищу прямо на снег и выжидали, когда она начнет леденеть. Тогда русским разрешали

¹⁹ Переохлаждение. Как наступает смерть от переохлаждения. Если вокруг вас минусовая температура и вы пытаетесь согреться физическими упражнениями и нет возможности найти тепло, то внутри вас будут происходить следующие процессы: через 15—20 минут температура возвращается к нормальным 36,6, потом она будет опускаться примерно на градус в 30—40 минут, когда температура тела достигнет 36 градусов, мышцы вокруг вашей шеи и ваших плеч начнут сжиматься – это называется предосторожным мышечным тонусом. Ваши рецепторы посылают сигнал в гипоталамус, который, в свою очередь, дает команду сужиться всей сети капилляров на поверхности вашего тела. Ноги и руки поэтому начинают ломить от холода. Через 45 минут температура опускается до 35 – вы входите в зону легкого переохлаждения. Вас трясет уже довольно сильно – естественная реакция мышц, которые начинают сжиматься сильнее и чаще, чтобы придать телу больше тепла. Температура вашего тела опускается до 35 – 32 градуса Холод заставляет ферменты в вашем мозге работать менее эффективно. С каждым градусом, на который опускается температура тела после 35, уровень метаболизма в теле падает на 3—5%. После того, как температура вашего тела опускается до отметки в 34 градуса, вы начинаете постепенно терять память и рассудок. Взглянув на часы, уже спустя полминуты вы можете не вспомнить цифры. Едва ли вам удастся пройти ещё хоть сколько-нибудь значительное расстояние. Вы падаете в сугроб и запрокидываете голову. Тепло из вашего тела продолжает уходить. Когда температура вашего тела опускается ниже 33 градусов наступает состояние апатии, в 32 состояние ступора. Температура вашего тела опускается до 32 – 30,5 градусов. Вы в зоне крайнего переохлаждения. При 31 градусе ваше тело бросает попытки согреть себя дрожью. Кровь сгущается словно масло в замерзшем двигателе, потребление кислорода – индикатор вашего метаболизма – падает более, чем на четверть. Почки, работают без остановки, чтобы справиться с переизбытком жидкости, которую выдавливают суженные сосуды в ваших конечностях. Температура вашего тела опускается до 30 градусов. Вы теряете способность узнать лицо близкого человека, который вдруг придет к вам на помощь. Температура вашего тела опускается до 29,5 градусов. В этом состоянии электрические импульсы, которые посылают охлажденные нервные окончания на вашем сердце становятся аритмичными. Само сердце качает примерно две трети от привычного объема крови. Нехватка кислорода и замедлившийся метаболизм тем временем могут вызывать визуальные и звуковые галлюцинации. Примерно при 29 градусах наступает смерть от переохлаждения. Причем в мучительном приступе люди часто пытаются снять с себя одежду. Из-за этого феномена под названием «парадоксальное раздевание» тех, кто замерзает в городах часто путают с жертвами сексуального насилия. Точного объяснения этому явлению нет, но самое логичное объяснение состоит в том, что прямо перед потерей сознания суженные сосуды у поверхности тела внезапно расширяются и создают резкий приток тепла к коже, и человека будто бы начинает гореть. На самом деле ежегодно многие жертвы переохлаждения умирают от «шока от перегрева» в процессе спасения, когда суженные капилляры расширяются все разом в один момент, вызывая таким образом резкий скачок давления. Даже малейшее движение может вызвать сильнейший спазм желудочковой фибрилляции в сердечной мышце сильно переохлажденного человека. В 1980 году 16 датских рыбаков было спасено после крушения лодки и полутора часов нахождения в ледяной воде Северного моря. Спустившись со спасательного судна, они зашли в заведение выпить горячих напитков, и тут же умерли. Все 16 человек. При экстремально низких температурах человеческий организм как бы консервируется, сильно замедляя внутренние процессы. Многие люди, найденные переохлажденными, кажутся умершими лишь на первый взгляд. Тело может существовать в таком состоянии часами, и выводить его из него стоит очень аккуратно и постепенно

бросаться на пищу. Ложек, тарелок им не полагалось. Блок никогда не отапливался. В оконных проемах не было ни рам, ни стекол. В блоке не было даже нар. Зимой, прежде чем загнать узников в блок, эсэсовцы заливали из шланга пол блока водой. Люди ложились в воду и просто не просыпались».

Именно здесь в KZ Mauthausen был зверски убит генерал Карбышев Д. М.²⁰ На узниках блока номер двадцать эсэсовцы отработывали навыки убийства человека голыми руками и подручными средствами. Фашистская норма на смерть в этом блоке – не менее десяти человек в день. «Капо» постоянно перевыполняли её в три раза. За время существования блока было уничтожено пять тысяч человек. К концу января в блоке осталось в живых около шестисот человек. В блок номер двадцать KZ Mauthausen направлялись узники, представлявшие собой угрозу Третьему Рейху вследствие своего военного образования, или иных качеств и организационных способностей. Все они были взяты в плен ранеными или в бессознательном состоянии, и за время своего пребывания в плену были признаны «неисправимыми».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ Парашютисты скала

В сопроводительных документах каждого из них стояла буква «К», означавшая, что заключенный подлежит ликвидации в самые короткие сроки. Поэтому прибывшим в блок номер двадцать не присваивали номер, поскольку срок жизни такого заключенного не превышал двух—трёх недель.

Из воспоминаний старшего лейтенанта Б.:

«... чтобы вы хоть немного себе представляли, что такое жизнь в двадцатом блоке, я вам расскажу, как начиналась ночь...

После того, когда мы закончили делить и поедать объедки, которые нам достались «со стола» узников других блоков, наш капо полил из шланга место, где мы спим – самый тёплый (южный) угол блока. В эту ночь мороз опустился до минус шести, потому лужа воды, налитая капо быстро замерзала. Те, у кого была одежда снимали её и клали на землю (в блоке не было пола, впрочем, как и окон), потом ложились на одежду, сверху вторым слоем ложились те, кто был болен, как правило болезнь была одна – воспаление лёгких, чуть реже встречался туберкулёз. Сверху них в полу сидячем положении ложились самые лёгкие²¹ по весу из нас и укрывались снятой полосатой одеждой. Капо не успокаивались и на прощание перед сном поливали нас ледяной водой ещё раз. Вода стекала вниз и уже не замерзала. Та вода, что намочила одежду, которой мы были прикрыты сверху, оставляла полосатую униформу узников влажной до утра. Кашель раздавался со всех сторон. Крики, предсмертные проклятия, стоны, вопли и судороги умирающих, которым мы ничем не могли помочь. Молитв мы не знали, да и помогли бы они в аду – я не знаю. Когда умирал очередной узник, а понять было просто – он переставал дышать, и как правило мочевого пузыря покойника опорожнялся перед смертью и быстро коченел. Мы вытаскивали бедолагу из нашего муравейника и относили ко входу. В особо сильные морозы ждали до утра. За ночь умирало несколько десятков человек. Это происходило каждую ночь. Каждую фашистскую, будь она проклята, ночь... Снились ли нам сны, не помню. Скорее сплошной и непрекращающийся полубред, полусон, полуявь. Хотя в ночь перед побегом, я отключился на несколько минут и мне на самом деле приснился пол-

²⁰ Карбышев Дмитрий Михайлович. Принимал участие в строительстве фортов Брестской крепости в 1911—14, в 1 мировую войну руководил инженерными работами на Юго-Западный фронте. В 1921—36 служил в инженерных войсках, был председателем Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА, затем на преподавательской работе, в Военной академии им. М. В. Фрунзе, начальник кафедры Военной академии Генштаба. Автор свыше 100 трудов по военно-инженерному искусству и военной истории. В 1938 окончил Военную академию Генштаба. Во время Великой Отечественной войны генерал-лейтенант инженерных войск Карбышев был тяжело ранен, контужен и попал в плен. Отказался перейти на службу к фашистам и погиб мученической смертью в лагере Маутхаузен (Австрия) 18.02.1945 (его поливали ледяной водой на морозе, пока он не умер). Звание Героя Советского Союза присвоено 16.8.1946 (посмертно)

²¹ Взрослые мужчины были до такой степени обессилены, что самый сильный из них весил 60 кг, а самый слабый не более 40 килограмм...

ноценный сон, как говорится, в котором я шёл по ячменному полю и гладил созревшие хлеба своей рукой...»

В январе 1945 года узники блока номер двадцать, зная, что Красная Армия уже вступила на территорию Польши и Венгрии, а англичане и американцы перешли немецкую границу, стали готовить побег. Каждый из этих узников был боевым офицером. Приведу несколько фамилий заключённых блока номер двадцать из пятисот семидесяти:

Подполковник Николай Власов – герой Советского Союза, лётчик. Сбит и взят в плен в 1943 году. Три попытки побега.

Лейтенант Виктор Украинцев – артиллерист, бронебойщик. Уличен в актах саботажа. Семь попыток побега.

Капитан Иван Битюков – лётчик-штурмовик. В воздушном бою, расстреляв весь боезапас, совершил таран. Ранен и взят в плен. Четыре попытки побега.

Подполковник Александр Исупов – лётчик-штурмовик, командир авиадивизии. Сбит, ранен, взят в плен в 1944 году.

У всех узников была выстрижена полоска посреди головы (Гитлерштрассе – улица им. Гитлера – прим. автора), в случае побега она выдавала узника.

Побег, о котором пойдёт речь, был назначен на ночь с 28 на 29 января 1945 года. Но произошла утечка информации (доносчики нашлись и там) и 27 января эсэсовцы отобрали и увели 25 наиболее физически крепких человек. Среди них были и несколько руководителей побега. На следующий день узники узнали, что товарищей сожгли живьём в крематории.

История одной фотографии

Маут Дахау

Груда трупов узников в помещении крематория концлагеря Дахау. Время съемки: апрель-май 1945 г.

Новой датой побега была назначена ночь со 2 на 3 февраля. После того, когда уснули «капо» – старшие по бараку (три поляка и один голландец, которые по ночам обливали зимой и летом спящих на полу советских офицеров), их задушили голыми руками.

Перед атакой на вышки, в полной темноте все слышали голос командира:

– Большинство из нас сегодня погибнут. Давайте поклянемся, что те, кому посчастливится остаться в живых и вернуться на Родину, расскажут правду о наших страданиях и о нашей борьбе, чтобы это никогда больше не повторилось!

Достав из тайников своё «оружие» – булыжники, куски угля, обломки разбитого на куски умывальника и два огнетушителя, сформировали четыре штурмовые группы. Три из них должны были атаковать пулемётные вышки, одна в случае необходимости – отбить внешнюю атаку со стороны лагеря.

И вот час пробил. Узники с криками «Ура!» бросились на вышки. Пулемёты нацистов открыли огонь по нашим. В лица пулемётчиков на вышках полетел град камней и черенков от лопат, а по угловой вышке ещё и ударила пенная струя огнетушителя, которая сыграла в этой маленькой победе свою основную роль.

Один пулемёт захлебнулся. Первая вышка взята! Угловая вышка! Завладев пулемётом, наши офицеры открыли огонь по соседним вышкам, справа и слева, тем самым приняв основной огонь на себя, давая возможность безоружным узникам лагеря закоротить (замкнуть) проволоку забора, с помощью намоченной одежды, которая круглосуточно находилась под напряжением.

История одной фотографии

Узник концлагеря Маутхаузен, бросившийся на колючую проволоку под током 1943 год. Тело не снимали специально для устрашения тех, кто пытался бежать

И вот система выключилась с громким хлопком и искрами, и оставшиеся в живых офицеры вырвались на свободу за пределы концлагеря.

В блоке номер двадцать осталось примерно семьдесят человек, которые были просто неспособны на побег – истощение, голод и болезни забрали у них последний шанс. Все оставшиеся узники были абсолютно голые – свою одежду они отдали ушедшим в побег товарищам. Прибежавшие поднятые по тревоге эсэсовцы их тут же расстреляли.

В ту ночь был мороз под минус десять. Ночь была лунной. Лежал глубокий снег. Четыреста девятнадцать наших офицеров разбились на несколько групп и бросились в разные стороны. Самая большая группа бежала к лесу. Когда её стали настигать эсэсовцы, несколько десятков человек отделились и бросились навстречу преследователям, чтобы принять свой последний бой и задержать врагов хотя бы на несколько минут. Задержали. Остальные смогли рассредоточиться.

Группа полковника Григория Заболотняка наткнулась на немецкую зенитную батарею. Сняв часового и ворвавшись в землянки, беглецы голыми руками передушили оружейную прислугу, захватили оружие и грузовик. Но убежать, к сожалению, они не смогли. Были окружены и погибли в бою.

Они и ещё около сотни вырвавшихся на свободу узников погибли в первые же часы, потому что все были истощены и физически не могли пройти более десятка километров.

Но оставалось ещё три сотни храбрецов, которые смогли уйти от преследования и спрятались в окрестностях.

Планируя побег, советские офицеры рассчитывали на поддержку местного населения, предполагая, что Австрия была оккупирована нацистами и что местные жители ещё не забыли об этом. Плюс приближение Красной Армии, которая со дня на день должна была освободить и эту землю от нацизма.

Они заблуждались.

Комендант лагеря штандартенфюрер СС Франц Цирайс призвал население окрестных деревень принять участие в поисках беглецов.

Бургомистры окрестных населенных пунктов собрали на сход всё местное население²² и объявили бежавших опасными преступниками и «вооруженными монголами», которых нельзя брать живыми, а нужно уничтожать на месте.

На поиски смертников были мобилизованы: фольксштурм (народное ополчение), члены нацистской партии и беспартийные добровольцы из местного населения, гитлерюгенд и даже аналог гитлерюгенда для девушек. Так как многие из этих добровольных преследователей и большинство эсэсовцев были страстными охотниками, а свои жертвы они не считали людьми, то данная акция получила цинично-шутливое название «Охота на зайцев в округе Мюльфиртель». Австрия. Европа.

О том, как она происходила, оставил запись местный жандарм Йохан Кохоут:

«Люди были в таком азарте, как на охоте. Стреляли во все, что двигалось. Везде, где находили беглецов – в домах, телегах, скотных дворах, стогах сена и подвалах – их убивали на месте. Снежный покров на улицах окрасился кровью. Убивали ножами, вилами, палками, в общем, чем придётся. Все были в большом восторге от этого мероприятия».

²² Старики и подростки (взрослые мужчины были на фронте) объединились, чтобы вместе с СС и полицией ловить по лесам и зверски убивать замёрзших, еле державшихся на ногах от голода людей. В результате, за неделю погибли почти все беглецы: спаслись лишь одиннадцать человек, двоих из них – офицеров Михаила Рыбчинского и Николая Цемкало приютила крестьянка Мария Лангталер. К сожалению, Мария Лангталер умерла вскоре после войны, а вот те, кого она спасла, прожили долгую жизнь. Николай Цемкало достиг глубокой старости, и скончался в 2003 году, Михаил Рыбчинский пережил его на пять лет. Дочь Марии, 84-летняя Анна Хакль, до сих пор выступает с лекциями в школах Австрии, рассказывая о событиях «кровавого февраля». Увы, Мария Лангталер не получила вообще никакой награды за свой подвиг от правительства СССР, хотя в том же Израиле немцев, спрятавших во время войны евреев, награждают орденами и званием «праведника». Да и у нас эта страшная резня в конце войны мало кому известна: к памятнику в Рид-ин-дер-Ридмаркт почти не возлагают цветов, все траурные мероприятия проходят в Маутхаузене. Но знаете, что здесь главное? Все четыре сына Марии Лангталер впоследствии вернулись с Восточного фронта живыми – словно в благодарность за добрые дела этой женщины. Вот это, пожалуй, и есть самое обыкновенное, но в то же время настоящее чудо...

Когда говорят о том, что во всём виновны нацисты, фанатики, забывают об охотниках Мюльфиртеля. Забывают о том, как во дворе ратуши Швертберга владелец продуктового магазина Леопольд Бембергер лично застрелил семерых беглецов.

Для подсчета количества жертв (число пойманных и убитых должно было составить 419), трупы свозили в деревню Рид-ин-дер-Ридмаркт, и сваливали во дворе местной школы, на стене которой были нарисованы несколько сотен палочек. Их постепенно зачёркивали – одну за другой, пока в один из февральских дней не объявили, что счёт сошёлся, живых беглецов больше нет.²³

«Охота на зайцев» возле австрийского городка Мюльфиртель стала одной из страниц обвинения на Нюрнбергском процессе. Но девятнадцать бежавших так и не были пойманы. Имена одиннадцати из них известны. Восемь из них остались в живых и вернулись в Советский Союз. Через несколько месяцев эта деревня и Австрия была занята нашими войсками, но никто из австрийцев не был наказан. Никто. Вообще. Почему? Может, потому что в каждой семье этого города были солдаты, которые или воевали на Восточном фронте, или уже пришли домой калекими, ну или в виде похоронок? Политическое соображение? Больше объяснений нет.²⁴

История одной фотографии

Комендант концентрационного лагеря Маутхаузен оберштурмбаннфюрер СС Франц Цирайс (Franz Ziereis) позирует во внутреннем дворе гаража. 23 мая 1945 Франц Цирайс вместе с женой пытался бежать, но был ранен. Был помещен в госпиталь Маутхаузена. Умер 25 мая 1945 года. После смерти Цирайса его тело было повешено на лагерное ограждение бывшими узниками.

— —

Доктор смерть

Маутхаузен был рожден Великой Германией, а в Маутхаузене рождались Чудовища. Одно из них имело прозвище – Доктор Смерть. Хайм Ариберт.

Начало карьеры – медбрат в концлагерях:

Заксенхаузен и Бухенвальд, Маутхаузен.

Эрих Васицкий, один из черных ангелов Холокоста, увидел в медбрате – будущего великого доктора-экспериментатора.

Так возник доктор Хайм Ариберт.

Они вместе начинают писать научную работу, цель которой – найти болевой порог, отключающий большинство человеческих инстинктов, который впоследствии поможет вывести нацию слуг-полуроботов. Хайм сжигал людей сначала частями, потом целиком. Отрезал

²³ «Пятнадцатилетние мальчики из „гитлерюгенда“ хвастались друг перед другом – кто из них больше убил беззащитных людей. Один достал из кармана, и показал приятелю связку отрезанных ушей – оба засмеялись. Им не выдавали винтовки, и они добивали узников кинжалами. Весь снег вокруг был в крови. Один фермер нашёл у себя русского, прятавшегося в хлеву с овцами, и ударил его ножом – человек бился в конвульсиях, а жена убийцы расцарапала умирающему лицо. Сорок трупов сложили на улице деревни Рид-ин-дер-Ридмаркт – со вспоротыми животами, выставив наружу половые органы: девушки, проходя мимо, смеялись» – цитата из допроса свидетеля в Нюрнберге

²⁴ Около миллиона австрийцев воевали так или иначе против Советского Союза. Первый состав со 162 тысячами военнопленных австрийского происхождения прибыл из СССР в 1947 году. Последний в 1955 году. Австрия была занята, как войсками Красной армии, так и войсками союзников. Но 26 октября 1955 года из Австрии были выведены все оккупационные войска, и страна объявила нейтралитет. В 1995 году Австрия тем не менее вступила в Европейский союз и участвует в силах быстрого реагирования ЕС и программе НАТО «Партнёрство во имя мира». 500 тысяч бывших нацистов (членов НСДАП), были лишены некоторых гражданских прав (100 тысяч нацистов были уволены с руководящих постов). Военные суды вынесли приговоры в отношении тринадцати тысяч человек виновных в военных преступлениях. 43 человека приговорили к смертной казни, а остальные отделались лёгким испугом. А дальше произошло совсем непонятное – почти всех бывших австрийских нацистов амнистировали (в 1948 году закон об амнистии рядовым нацистам восстановил в правах 482 тыс. членов запрещенной НСДАП)

конечности, сустав за суставом. Больше всего любил работать с живыми детьми – вырезал им глаза. У женщин – снимал скальп и отрезал грудь. Все записи вел в особом журнале, который достался следователям. Из него было видно, что жестокие истязания не давали желаемого результата – подопытные либо быстро умирали, либо сходили с ума от боли, либо теряли сознание и погибали, не приходя в него. Все записывалось по секундам и минутам. Каждая смерть несчастного учитывалась.

Через некоторое время его начали звать Доктор Смерть.

Его арестовали и обвинили по самым тяжким статьям, но по странному стечению обстоятельств, найти достаточную доказательную базу не удалось. Причина – никто не смог из узников Маутхаузена свидетельствовать против него – все были мертвы, а записи в журнале доктор выдал за свои фантазии.

Доктор Хайм переехал в Баден-Баден, где и продолжил карьеру врача, только теперь – гинеколога.

В 1962-м американцы возобновили следствие. Архивные документы выдали Хайма, тут же попавшего в международный розыск. Но врачам платили немало – Ариберт принял ислам, купил новое имя и скрылся. Одновременно в Каире появился странный фотограф. Тарек Хусейн Фарид не расставался с фотоаппаратом и ржавым чемоданом, но при этом никогда не разрешал снимать себя. В августе 1992 года, на следующее утро после окончания барселонской олимпиады, в центральном египетском госпитале выписали свидетельство о смерти Тарека Хусейна Фарида. Через день на немецкий канал ZDF TV позвонил мужчина. «Старик из Каира и пропавший международный преступник Ариберт Хайм – один человек. Тот же человек и мой отец, – признался Рудигер Хайм. – Впервые я нашел его только в Каире. И лучше бы не находил».

Запоздавшим откровениям не поверили, и кончину фашиста не признавали до 2009 года. Египтяне не могли доказать причину смерти Ариберта, а останки в его могиле дали отрицательное совпадение ДНК. Но и живой Хайм испарился без следа. Суд Баден-Бадена сдался в 2012-м – дело закрыли, и один из самых чудовищных людей в истории остался безнаказанным.

Аджимушкой. Крым. 1941—1942

Не стоит верить улыбке русского, даже если у него связаны руки, он всегда найдёт способ всадить вам пулю в лоб, с улыбкой на лице. Русского можно сломать, они люди, поэтому это не сложно. Но сломать – не сломить, сломить их редко удаётся.

Из письма охранника концлагеря – сыну

Вернёмся в 1941 год. Декабрь. Крым. Севастополь ещё обороняется. И ему на помощь планируют прийти наши войска. Сейчас, с высоты всего пережитого, я пытался разобраться в том, как такое вообще могло произойти, но бросил это гиблое дело и просто изложу это в том виде, как впервые услышал это темной и холодной ночью в бараке концлагеря из уст своего командира...

История тех каменоломен тёмная во всех смыслах, и по праву может считаться достойной памяти вас, наших потомков.

Крым. Близ Керчи был и есть небольшой посёлок Аджимушкой, ныне район того же города—героя Керчь. Вроде бы, ничего необычного, за исключением расположенных рядом каменоломен, где веками добывали ракушечник. Там трудился местный народ и создал сотни, тысячи километров подземных ходов, которые хитрыми многоуровневыми сплетениями уходят под землю, и выходят из неё в самых неожиданных местах. Но жизнь этих подземелий изменила война, в нашем случае, Вторая Мировая.

16 ноября 1941 года Красная армия ушла с Крымского полуострова, но в тылу у немецкой армии оставался ещё и не желавший сдаваться Севастополь, который своим упорством держал у своих стен 11-й армию Манштейна, который с группировкой под сотню тысяч вражеских войск в своем тылу не мог полноценно помогать Гитлеру завоевывать Советский Союз.

Наш командир начал военную биографию в 12 лет.²⁵ В 36 лет, в 1942 году уже стал подполковником, командиром танкового полка и был включен в Керченско-Феодосийскую десантную операцию,²⁶ по итогу которой планировали освободить Крым и снять осаду Севастополя. Девять дивизий РККА²⁷ высадились в разные точки Керченского полуострова и овладели им.²⁸

²⁵ Биография Бурмина Г. М. – Красная Армия. Помощник конюха. Воевал на тачанке с войсками Деникина, затем с белополяками. В 14 лет был тяжело ранен. Решил стать военным и поступил в военное училище бронетанковых войск. Войну с фашизмом начал ещё в Испании. В 1938 был награжден орденом Красного Знамени и стал преподавателем в Орловском бронетанковом. На войне с августа 1941 года в качестве командира 108-го танкового полка (Иран). С декабря 1941 зам. командира 24-го танкового полка. С февраля 1942 командир танкового полка. В боях Керченско-Феодосийская десантной операции был. Керченский госпиталь. Звание подполковника ему было присвоено 6 мая 1942г. (36 лет). В период кровопролитных боев за Керчь в районе Аджимушкойских каменоломен была окончательно окружена группировка войск, прикрывавшая отход и эвакуацию местного населения через пролив частей Крымского фронта. Началась их многомесячная оборона, в которой танковый полк Бурмина Г. М. прикрывал арьергарды пехотных частей. Четверо суток продолжалась кровопролитная битва за оборону завода им. Войкова, не желая сдаваться врагу отошли в каменоломни у поселка Аджимушкой и заняли там круговую оборону. Приказа по отступлению часть не получала, фактически их там оставили умирать, так как в начале сентября 1942г., когда части 47-й армии были вынуждены отойти с Таманского полуострова на Кавказ, у защитников не было никакой надежды на высадку десанта советских войск в Крыму.

²⁶ 28 декабря 1941-го – 2 января 1942-го

²⁷ РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия

²⁸ Вот, что увидел знаменитый советский писатель Константин Симонов, который посетил Крымский фронт за два месяца до трагедии: «Катастрофа произошла через два месяца после того, как я уехал отсюда, из Керчи после неё, задним числом, мне можно и не поверить, но тогда, когда я возвращался из армии сначала в Керчь, а потом в Москву после зрелища бездарно и бессмысленно напиханных вплотную к передовой войск и после связанной со всем этим бестолковщины, которую я видел во время нашего неудачного наступления, у меня возникло тяжелое предчувствие, что здесь может случиться что-то очень плохое. Войск было повсюду вблизи передовой так много, что само их количество как-то ослабляло чувство бдительности. Никто не укреплялся, никто не рыл окопов. Не только на передовой, на линии фронта, но и в тылу ничего не предпринималось на случай возможных активных действий противника. Здесь, на Крымском фронте, тогда, в феврале, был в ходу лозунг: «Всех вперед, вперед и вперед!» Могло показаться, что доблесть заключается только в том, чтобы все толпились как можно ближе к фронту, к передовой, чтобы, не дай бог, какие-нибудь части не оказались в тылу, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не оказался вне пределов артиллерийского обстрела противника... Какая-то непонятная и страшная мания, с которой мне не приходилось

Партизаны, которые уже немного обжили каменоломни, влились в ряды Красной Армии. В его полку таких было три. Командир рассказывал с болью в голосе, что атаквали ежедневно, но столь бестолкового командования он не встречал ни до, ни после этой операции. По мнению одного из немецких генералов, если бы Керченско—Феодосийская операция не остановилась на отбитой у врага территории, а пошла дальше до Джанкоя (в этом городе находились все продовольственные и оружейные склады Вермахта. Джанкой – самый большой железнодорожный узел в Крыму), то Крым бы пришлось на тот момент вернуть и отступить – воевать было бы не чем. Ведь оголив Севастопольский фронт, (был такой вариант), фашисты сразу бы получили прорыв двух советских армий из осажденного города—крепости.

Последнюю атаку провели двенадцатого апреля 1942 года, но всё было бесплодно – наши войска успехов не добились, но положили половину личного состава. Положили абсолютно бестолково и бесполезно!

История одной фотографии Майор Шако
ОСОБЫЙ ОТДЕЛ НКВД КАВКАЗСКОГО ФРОНТА
21 января 1942 года №652 гор. Керчь. Сов. Секретно
ВОЕННЫЙ СОВЕТ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ – ТОВ. КОЗЛОВУ
ДИВИЗИОННОМУ КОМИССАРУ – ТОВ. ШАМАНИНУ
СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Нами установлено, что быв. командир 509 стрелкового полка 236 сд 44 Армии – майор ШАКО в результате своей бездеятельности довел полк до неудовлетворительного состояния.

Руководство со стороны командования полка подразделениями почти отсутствовало, т.к. майор ШАКО часто находился в состоянии опьянения. 31.XII.41 г. переход полка из села Саригож в селение Владиславовку прошел неорганизованно, т.к. майор ШАКО в этот день был пьян. За время перехода был убит командир минометной роты. Дисциплина в полку находилась на низком уровне. Командный состав в ночное время спал, где попало, охранения не выставлялось. В полку ощущался острый недостаток продуктов питания, т.к. 5-ти суточный запас продуктов был оставлен на исходных позициях. Благодаря бездеятельности майора ШАКО, полк имел по состоянию на 7.1.42 г. значительные потери: убитых 86 человек, раненых – 3, пропавших без вести – 14, обмороженных 286 человек. До 50 проц. личного состава в связи с наступлением холодов разбежалось. Выставленными Особыми Отделами заслонами было возвращено 97 человек. При наступлении противника 17.1.42 г. полк не выдержал атаки, при первом же соприкосновении с противником дрогнул и панически начал отходить, неся большие потери. Этому способствовало в значительной степени то обстоятельство, что майор ШАКО был сильно пьян и не мог руководить боем. Полагаю необходимым, за преступную бездеятельность, приведшую к дезорганизации полка и значительным потерям, майора ШАКО арестовать.

Прошу Вашей санкции на арест майора ШАКО.
НАЧАЛЬНИК ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД СССР КАВФРОНТА
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ /Р У Х А Д З Е/

— — —

Наступило небольшое затишье.

Разведчики доложили, что седьмого мая 1942 года немцы начнут операцию «Тгарренjagd» (с нем. «Охота на дроф»). Так оно и произошло. А пятнадцатого мая пала Керчь. Никто не удосужился подготовиться к обороне, даже не укрепили противотанковый ров в Багерово. Войск было слишком много, поэтому все командиры верховные были абсолютно уверены в своей легкой победе. Олухи царя небесного. Маршал Будённый, глядя на разрозненные дей-

ствия войск, несущих невыносимые потери, разрешил эвакуацию, и войска ушли на полуостров Таманский. Но были и те, кто принял решение стоять до конца и прикрывать отход основных сил. Вот именно они, самые бесстрашные и опоздали на отходящий поезд. Правда их даже на него и на планировали звать. Переправа была завершена, и было только два выхода плен/смерть или каменоломни без подготовки ...²⁹

Тринадцать тысяч человек (воины Красной Армии, треть из которых юноши с военных училищ, партизаны ну и местные жители с детьми) ушли в каменоломни.³⁰

Первое время бойцы совершали весьма успешные дерзкие вылазки в немецкий тыл. По началу руководство вермахта не мог понять, откуда в тылу внезапно объявляются солдаты противника, но вскоре подземное убежище было раскрыто, и красноармейцы были вынуждены перейти к круговой обороне.

²⁹ Для справки: в ходе операции РККА понесла до ста шестидесяти тысяч безвозвратных потерь, при немецких десяти тысячах. После победы Манштейн заявил о ста семидесяти тысячах военнопленных

³⁰ По немецким данным первое время в каменоломнях находилось тридцать тысяч человек

Так началась героическая оборона Аджимушкая

Из тринадцати тысяч защитников Аджимушкая сто семьдесят дней обороны пережили сорок восемь человек. Судьба этих сорока восьми тоже крайне трагична. До Победы никто не дожил. Командир последний в этом списке.

Григорий Михайлович рассказывал, что первые дни бойцы даже смотрели в перерывах между боями фильм «Свинарка и Пастух».

Все понимали своё место на фронте. Их сюда послали с целью снятия блокады с Севастополя и вместе с моряками уже освободить Крым. Значит им необходимо укрепиться, закопаться в землю поглубже, беречь силы и ждать подмоги, чтобы потом прорваться через линию фронта в город—крепость и сражаться совместно с бойцами Севастополя, а они знали, что Севастополь удерживает целая Армия, кто говорил сто, кто двести тысяч бойцов. Потому всё было по-военному правильно.

Сначала быт. Потому что солдат на войне должен быть здоровым, отдохнувшим и целеустремленным. Он организовал электричество, которое вырабатывал трактор, опущенный предварительно в катакомбы. Но, через некоторое время, по шуму двигателя (а ночью в тех местах тишина нереальная) немцы догадались о присутствии трактора и его местонахождении. Прорыли яму и совершили подрыв сверху.

Трактор засыпало вместе с людьми тоннами земли вперемешку с камнями.³¹

Свечей было крайне мало, и они быстро закончились, потому было изобретено следующее: передвигались в темноте по веревкам и проводам – привязывали их к стенам. Так по проводам и шли, перебирая его руками чтобы не заблудиться. Узелки были обозначения поворотов, вместо уличных указателей. Один узелок на проводе – штаб, два выход, три госпиталь...

Пользовались такими дорогами все: солдаты, матросы, офицеры, лётчики, раненные, женщины, дети, старики и сам командующий обороной Аджимушкая полковник Ягунов. Что входил в их перечень ценных предметов? Первое – это вода, второе —медикаменты, третье – боеприпасы, следом шли продукты питания.

Вода – вот истинная драгоценность в катакомбах, и именно её недостаток снова и снова гнал на поверхность отряды с ведрами. И всё чаще и чаще никто не возвращался. Каждая вылазка за водой сопровождалась кровопролитным затяжным боем. Командир говорил, что за каждое ведро воды они платили ведром крови.

Неподалёку от каменоломен было два колодца. По-моему, их звали «солёный» и «сладкий», но могу ошибаться. Но колодцы эти хорошо простреливались немцами, потому что они находились на открытом месте. Потери наших солдат при заборе воды были просто катастрофические. Возвращались трое из десяти, если возвращались.

На третий месяц обороны, те, кто шёл за водой уже знали, что шансов вернуться нет, но всё равно шли. Была у них легенда подземелья, как говорил командир, медсестра Мария Молчанова. Наша Мариша звали её раненые. Она несколько раз открыто спускалась к колодцам за водой раненым, держа в каждой руке по ведру. Фашисты, даже какое-то время уважали её беспрецедентное мужество и не стреляли в неё. Но однажды, когда она шла с двумя полными ведрами воды, и ей оставалось всего пару шагов до входа в каменоломни, раздался выстрел. Со слов разведчиков – эта смерть на предателях из батальона «Бергманн»,³² который

³¹ Трактор откопали только в 2016 году, вместе с бойцом—трактористом и сейфом с документами

³² Бергманн. В октябре 1941 года, в концлагере на территории Польши, был сформирован кавказский батальон специального назначения «Бергманн» («Горец»), предназначенный для подрывной работы на Кавказе, имевший в своем составе штаб пять стрелковых рот (1-я – грузины и немцы; 2-я – северокавказцы; 3-я – азербайджанцы и немцы; 4-я – грузины и армяне; 5-я штабная – около 30 человек из белоэмигрантов всех национальностей). В состав спецподразделения вошла группа грузинских эмигрантов из числа сотрудников Абвера, действовавших под кодовым наименованием «Тамара-2», под руководством Г.

состоял из дезертиров Красной Армии. Ещё была девушка с греческой фамилией Челокиди, она тоже ходила за водой, которую приносила и давала детям. У неё были длинные черные волосы, и когда она открыто шла за водой, повторяя подвиг Маши, то всегда их распускала... фашисты позволили ей семь раз принести воду.

На восьмой её застрелили...

Да и фашисты вскоре обнесли территорию каменоломен рядами колючей проволоки и расставили по периметру пулемёты. Плюс каждую ночь по определенному графику спускали фонари на парашютах, поэтому над каменоломнями и ночью было светло как днём. Вскоре разведка принесла нехорошие вести. Узнали, что на днях, Манштейн, награждённый за успехи званием фельдмаршала, начнет операцию по ликвидации подземного сопротивления. Гитлер очень боялся двух очагов с большим количеством вражеских войск в Крыму (По подсчётам гитлеровцев группировка в Севастополе около 100.000 и в Аджимушкае около 30.000 бойцов), которые могли изменить ход боевых действий на Южном фронте, если бы ими сумели

Габлиани. Его общая численность достигала 1200 человек, (900 кавказцев и 300 немцев). Униформа «Бергманна» была стандартной немецкой тропической или обычной полевой. Офицерский состав батальона носил знаки различия, разработанные для восточных частей, а на отворотах горных кеппи и на петлицах красовалось изображение кавказского кинжала. Командиром батальона (с осени 1941 г. до июня 1943 г.) был назначен профессор Кенигсбергского университета, зам. начальника отдела Абвер-2 при штабе группы армий «Юг», кадровый офицер абвера обер-лейтенант Теодор Оберлендер (после окончания войны до 1960 г. – министр по делам переселенцев в правительстве ФРГ). Назначение этого батальона было ясно выражено в речи Оберлендера перед солдатами: «Бергманн» откроет ворота Кавказа, и будет проводить саботаж и диверсии». Заместителем Оберлендера являлся обер-лейтенант фон Кутченбах, эмигрант из Грузии. После горно-стрелковой подготовки в Миттенвальде (Бавария), батальон в конце августа 1942 г. отправляется на Кавказ, причем при переброске личный состав в целях сохранения тайны выдавал себя за испанских басков. На автобусах по маршруту Варшава-Минск-Харьков-Сталино-Таганрог-Ростов-Пятигорск, батальон 10 сентября прибыл в Моздок и занял оборону в районе реки Терек, станицы Ишерская. Здесь подразделения были распределены следующим образом: 1-я и 3-я роты вошли в 23-ю танковую дивизию и действовали в районе Моздока; 2-я рота – в 13-ю танковую дивизию в районе Майкопа; 4-я рота оперировала в районе горы Эльбрус; перед 5-й ротой ставилась задача по захвату Военно-Грузинской дороги. Кавалерийские эскадроны действовали в тылу советских войск в долине реки Баксан. Из личного состава 2-й и 4-й рот батальона в оккупированных районах Северного Кавказа назначались бургомистры и старосты. Подразделениям «Горца» было предназначено участвовать в разведывательно-диверсионных операциях в ближнем и дальнем тылу Красной Армии для разрушения коммуникаций и создания паники. Бойцы вели активную работу по добыче «языков», разбрасывали листовки за линией фронта, вели радиопередачи с призывом перехода к немцам. В августе 1942 г. после того, как фронт вплотную приблизился к границам Чечено-Ингушетии, немцы делали серьезную ставку на местных повстанцев (сеveroкавказские горцы пользовались особым расположением нацистов: фюрер придерживался «теории», по которой прародиной арийцев считался Кавказ). Абверкоманда «Бранденбург-800» летом-осенью 1942 г. в рамках операции «Шамиль» забросила на территорию Чечено-Ингушской АССР несколько парашютных групп с задачей захвата грозненских нефтепромыслов и организации восстаний среди местного населения. В их составе действовали и бойцы 2-й роты легиона «Бергманн», отобранные в специально сформированную Северокавказскую зондер-команду «Шамиль». Имя легендарного имама Шамиля в поднятии духа кавказцев пытались использовать и советские власти: в 1942 г. издается книга П. Павленко «Шамиль», на средства (844 887 руб.), собранные трудящимися Дагестана, строится танковая колонна «Шамиль» и др. Первая группа лейтенанта Прохазки в составе 10 немцев и 15 северокавказцев высадилась близ Грозного. Хотя попытка прорыва немецких танков к объектам нефтедобычи провалилась, диверсанты не только вышли к своим, но и привели с собой несколько сотен дезертировавших из Красной Армии грузин и азербайджанцев, пополнивших ряды батальона. Другая группа, заброшенная в горную Чечню, вошла в контакт с главарями повстанцев – лидером Национал-социалистической партии кавказских братьев Хасаном Исраиловым и руководителем Чечено-Горской национал-социалистической организации Майрбеком Шериповым. Группа капитана Ланге, командира формирования «Шамиль», была сброшена в Атагинском районе, а группа лейтенанта Реккерта совместно с главарем повстанцев Расулом Сахатовым в октябре спровоцировала массовый мятеж в селах на локализацию которого были брошены значительные силы Красной Армии. В сентябре 1942 г. на территории Кабардино-Балкарии при батальоне формируется кавалерийский дивизион из трех эскадронов – кабардинского, балкарского и русского (по 200 чел. в каждом). Чтобы доказать надежность соединения, его роты бросали на самые трудные участки фронта, где, несмотря на отсутствие тяжелого вооружения, они сражались упорно и весьма эффективно. За все это время из перебежчиков, военнопленных и местных жителей удалось сформировать в дополнение к имеющимся, ещё четыре стрелковые роты (грузинскую, северокавказскую, азербайджанскую и смешанную запасную) и столько же конных эскадронов (1 грузинский и 3 северокавказских). Это позволило к концу 1942 г. развернуть батальон «Бергманн» в полк общей численностью 2300 человек (батальоны: 1-й грузинский, 11-й азербайджанский и 111-й северокавказский). Во время отступления германской армии с Кавказа подразделения «Бергманна» осуществляли арьергардное прикрытие отходящих войск и выполняли специальные задачи, включая уничтожение промышленных предприятий и других объектов. В Крыму они использовались на охране южного побережья полуострова в районе Балаклавы и западнее Евпатории, железной дороги Симферополь – Севастополь, а также в борьбе с местными партизанами. В апреле 1943 г. батальон был переформирован в полк, весь личный состав распределен по национальному признаку. В конце 1943 года полк «Бергманн» был переименован в полк «Альпинист», с заменой командного состава офицерами, прибывшими с Таманского полуострова

правильно распорядится отцы-командиры. Потому их надо было ликвидировать любой ценой. Штурм каменоломен начали 24 мая, штурм Севастополя – 7 июня 1942 года.

Многострадальный Аджимушкой.

Фашисты сначала провели предварительную подготовку – у многочисленных выходов из каменоломен они соорудили завалы из трупов советских воинов и расстрелянных местных жителей, а сверху накидали обломки военной техники.

Потом нацисты заставляли пленных копать в разных местах глубокие отверстия в земле, закладывали туда взрывчатку и взрывали. В качестве заряда использовали советские авиабомбы, которые находились на многочисленных складах и их не взорвали наши военные при отступлении. Тем самым создавали управляемые обвалы в самое неожиданное время и в разных местах.

Потом начали применять (ежедневно) газовые атаки на обороняющихся.³³ Началась массовая гибель героев подземелья: от газовых шашек, отсутствие элементарных медикаментов, пропитания, воды. Вода, её просили все, особенно дети, высасывая из расщелин с водой мельчайшие камушки и песчинки, но воды не было, и дети умирали на руках у мам. Подземелье. Каменоломни. Холод. Иногда температура падала до плюс шести, и никогда не поднималась выше плюс двенадцати. Люди, особенно старики, теряли контроль над собой и выходили на воздух, где и падали замертво от пуль, которых не жалел немецкий пулемётчик (пулемётные расчеты бесценно дежурили у каждого выхода).

Предатели из местного населения позаботились об доносах информации, где находятся секретные лазы.³⁴

Но несмотря ни на что, со слов командира, в подземелье была железная дисциплина. Все были предупреждены: взял что без спроса, не выполнил приказ, утаил что-то после разведки, вылазки – расстрел. Раненому полагалось по норме две столовые ложки воды в сутки, те же, кто мог передвигаться самостоятельно, добывали себе воду сами. Искали места, где со стен капала вода, и собирали её. Командир создал бригаду «сосунов» – физически крепких бойцов, которые должны были находить холодные участки стен и вбирая воздух в себя изо всей силы высасывать капельки воды из камней, сплевывая их в каски. Главным у них был красноармеец Боровой. Так добывали «аджимушкойскую» воду, которая состояла наполовину из слюны с кровью, которая сочилась из расцарапанного языка и десны, и влаги, высосанной из камней. Далее «аджимушкойская» вода поступала в распоряжение командования для распределения среди детей и тяжелораненых. В сутки один боец мог собрать до литра воды. Но для тринадцати тысяч жителей подземелья – это была капля в море. Её по каплям и выдавали. Детям сорок капель, раненым тридцать. В сутки.

Один из символов нашей обороны – прирожденный боец старший лейтенант Чиховиев.³⁵ Он возвращался из разведки боем, вылазка за водой, едой и оружием. И во мы видим, что один из десяти бежит, остальные погибли значит, бежит с винтовкой на перевес, с примкнутым штыком бежит, а на винтовке, как на палке одето два ведра. В одном вода, в другом пшеница оказалась. И вот, когда ему осталось уже несколько шагов – его достает очередь из крупнокалиберного пулемёта. Но он настолько быстро бежал и так хотел донести свой драгоценный

³³ В Аджимушкойских каменоломнях впервые было применено во Второй мировой войне оружие массового поражения. Вторыми ОМП применили американцы, сбросив атомные бомбы на мирное население в японских городах Хиросима и Нагасаки в 1945 году

³⁴ Некто Пирогов в своих воспоминаниях пишет, что он вышел в разведку и попал в плен, но почему его оставили живым, а тот секретный ход, через который поступала вода и еда, пусть в мизерном количестве, но поступала был немцами обнаружен и сразу взорван. Пишет, что он ничего не сказал немцам под пытками. Но факт на лицо – секретный вход-выход они подорвали. На тот момент основные входы в каменоломни немцы завалили, окружили двумя заборами с колючей проволокой, а этот секретный ход выходил за второй забор – в курятник разбомбленный. Вот именно через него советские бойцы и ходили за провиантом, пока из него не вышел Пирогов в разведку. Совпадение? Может быть

³⁵ Старший лейтенант Чиховиев Эрнстау Данилович, уроженец г. Владикавказ Республика Северная Осетия

груз, что даже простреленный десятком пуль, он добежал и со всей силы воткнул винтовку со штыком в камень, да так воткнул, что штык вошел в породу полностью, да так и остался в скале. На винтовке, как сейчас помню, перед моими глазами, покачивается два ведра, одно с водой, одно с пшеницей, и всё это добро прикрывает своим простреленным телом погибший осетин, который тоже повис на винтовке своей...

Рассказывал командир и как по ночи возвращались израненные красноармейцы после разведки боем. Да их особо и не собирал никто, не до них было. Казалось бы, куда ты ползешь, тут ни кушать, ни воды – ничего нет, а ты ползешь. Остаешься, может быть, случится чудо, и ты останешься живой. А он ползет...

Когда войска покидали поверхность земли, то многие бойцы выбросили противогазы ещё наверху, считая их ненужными.

И вот настал час штурма каменоломен.

В конце мая 1942 года немцы пустили в подземелье отравляющий газ. Газ тек рекой, длинной бесконечной бело-серой рекой.

Смерть, массовая смерть от удушья, нет нигде спасения, газ был тяжелее воздуха, поэтому опускался в самые нижние ходы подземелья. Спрятаться было просто негде. Началась паника даже среди военных. Люди пытались прятаться в глубине катакомб, но погибали и там. А первыми смерть забрала самых незащищенных – детей и тяжелораненых. Газ шел безостановочно, по крайней мере так думали те, кто находился в каменоломнях. Через неделю в живых осталось чуть более трех тысяч человек. Трупы лежали повсюду, беспорядочно, как попало и везде.

Найти смерть в атаке и бою стало великим счастьем для бойцов Аджимушкая, но было, практически, невозможно, с каждого входа лился газ...

В 1941 году уже были известны факты эпизодного применения немцами хлорных газов против партизан в каменоломнях. Но нашим командованием не был предусмотрен такой сценарий, потому что руководители армии вообще их оставили на верную смерть в бою, как некогда оставили защитников Севастополя умирать на побережье Херсонеса.

Матросиков из брошенного Севастополя у нас тоже было достаточно в нашем концлагере, расскажу их истории, как-нибудь.³⁶

Сейчас, спустя десятки лет после этого ужаса, который пережил мой командир, становится понятно, почему на Нюрнбергском процессе эти преступления не получили наказания, посчитали что в каменоломнях были не боевые действия, а борьба с партизанами. Ну и официально советская сторона не выдвигала обвинений, пытаясь скрыть свои глобальные промахи в этой своей десантной операции.

Григорий Михайлович рассказывал, что не забывало их местное гражданское население близлежащих деревень, спускали дети и старики защитникам нехитрую еду через потайные ходы. Был случай, передали лошадь целиком. Её забили, выпотрошили, отделили копыта, кожу – всё пошло на поддержку раненых и детей. С распределением всегда было строго!

³⁶ Цитата из дневника Сарикова—Трофименко, найденном в каменоломнях в 1944 г.: «... грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем нечем. Слышу крик, шум, быстро схватываюсь, но было уже поздно... Чувствую, что я задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю, кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу спасать раненых, что были в госпитале... Вопли, раздирающие стоны, кто может – идет, кто может – ползет, кто упал с кровати и только стонет: «Помогите, милые друзья! Умираю, спасите!»... Я не буду описывать, что делалось в госпитале на Центральной, такая же картина, как и у нас, но ужасы были по всем ходам, много трупов валялось, по которым ещё полуживые метались то в одну, то в другую сторону... Чу! Слышится песня «Интернационала». Я поспешил туда. Перед моими глазами стояли четыре лейтенанта. Обнявшись, они в последний раз пропели пролетарский гимн «За товарища Сталина!». Выстрел. «За Родину! За нашу любимую партию Ленина-Сталина!» Выстрел. Четыре трупа неподвижно лежали. Какой-то полусумасшедший схватился за рукоятку пулемёта «максим» и начал стрелять куда попало».

Командир мой, даже в немецком концлагере не смог изменить свой строгий командирский взгляд, был случай, что он рывкнул на фрица—конвоира, и тот стал по стойке смирно! Правда потом избили Григория Михайловича...

Продолжу свой рассказ. После того, как были перекрыты все пути передачи продовольствия сверху, с земли, наступил настоящий голод.³⁷ Немцы ведь уничтожили всё вокруг, всю траву сожгли, потому что поняли, что мы её тоже едим... А потом едой, стало всё. Абсолютно всё, кроме людей. Моральный дух был велик. И воины Красной Армии не опустили до уровня зверей. Но голод заставил их идти на лошадиное кладбище и отрывать кости съеденных ранее коней кавалеристов. Сначала их прожигали от гнили огнём, потом перетирали эти жаренные кости в порошок. Потом этот костяной порошок смешивали с «аджимушкайской водой», которую добывали «сосуны» и варили... Получалась похлебка. Так же в неё шли кожаные немецкие ремни и сапоги, летучие мыши, крысы. Правда, врачи предупреждали, чтобы в похлебке не использовали лапки и головы крысиные, в них больше всего трупного яда...

...Я помню эту звенящую, гробовую тишину, когда командир делал небольшие паузы в своем рассказе, чтобы перевести дух или сделать глоток воды. Никто в бараке даже не шевелился и старался не дышать. Ещё командир сказал, что он последний из тех, кто выжил, и он должен, не должен, а обязан рассказать о последних днях подземных героев. Мы, те, кто его слушают, обязаны выжить и рассказать об этом всем. Что я сейчас и делаю. Созирико Газданов написал стих чуть позже. Надо его поискать и обязательно опубликовать. Он стоит того...

Перевод с Осетинского:

Аджимушкайская вода
Приснилась мне, пришла беда
Давно пришла, с той стороны
Откуда нечисть вся с рогами
Приходит к нам...
И Александр, князь наш, Невский
Их победил... не навсегда...
Аджимушкайская вода
Из крови, камня и слюны
Но жизнь даёт, и жизнь берёт
У тех, кто воду отдаёт
И детям всё, себе патрон
И вот в атаку, немца-гада, он придушил
Ведь есть одна в войне услада
Увидеть смерть фашистов стада
Теперь вот наш черёд пришёл
Рогатых бесов всех на кол
И в преисподнюю, там им место
Но мы сжимаемся пружиной
Мы отступаем...
теряя лучших из друзей
И наших братьев
Пока в руках у нас наш флаг
Мы живы
И Осетин, и Сибиряк
В одном порыве

³⁷ Ни одного случая каннибализма за все время осады не было. Моральный дух и воспитание советского человека было на высоте. Умирали, но не сдавались!

Из тысяч тысячных атак
Дойдём мы с флагом
Туда, где бункер и Рейхстаг
Попьём из фляги
Воды простой, но в память той
Что жизнь спасла...
В Аджимушкае

В каменоломнях этих самых, до войны были огромные склады. Но на складах хранили только сахар, тонны сахара и немного вина с коньяком. Там же темно, сухо и однообразная холодная температура, потому и хранят в таких местах вино...

А когда люди кушали сахар без воды, то происходила беда. А его запасли много, так его и пекли, и жарили, и варили, но сахар – это горение организма. А гореть-то нечему было. Сначала человек распухал, потом раздувался, потом умирал в муках нечеловеческих. Многие просили пристрелить их...

Потому руководителем обороны каменоломен Ягуновым было принято решение – сахар не раздавать. Напомню, что цель пребывания и смысл всех жертв был в одном – ждать, когда придет помощь, и мы все вместе пойдём на помощь защитникам Севастополя. Мы все для этого сюда пришли вместе с десантной операцией. И вот по радиостанции, а у нас она работала только на прием, что-то там сторело, и мы не могли передавать информацию, нам сообщили 4 июля 1942 года, что Севастополь пал. Войска эвакуировать не смогли.

Аджимушкой погрузился в шок. У всех просто пропал смысл их жизни. С этого момента смерть начала выкашивать в три раза больше людей – уже никто не хотел жить и бороться, как раньше. Понимали, что если бросили Севастополь, то наша подземная армия тоже списана со счетов. Ягунов сначала перестал разговаривать со всеми, а через сутки после падения Севастополя, 5 июля 1942 года в его командирском крыле прозвучал взрыв. Погиб он один. Больше никто не пострадал. Официальная версия, мы её придумали сами, такая была: всё произошло случайно, перебирал оружие и боеприпасы, добытые разведчиками во время удачной ночной вылазки, взял в ослабленные руки гранату, и выронил её случайно. Она упала на каменный пол и взорвалась...

Но мы все понимали, что это не так. В этом мире случайностей нет. Так рассказал нам всем командир в немецком концлагере...

На похороны командира Ягунова собрался весь подземный гарнизон. Григорий Михайлович организовал всё правильно. Гроб сделали из бортов грузовика, который потом закидали камнями в одном из подземных залов. На могилу Григорий Михайлович положил металлический лист, на котором одиночными автоматными выстрелами выбил его имя и фамилию.³⁸ Похороны проходили в гробовом молчании. В проходах подземелья собрались все, кто мог стоять на ногах. У всех в голове был один вопрос:

– Есть ли смысл вести борьбу, когда бросили Севастополь, когда пала Кубань, Ростов, кто мы и для чего мы здесь, обессиленные, обезвоженные, окруженные?

У каждого защитника Аджимушка пропало всякое желание жить в уже состоявшемся гробу в виде каменоломен. Шансов на победу не было никаких. И это понимал и командир Григорий Михайлович, поэтому тоже ничего не говорил. Потом пришло известие, что немцы на подступах к Сталинграду... Это было для нас окончательным концом надежды. Неправда, говорил командир, что Надежда умирает последней, тогда, в подземелье, нашу

³⁸ Ягунов был единственным участником обороны, которого похоронили в гробу, сделанном из досок кузова грузовика. В 1987 году при проведении поисковых работ могила была обнаружена. Останки торжественно перезахоронены в центральном сквере поселка Аджимушкой

Надежду по имени Севастополь похоронили раньше нас. И мы понимали, что если бросили там около сотни тысяч солдат, то наша группировка, для того же Буденного, не стоит и выеденного яйца. Люди без Надежды начали умирать от малейших царапин. Холод и голод вызывали у ослабленных защитников подземного города воспаление легких и туберкулез. В тех условиях, когда воздух прогревался от дыхания не более чем на двенадцать, иногда на шесть градусов выше нуля, и нет ни воды, ни медикаментов – болезнь убивала за часы. Командир наш говорил, что было много промахов. И от незнания обстановки, и от глупости, и по недосмотру. Предательство тоже было. А последствия от действий последних даже предугадать было невозможно. Когда была первая газовая атака, то погибло много медиков.³⁹ Они погибали вместе со своими ранеными, которых бросать было не в русских традициях. Вот их, врачей, не догадались уберечь. В итоге даже сложные операции, например ампутации, (а гангрена начиналась даже после мелкой царапины), бойцы делали себе сами, без наркоза.⁴⁰ Истощение к концу обороны было таким, что вот если тебя пуля ранит, то бежала из раны уже не кровь, а чуть-чуть сукровицы...

Но жизнь в подземелье продолжалась, даже и без Надежды. Командир поставил всем цель – убить как можно больше фрицев, чем больше, тем лучше, поэтому вылазки стали ежедневными и многочисленными. Потери тоже. Изобрели новый способ добычи «аджимушкской воды», теперь сначала проделывали в камне глубокие дырочки (сверлили штыком), вставляли шланг, ртом его тянули и так сцеживали воду. Чуть позже закончили четырнадцатиметровый тоннель к «Солёному» колодезю, который пробили в монолитном камне. Боже, вы себе не представляете, что это такое пить воду столько, сколько хочешь. Это невозможно представить. Даже здесь, в центре Германии, в концлагере, воды в досталь, пусть грязной, пусть холодной, пусть из луж, пусть с помоями, но это вода, которой можно напиться самому и напоить её детишек, дать им воды с сахаром,⁴¹ и дать раненому перед смертью, как они все перед смертью просили воды, лучика солнышка и воды...

Но когда, наконец, появилась вода, совсем не стало еды...

«Сладкий» колодец. Там стояла церковь и на тридцать два метра возвышалась колокольня. Фашисты на ней установили несколько крупнокалиберных пулемётов. Стреляли в основном разрывными пулями, но не чтобы убить, а чтобы покалечить – стреляли по ногам, чтобы люди перед смертью побольше помучились, и достреливали только, если раненый долго не умирал, и не давал своим стоном спать фашистам...

³⁹ Из найденного дневника врача: «Доктор, я молодой, я же хочу жить. Дай мне хоть что-нибудь...». А из лекарств ничего же нет абсолютно. Вот я подойду, обниму, поцелую, что-то шепну на ушко. Вот это единственное лекарство. Абсолютно ничего не было из лекарств. Но операции делали. Из сахара и „аджимушкской воды“ делали самогон и давали выпить два стакана бойцу перед операцией. Когда он отключался, то мы ампутировали ему ногу там или руку...»

⁴⁰ Цитата из дневника одного из героев Аджимушка: «Ты видала, матушка Русь, как зверски расправился фашизм, до какой степени дошли людоеды? Они не только стреляют, режут, разрывают, они душат газами. Эта ночь была одна из тех, которую вряд ли кто пережил. На каждом квадратном метре можно видеть один-два трупа. Вширь, вглубь, на боку, на спине с открытыми закровавленными ртами и ужасно распухшими лицами, наверх выпученными глазами лежат всякого рода бойцы, командиры и политработники. Рядом с ними дети, женщины, мужчины из гражданского населения... Дышать нечем. Противогаз тоже отказывает – начинает хлор пропускать. Сегодня как никогда усиленно душат. На каждом выходе бросают шашки и гранаты. Вновь раздрающие вопли, зовущие на помощь. Жертвы, жертвы. Смерть так близка, а умирать все-таки неохота – именно вот в этой готовой могиле»

⁴¹ Ещё до войны в штольнях Аджимушка были оборудованы склады военторга, где к середине мая 1942 года оставались небольшие запасы провианта: немного хлеба и сухарей, крупы, жир, концентрат, табак, чай. Имелись и стратегические запасы сахара. Начальник продовольствия каменоломен А. И. Пирогов в своей книге «В осаде» пишет, что полковник Ягунов приказал ему посчитать все запасы еды и назначить норму пайка: хлеба – 200 граммов, жира – 10 граммов, концентратов – 15 граммов, сахара – 100 граммов на человека. Любопытно, что норма сахара не только не уменьшалась, но и увеличивалась. Это подтверждают и сами участники. Так, один из них сообщает: «Сахар под конец стал основным продуктом питания, и только благодаря ему мы остались в живых». Однако сахар, поднявший дух защитников в первые дни, потом сыграл с ними злую шутку. Из-за отсутствия воды и нормального питания употребление сахара в больших количествах привело к массовому развитию сахарного диабета. И те, кто в начале обороны выжил благодаря сахару, через несколько месяцев погибали от даже самых незначительных царапин и ранений – настолько сильно разрушал иммунитет прогрессирующий диабет

Осада продолжалась пять месяцев – до конца октября 1942 года. Пока не погиб последний, с точки зрения немцев, защитник Аджимушка, который мог стоять на ногах.

В Керчи, да и в Крыму дислоцировались не только немецкие дивизии, а ещё и румынские.⁴²

Сорок восемь выжило чудом, спрятавшись в бездне... самый тяжелый из них, взрослый мужчина весил не более тридцати килограмм. Это были комиссар Парахин, подполковник Бурмин, и с ними ещё 46 человек. Именно они и встречали недружным винтовочным и пистолетным огнём гитлеровцев, которые пошли на штурм.⁴³ Последний короткий бой. Погибли все. Кроме семерых. Семеро бойцов, двое из которых Парахин и Бурмин оказались в концлагере. Пятерых расстреляли чуть позже в Феодосии. Комиссар Парахин был затравлен собаками в Симферопольском гестапо (концлагерь «Красный»).

Командир говорил, что, когда его обыскивали, тот немец, кто проводил его личный шмон,⁴⁴ потом неделю от его запаха отмыться не мог, жаловался всем, что от него трупом русского воняет.

От всех защитников Аджимушка на самом деле исходил нечеловеческий смрад. Они гнили все изнутри и снаружи.

Подполковник Бурмин. Мой командир. Мой любимый и всемогущий мыслитель. Бог послал тебя именно туда, где находились в плену мы с Созирико, Матвеем, Георгием и Валентиной – это медсестра—разведчица наша бесстрашная из Севастополя.

Концлагерь в Германии. Он объединил нас в подпольную группу, которая смогла убежать, но Григорий Михайлович Бурмин к тому времени давно уже передвигался на самодельных костылях, поэтому остался прикрывать побег. Когда советские войска подошли с боями к концлагерю, то всех заключенных расстреляли фашисты. Григорий Михайлович не дожид до освобождения всего два дня.

Уже далеко после войны я посетил это ужасное место. Что хочу сказать. Я умею чувствовать и людей, и места разные. Хорошие и плохие. Я был в Освенциме и Бухенвальде. Приезжал в Саласпилс, туда, где был наш приемыш Фёдор. Но то, что я почувствовал в каменоломнях, я не могу передать словами. Ужас смерти, последний вдох и предсмертный крик ребёнка, который застыл в камнях, как в ушах, погибшей вслед за ребёнком, его матери... Понимаю, что прежде, чем всё это состоялось, умные мальчики и девочки выучились в университете и пошли работать в «Байер»⁴⁵, потом они придумали всё это дерьмо, гордились этим, придумали оборудование на котором и производили все эти газы—убийцы для Третьего Рейха и получали прибыль... Я ещё могу как-то понять производство железного оружия, его хоть можно использовать для защиты и обороны, но газ! Газ только для убийств беззащитных, и сейчас живя в Германии и понимаю, что смерть каждого ребёнка, каждой матери, каждого старика на руках всех этих недоарийцев и сверхчеловеков и их потомства, которое густо населяет эту часть суши.

⁴² Моя учительница школьная находилась в Керчи в оккупации. Девчонкой тогда была. Рассказала нам в классе интересную историю. Какой-то наш маленький истребитель (возможно речь идет о И-16 прим. автора) сбил Мессершмитт 109. Немецкая пехота побежала помочь своему лётчику. Самолёт упал недалеко от дома, где жила учительница. Там немцы обнаружили румынскую пехоту, которая грабила самолёт, кто-то стаскивал меховые унты с мертвого лётчика. Немцы атаковали мародёров—румын. Забили (почти до смерти, говорила учительница) прикладами (румыны были без оружия). Это был 1942 год. Румыны воровали всё, могли зайти в дом и снять одежду с покойника, например

⁴³ Немцы узнали, что защитники обессилены и малочисленны, и с помощью поисковых собак были обнаружены

⁴⁴ Шмон (разговорное) – обыск, досмотр

⁴⁵ Байер – Bayer AG – немецкая химическая и фармацевтическая компания, основанная в Бармене в 1863 году. Её штаб-квартира находится в Лёверкузене, Северный Рейн – Вестфалия. Самыми известными продуктами, которые принесли Байеру широкую известность, являются героин и аспирин. Причем героин придумали как лучшее лекарство от кашля. Bayer до 1945 года – дочерняя компания химического консорциума IG Farben, использовали заключенных нацистских концлагерей для проведения медицинских экспериментов над людьми

В заключении хотелось бы всем посоветовать хотя бы раз побывать в Аджимушкайских каменоломнях – туда сейчас активно водят экскурсии. Каждому стоит на пятнадцать минут окунуться в абсолютную темноту, изредка разрываемую блеском лампочки, работающей от двух старых генераторов. Стоит увидеть обрывки материи и одеял, которыми пытались заткнуть щели во время газовых атак. Страшное, ужасно гнетущее место. Но это часть истории Земли и это одно из лиц войны, потому – это надо знать, особенно современным подросткам. Обязательно отвезу туда свою внучку и её друзей из Германии. Они должны вырасти людьми, а не зверьми, а для этого надо почувствовать ту границу, которая делит людей на части, в которой одни могут называться людьми, а вторых вешают после процесса в Нюрнберге, надо моим внучатам увидеть брошенные каски и автоматы без патронов, детские игрушки, сделанные из копыт и костей съеденных и обглоданных лошадей. Деревянные куклы с руками из гильз патронов и волос из колючей проволоки, к которым их владельцы однажды не смогли вернуться. Десятки тысяч загубленных судеб. Из них невысказанное количество детей и подростков, несколько тысяч юношей и девушек ...⁴⁶

И все-таки их смерть не была зря, как не была бессмысленной гибель защитников Бреста, где был принят первый бой. Не сдался Ленинград,⁴⁷ сражалась до последнего Одесса, Севастополь, Сталинград, Аджимушкай, если бы всего этого не было, то мне некому было бы рассказывать историю своей жизни, не было бы ни нас, ни вас, мои замечательные внуки...

История одной фотографии

Однако история этого фото не так проста.

Есть кадры кинохроники: по улице идет старик в темном пальто. Позади – красноармейцы с винтовками, у которых примкнуты штыки: конвоиры.

У старика сосредоточенное и отрешенное лицо.

На фотографии – Тимофей Токарев, бургомистр Керчи. Он уже был главой города в далеком 1919-м, а после прихода Советской власти был лишен имущества и избирательных прав.

В 1941-м немцы, занявшие будущий город-герой Керчь, предложили Токареву должность городского головы. Дедушке шел шестьдесят шестой год. Служил он качественно и ревностно: составлял списки предполагаемых врагов оккупационного режима, организовал перепись евреев, которых потом расстреляли в Багеровском рву, обеспечивал изъятие у горожан «излишков» продуктов для немецкой армии.

Из книги Козлова И. А. «В Крымском подполье»:

«На третий день после освобождения города пионеры обнаружили в какой-то квартире под кроватью немецкого городского голову Токарева. Он был арестован. При обыске у него нашли чемодан награбленных ценностей:

золотые часы, бриллианты, золотые брошки».

Были пойманы и другие пособники фашистов, помощники бургомистра. 29 декабря, в день бегства фашистов, комендант предоставил одну грузовую и одну легковую машину «для эвакуации господ из управы и полиции».

Но «у господ» оказалось большое количество родственников, гораздо больше, чем могли вместить эти две машины. Плюс – они уже успели помародёрствовать в багеровском рву, и, имея на руках адреса несчастных жертв, объехали все жилища и забрали из них всё самое ценное. Далее они всё это «добро» попытались захватить с собой в грузовик. В итоге передрались между собой и в конце концов решили погрузить на машины вещи и детей, а самим идти пешком. Выбрались. Но за городом уже были румынские войска, а они, особо не церемонясь, забрали обе машины с вещами, сняли с полицейев теплую одежду, а когда те пообещали пожа-

⁴⁶ Запомните эти фамилии: Бурмин, Парахин, Саша Неделько, Валя Валько, Селезнёв, Коля и Оля Проценко

⁴⁷ Блокада Ленинграда продолжалась с 8 сентября 1941 года и по 27 января 1944 года. За 872 дня блокады при обороне города погибло и пропало без вести около 500 000 бойцов Красной Армии. Около 700 000 гражданских лиц умерло от голода и бомбёжек

ловаться «кому надо» – начали их бить, а нескольких, кто сопротивлялся – пристрелили. Уцелевшие убежали обратно в город. Там, где их в итоге и поймали наши.

Бургомистр, по сути, ничем не отличался от полицаев или других пособников фашистов, – он помогал оккупантам чем мог, ну, а те уже тысячами расстреливали его земляков, только за то, что они были определенной нации...

«...Местом массовой казни гитлеровцы избрали противотанковый ров вблизи деревни Багерово, куда в течение трех дней автомашинами свозились целые семьи обреченных на смерть людей. По приходу Красной Армии в Керчь, в январе 1942 года, при обследовании Багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук и ног и других частей тела. Всё это было забрызгано кровью и мозгами»

Противотанковый ров близ деревни Багерово стал могилой – его избрали гитлеровцы местом массовой казни мирного, в основном, еврейского населения города.

В конце декабря 1941 года здесь было расстреляно более семи тысяч человек. Есть кинохроника, которую использовали в Нюрнберге в качестве доказательства: в кадре видны припорошенные снегом трупы мужчин, женщин, ребёнка, прижавшегося к матери. Вот вдоль рва идёт жена краснофлотца Раиса Анатольевна Белоцерковская и её 13-летний брат Иосиф – живые свидетели трагедии.

В авторской описи киносъёмки полностью описана их история, которая приводится ниже:

«Раю взяли в тюрьму немцы вместе с её детьми: Бетичкой – 5 лет, Изиком, которому было 2,5 года, с ней так же был 13-ти летний брат Иосиф. За дни пребывания немцев в Керчи ими было расстреляно тысячи евреев. Рая с детьми и братом ждали своей очереди. Рая была на последнем месяце беременности, не выдержав побоев и издевательств, она родила в тюрьме дочь, назвала Аней. Утром 29 декабря вместе с большой партией евреев семью Белоцерковских повезли на расстрел. Дорогой Рая выбросила из автомашины брата. Его исчезновения не заметили.

– Пуля фашистов прострелила мне лопатку, – рассказывает Рая, – я упала на моих уже мертвых детей. Сколько я пролежала – не знаю. Очнулась оттого, что липкая кровь заливала мне рот, шею, нос. Неужели я жива, промелькнуло в сознании. Собрав все силы, я выползла из-под груды трупов. Кое-как замотав рану одеялом, я поползла в сторону от ужасного места гибели моих детей. Потом пробираясь к городу, я опять попала в руки к убегающим фашистам, прячась от них, съела свои документы. Окончательно выбившись из сил, я зашла в один дом и неожиданно встретила людей с красной звездой на шапках-ушанках. Это были наши родные красноармейцы. Части Красной Армии в этот день заняли Керчь. Они спасли мою жизнь, жизнь тысячи советских людей от бесчисленных зверств и издевательств фашистских оккупантов».

Это началась военная операция Красной Армии, целью которой была деблокация Севастополя и освобождение Крыма, и которая закончилась в аду Аджимушкайских каменоломен...

История одной фотографии СЕРБ

Вермахт оставил о себе страшную память. Но имя одного немецкого солдата в Сербии произносится с уважением. О нём был снят фильм, его имя – на страницах сербского учебника истории.

19 июля 1941 года в Сербии в районе села Вишевец был разгромлен партизанский отряд. После тяжелого боя была проведена зачистка села, в ходе которой были арестованы 16 местных жителей, которых повели на расстрел. Им завязали глаза и поставили к стогу сена. Солдаты стали против них и подняли винтовки. Все, кроме одного. Он подошел к офицеру и заявил,

что не будет стрелять, так как эти люди невиновны: он солдат, а не палач. Офицер напомнил солдату о присяге и поставил его перед выбором: или солдат возвращается в строй и вместе с другими выполнит приказ, или он встанет у стога вместе с осужденными. Несколько мгновений, и решение принято. Солдат положил винтовку на землю, направился к приговоренным к смерти сербам и встал рядом с ними. Имя этого солдата было – Йозеф Шульц.

Долгое время считалось, что вся эта история – пропаганда. Семья Шульца получила официальное извещение, что ефрейтор Йозеф Шульц якобы отдал свою жизнь за фюрера. Но командир 714-й дивизии Фридрих Шталь в своем дневнике подробно описал этот инцидент. Были даже найдены фотографии, сделанные одним из участников расстрельной команды. На одной из них Йозеф Шульц, без оружия и каски, направляется к стогу сена, чтобы встать среди расстреливаемых.

В 1947 году эксгумация останков погибших выявила, что среди семнадцати захороненных – один был в форме войск вермахта. Йозеф Шульц не погиб в бою, а был расстрелян. Командование дивизии решило скрыть позорный факт невыполнения солдатом приказа. На момент смерти ему было 32 года, человек с уже сформировавшимся мировоззрением. Он прекрасно знал, как наказывается в военное время солдат, отказавшийся выполнить приказ.

В Сербии на месте трагедии стоит памятник погибшим. На монументе закреплена табличка с именами и фамилиями расстрелянных. шестнадцать сербских и одна немецкая.

Лауреат пяти Сталинских премий, народный артист СССР, автор документального фильма «Обыкновенный фашизм» кинорежиссер Михаил Ромм сказал:

«Нужно иметь немалое мужество, чтобы отдать жизнь за свою Родину. Но иногда не меньшее мужество нужно иметь, чтобы сказать „нет“, когда все кругом говорят „да“, чтобы остаться человеком, когда все кругом перестали быть людьми».

Сопrotивление. Начало

...Я пишу тебе это письмо в своем дневнике, и если я дам его кому-то почитать, то это будет означать одно, что я чувствую приближение смерти, и мне надо с кем-то поделиться ... Судьба нас, пленных русских, восьмерых мужчин и одну девушку, санитарку из Севастополя, занесла на край Европы, в голландский город А. Тебя уже нет, тебя нет уже год, и я знаю, что ты не прочитаешь его никогда, но его обязательно прочитают те, кто тебя любит, любил и будет любить, как самого верного друга и товарища, который поверил нам в очень тяжелую для всех нас минуту... Когда—то ты мне, нам, пленным и сбежавшим из концлагеря арестантам, рассказала свою историю. Но если я её не опишу, то о ней никто не узнает, а такого я допустить не могу...

Ты нам рассказывала, что ты была маленькой девочкой, родилась и жила в Европе. Вторая Мировая Война. Оккупация. До высадки союзных войск в Нормандии женщины и дети жили впроголодь, но жили. После высадки наступил настоящий голод.

Голод. Холод. Да, военных действий не было, практически вся Европа сдалась. Многие мужчины, чтобы прокормить семьи, вступали в нацистскую армию. Многие, но не все.

Ещё было «Сопrotивление». Конечной целью которого было вооруженное восстание по всей Европе. Еды в тот год ни у кого не было, только у тех, кто сотрудничал с фашистами. Обычным людям её надо было добывать. И детям, и взрослым, и старикам.

Девочка, несовершеннолетняя девочка, которая изменила мне, нам, всей нашей небольшой группе жизнь, и о которой я хочу рассказать в своем дневнике, начинала свой день, сварив и съев одну варёную картофелину. Но не всегда. Потом она шла в центр города, на центральную городскую площадь, брала с собой скакалку и до самого вечера скакала. Она была невероятно худенькая. Почти прозрачная. Такой она мне запомнилась навсегда, даже сейчас, когда у меня есть её фотографии уже достаточно взрослой, все-равно, закрывая глаза, я её представляю прозрачной пушинкой...

Но она сама считала себя балериной и потому приказывала себе не уставать. Девочка скакала и скакала. Иногда ей прохожие давали какую—то еду... но чаще всего никто ничего не давал. Да и не было у неё целью – разжалобить прохожих и выпросить у них какой—то еды. Она просто ненавидела тех, кто расстрелял её дядю и её двоюродного брата. Расстрелял, предварительно замучив их до неузнаваемости, в попытке склонить их к предательству. Они ничего не рассказали Гестапо о своих товарищах в Сопrotивлении и были расстреляны.

Но что могла сделать маленькая девочка со скакалкой в руках?

Когда любишь свою Родину, ты всегда найдешь способ бороться. Бороться до последнего вздоха. Бороться, и не важно сколько тебе лет, и как ты выглядишь! У неё была подруга – самая ослепительная женщина Парижа, звали её Вики ...⁴⁸

Наша спасительница, наша девочка скакала на виду у всех. Она видела всех прохожих, и все, кто был в центре, тоже видели её. Фашистский штаб тоже размещался в центре.

⁴⁸ Княгиня Вера Аполлоновна Оболенская, Вики, как её называли близкие, была одной из самых красивых женщин русского Парижа. Она стала одной из центральных фигур в Сопrotивлении, передавала донесения, писала сводки, работала связной. Фашисты подвергли её жестокой казни на гильотине в Берлине в 1944 году. Посмертно она была награждена орденом Отечественной войны первой степени, Военным крестом с пальмами и медалью Сопrotивления. Узнав о трагической кончине жены Веры Оболенской, убитой немцами в Берлине, Николай Оболенский решил стать священником, в 1963—1979 гг. был настоятелем собора Св. Александра Невского в Париже, до этого он прошел и Сопrotивление и концлагерь.. Другой русской мученицей и героиней противостояния нацистам стала Мать Мария (Скобцова). Российская аристократка, поэтесса, потом монахиня, она стала одной из центральных фигур благотворительной деятельности русского зарубежья, ежедневно разнося пищу по госпиталям и старческим русским домам. В годы войны Мать Мария помогала переправлять беженцев через границу и выдавала фальшивые документы тем, кому грозил нацистский террор. Она погибла в фашистском концлагере, и сама пошла на смерть, заняв место молодой женщины, которую должны были отправить в газовую камеру. Она выжила, вышла по документам Скобцовой из лагеря, после Победы, и рассказала о её Подвиге

Иногда она останавливалась, и делая вид, что поправляет шнурки на стареньких, сношенных до дыр ботинках, передавала послания—записки, которые ей давал её родной брат. Они предназначались командирам «Сопротивления». Тем, к кому нас позже привел Арман, и те, кто не хотел видеть свою Родину оккупированной.

Также и ей передавали важные зашифрованные сообщения.

Бывали дни, в которых она просто прыгала и ничего никому не передавала.

Это означало, что этих людей, кто не пришел – арестовали... тогда вечером она сжигала эти записки не читая. Брат её учил, что даже если Гестапо будет тебя пытаться, и ты в бессознательном состоянии будешь что-то говорить, то ты никого не выдашь, ведь ты никого не знаешь по имени, и не знаешь, что ты передаешь. Поэтому тебя просто расстреляют, а это не больно. Страшно, но не больно. Больно, это смотреть, как фашисты чувствуют себя в твоём городе, как у себя дома, в Германии.

Прыгала она каждый день, и каждый день она запоминала, записывала и передавала в центр информацию о том, сколько генералов, солдат и офицеров поехало, и куда именно поехало... у нашей девочки ещё был уникальный дар, – она читала по губам, когда—то она очень долго ухаживала за своей бабушкой, которая пережила грипп—испанку, но оглохла и онемела, и она вместе с бабушкой освоила эту сложную науку. Благодаря этому дару она и определила нас, как иностранцев, потому что не понимала то, о чем мы говорим, при том, что она в совершенстве знала французский, немецкий, английский, испанский и итальянские языки, помимо своего родного...

И фашисты, которые проводили совещания за закрытыми окнами, но подходили обсуждать особо важные моменты к окну, даже не догадывались об этом. Могли лишь гадать, кто из них предатель. Ведь проваливались одна операция за другой. Похищались генералы, о приезде которых знали лишь в штабе, облавы и обыски были безрезультатны, важные грузы взрывались настолько в неожиданных местах, что была для них полная ясность – что в штабе работает предатель! Его искали, искали обсуждая его поиски глядя на маленькую несчастную девочку, которая уже который год скачет у них под окнами, но которой никто из них не вынес даже кусочка шоколада, а они предполагали, что скачет она лишь с этой целью, и больше ни с какой!

У этой маленькой балерины папа поддерживал нацизм, даже был членом их партии, а она – нет. Она любила свою Родину и делала все, что может, чтобы Европа стала свободной.

Несколько раз был близок провал, но её всегда спасало чудо, в которое она верила с детства. Мама ей говорила, что её ждет великое будущее, главное не сдаваться, и не бояться, а Бог обо всем позаботится. Верь и не бойся!

Как—то мама по секрету сообщила ей, что в далеком—далеком отсюда городе Сталинграде, была проиграна фашистами битва, очень важная битва, и даже французский министр Де Голль в своем выступлении по лондонскому радио в январе 1942 года говорил: «Французский народ восторженно приветствует успехи и рост сил русского народа. Ибо эти успехи приближают Францию к её желанной цели – к свободе и отмщению», а мама услышала и рассказала, и ещё сказала, что это значит, фашистов победят, рано или поздно. Победят русские, ну а мы поможем... и вот она встретила своих первых русских в её жизни, потому не помочь нам она просто не могла! Мы были спасены, но до этого момента ещё было далеко! Сначала она пережила арест своего родного брата.

...Но она не меняла своего мнения даже после расстрела нацистами своего братика и его сына, своего любимого племянника, который пел, как ангел и умел говорить на семи языках...

Как—то раз наша девочка поехала на велосипеде, который ей подарили подпольщики из Сопротивления, передавать очередные важные сообщения.

Была облава. Кто—то рассказал гестаповцам, как выглядит связной и на чем он должен приехать. Описали цвет велосипеда. Была погоня. В неё стреляли, но пули пролетели мимо, всего лишь повредив велосипед. Спрятавшись в подвале, она просидела в нём неделю. Пила воду, которая собиралась в лужи после дождя и нашла в корзине гнилые яблоки. Они поддерживали в ней силы.

Не нашли её. Даже собаки не смогли унюхать её следы. Она не должна была умереть. Ещё было рано. Родина была оккупирована. Рано. Так говорила она себе, когда свернулась калачиком в большой корзине с прошлогодними, гнилыми яблоками, когда в подвал зашел фашист с овчаркой.

Не нашли. Как раз тогда мы и потеряли тебя, и волновались, понимая, что, если ты несколько дней не возвращаешься домой, то случилось самое страшное. Некоторые товарищи говорили, что если она в Гестапо, то она может выдать нас, и тогда за нами придут, но мы верили в тебя и ждали. Никто из нас из русских не покинул твой дом, а поляки ушли, испугались...

Ты вернулась, грязная, измученная, но живая и весёлая, как обычно! Потом, в ночь прощания, а в целом мы прожили у тебя несколько недель, мы говорили всю ночь (ждали Армана), и общие страдания и общая ненависть к нацистам объединили нас раз и навсегда! Девочка нам рассказала, что её мама знала о работе своих детей в Сопротивлении. Знала, но не мешала. Просто молилась, плакала и верила. Она была английской аристократкой, и жила в Европе по измененному паспорту. Англичан немцы часто расстреливали и считали их всех шпионами.

В прошлой довоенной жизни наша балерина была очень пухлой девочкой, которая любила сладкие булочки. Но война изменила её жизнь. Голод и оккупация сделали из маленькой девочки человека с большой буквы.

Освобождение Родины она встретила уже с винтовкой в руках.

Война закончилась. Того предателя, который рассказал фашистам о связной на велосипеде зеленого цвета, выявили и расстреляли. Арман и тут отличился. Он был Великим комбинатором и Великим Мастером, когда надо было вывести на чистую воду предателя...

Жизнь раскидала нас по разным континентам.

И вот наша девочка выросла, пошла учиться в консерваторию, потом работала медсестрой в госпитале, вместе со своей мамой, потом Лондон, попытка стать балериной, но последствия жуткого голода внесли изменения в фигуру и ей посоветовали искать себя в другом виде искусства. Но благодаря тому, что она была бесстрашной и помогала всем, кто хотел сражаться против нацизма, у неё появилось много друзей. В особенности те, кто с её помощью смог убежать от нацистов. Например, барон Мишель Доннэт.⁴⁹

Маленькая Героиня большого Сопротивления, чересчур стройная и очень худенькая девочка попробовала себя в кино и стала кинозвездой. В 1954 году ей вручили Оскар.⁵⁰

⁴⁹ В 1940 году Германия в ходе 18-дневной войны разгромила Бельгию. Король Леопольд III подписал капитуляцию, и личный состав вооружённых сил страны оказался в немецком плену. В числе пленных был и барон Мишель Доннэт, пилот 9-й эскадрильи (воздушная разведка) бельгийских ВВС. Он вместе с сержантом бельгийских ВВС Леоном Дивойем пятого июля 1941 года совершил перелёт в Англию. В Великобритании они вступили в ряды Королевских ВВС. Мишель Доннэт совершил 375 боевых вылетов, имел четыре подтверждённые и пять вероятных побед над немецкими лётчиками, на его счету – десятки вылетов на штурмовку наземных объектов. В одном из боёв бельгиец был сбит, но смог спастись с парашютом. В конце войны он командовал 350-й (бельгийской) эскадрилей Королевских ВВС. Это имя наша спасительница упоминала не один раз в своих рассказах, а ещё были менее «звездные» друзья, которые также остались живы благодаря нашей храброй девочке, например: Томас Снеум, Къельд Педерсен, Хидд Лестер и Пит Вос, которых Одри снабдила необходимыми картами и прочим для побега (прим. автора)

⁵⁰ С мисс Хепберн связана ещё одна интересная история. При первой встрече с Сальваторе Феррагамо – великим обувщиком голливудских актрис, – Одри попросила мастера изготовить такие элегантные туфли, которые превратили бы её 41 размер в изящные ножки балерины. Тогда Феррагамо впервые создал туфли на тонкой подошве с закругленным носком наподобие пуант, которые он назвал *ballerinas* ФОТО

Мы все, спасенные ею в далеких сороковых, радовались этой Большой Победе этой маленько девочки – нашей спасительнице! Наверное, радовались так же, как когда пришла та самая и единственная Великая Победа наша, в далеком сорок пятом!

И вот, у её ног лежит не только Англия и Европа, а и весь мир. Но в этом мире она видела несправедливость и детей, которые умирали от голода и болезней, и это было для неё важнее, чем кино, важнее, чем слава, важнее, чем собственная жизнь! И она оставила кино. Она помнила и знала, что такое голод и смерть! Тысячи спасенных детей в Африке и в Азии до сих пор помнят и знают того, кто их спас. Она не боялась ни эпидемий, ни революций, в которых человеческая, а тем более жизнь ребёнка, если он, к тому же ещё и черный, не стоила и капли воды...

И все они её любили, да и до сих пор любят свою Одри Хепбёрн.

Она, наверное и не запомнила тот момент, когда помогла нам, небольшой группе сбежавших из плена русских, найти руководителей Сопротивления, в котором мы провозвали какое-то время, а потом вернулись на Родину. Но мы все запомнили её навсегда. От неё веяло чем-то нереально неземным, когда она говорила, то голос её обладал каким-то волшебством, которое излечивало нас в то мгновение и вдохновляло на подвиги. Взгляд зажигал, где-то глубоко внутри нечто такое, о котором мы даже не догадывались, мы прошедшие огонь и воду в плену и концлагерях, она включила в нас механизм, который зовется Патриот до самого конца! Она изменила нашу жизнь. Случай свел с ней, а она свела с Арманом, который и повел нас дальше. О нём отдельная история. Он того заслуживает.

Более чем.

P.S. Я не один был в неё влюблён. После смерти Одри Хепбёрн в 1993 году, Грегори Пек со слезами в голосе прочитал её любимое стихотворение «Unending Love».⁵¹ Вот мой личный перевод на русский язык, не зря, все-таки я столько лет работал до войны на кафедре иностранных языков, хоть где-то пригодилось:

Порой, мне кажется, тебя любил я раньше
Любил и тысячу, и триста лет назад
Любил всегда, любил душой, любил без фальши
И взявшись за руки, смотрели на закат
Мы пережили сотню воплощений, может больше
Но в каждом находили райский сад
Рождался в каждой своей жизни я поэтом
А музой ты рождалась, слушать песнь любви
Как бусинки, стихи мои, куплеты
Сложились в ожерелье, не порви
В нём наша бесконечная любовь воспета
И память прошлых жизней есть в крови
Я странник в тех мирах, и души распахнута дверца
Сплетая ожерелье из стихов – признание в любви,
Я превращал их в бусы, которые навеки в твоём сердце
Но в новом мире, где родишься вновь, меня ты не забудь – позови

⁵¹ Оригинал: «Unending Love» Rabindranath Tagore I seem to have loved you in numberless forms, numberless times, In life after life, in age after age forever. My spell—bound heart has made and remade the necklace of songs That you take as a gift, wear round your neck in your many forms In life after life, in age after age forever. Whenever I hear old chronicles of love, its age—old pain, Its ancient tale of being apart or together, As I stare on and on into the past, in the end you emerge Clad in the light of a pole—star piercing the darkness of time: You become an image of what is remembered forever. You and I have floated here on the stream that brings from the fount At the heart of time love of one for another. We have played alongside millions of lovers, shared in the same Shy sweetness of meeting, the same distressful tears of farewell – Old love, but in shapes that renew and renew forever. Today it is heaped at your feet, it has found its end in you, Universal joy, universal sorrow, universal life, The memories of all loves merging with this one love of ours – And the songs of every poet both past and forever.

И, где родишься, в любом из миров воплощаясь
Что ни новая жизнь, что ни новое время
Бесконечно любовью моею рождаясь!
В каждом мире есть быль о любви, о печали
О разлуке, о встрече любимых, слагали сонет
Но в том мире нас снова и снова венчали
Облачённую в платье – лучей звездный свет
Ты образ тот, что в памяти будет навечно
Зовётся Любовью, и это будет длиться бесконечно

— — —

Соппротивление. Арман

Au danger on connaît les braves

Перевод с французского: Храбрые познаются в опасности

Арман. Тогда я ещё не знал твоего настоящего имени. Узнал его уже далеко после войны, когда мы встретились на твоей Родине, в твоих горах. Поэтому я буду называть тебя так, как ты мне представился при первой нашей встрече – Арман.

В год, когда Арман закончил сельхозтехникум началась война. Один из первых добровольцев в Бакинском военкомате, кому удалось, минуя учебку попасть на фронт.

Киев. Жаркое лето 1941 года. Красная Армия отступает. Арман становится разведчиком, но не сразу. Сначала, глядя на его щуплую фигуру, его пытались вразумить более опытные воины шутками-прибаутками по поводу его худобы, мол куда ему в разведку, как он будет немца пленного тащить, но когда он, глядя на них и улыбаясь своей белозубой улыбкой, разогнул лошадиную подкову, а потом вернул её в исходное состояние, то бывалые резко шутить над ним перестали. Следующим шагом была беседа с комиссаром.

Там всё было ещё проще, он ответил на вопрос, почему он туда рвется, просто:

– Потому что я ничего не боюсь, – и улыбнулся своими холодными голубыми глазами, которые и меня поразили при первой нашей встрече.

Разведка занятие не только для бесстрашных, но и для расчетливых и знающих язык и тонкости иерархии вермахта. Ведь нужен не просто немец, нужен тот, кто может рассказать о планах наступления или обороны.

Пока командир разведроты ещё думал брать Армана к себе или не брать, случилось пару боёв, в одном из которых Арман пропал на сутки, но вскоре появился с двухметровым фашистом, который был связан и был почти при смерти, из-за кляпа во рту. Оставил подразделение в боевой обстановке без разрешения и соответствующего приказа. За это его жёстко наказали. Обычно тех, кто самовольничал в то время – расстреливали перед строем. В условиях жёсткого отступления, тем более речь идет о боях в окружении под Киевом, точно никто не цацкался. Но тут был особый случай – человек постарался и языка раздобыл, ещё и сам, без группы.

Вообщем наказание он получил, но своего добился. На следующее задание командир разведроты взял его с собой. Но в первом же поиске его ранило – он прикрывал отход группы, которая несла на себе языка.

В госпитале Арман зря время не терял – учил язык, вернее сразу два. Ему подарили медсестры подборку школьных учебников, которая оказалась в госпитале, который в свою очередь временно расположился в здании сельской школы.

Немецкий и французский.

И он не употреблял спиртное. Это было чудно и непонятно.

Когда его застали за изучением иностранных языков, то особисты спросили:

– Ну, с немецким языком понятно, а французский зачем?

– Так они тоже с немцами воюют, по радио говорили, что Англия с Францией войну Германии объявили, значит будем вместе с ними немца бить, значит может пригодиться, тем более пока делать раненому нечего. Вы лучше ответьте мне, почему буржуи английские и французские объявили Гитлеру войну, а Гитлер напал на нас?

В соседи по палате к нему попал раненный полковой переводчик, который и рассказал Арману о некоторых тонкостях немецкого словосложения. Арман делал невероятные успехи. Переводчика поразило его произношение. У него сложилось впечатление, что в далеком прошлом кто-то был в родственниках у него «с той стороны», ну или талант. Оказалось второе.

Переводчик ещё говорил по-английски и успел, перед расставанием дать несколько уроков английского, оставил ему свои тетради студенческие, на том они и расстались.

Потом опять бои, в которых Арман добывал языков, воевал, но окружение наших войск вошедшим в историю, как «Киевский котёл», лишило его свободы. Его и ещё несколько сотен тысяч солдат, которые верили своим генералам

...Допросы, перегоны, голод, расстрелы тех, кто не может идти... Всё это закончилось во Франции, в концлагере Роланд-ла-Бон.⁵² Знание немецкого он скрыл, полагая, что так будет проще подготовить свой побег. Лагерь это был для интернированных евреев, которых далее отправляли в Освенцим. Армана там оставили в качестве обслуги, потому что всех, кто понимал по-французски, оставляли, временно, потому что необходимо было контактировать с французами, которые, например привозили воду в лагерь. Ну, а Арман был мусульманином на самом деле, потому по обрезанию, которое есть в традициях и евреев, и мусульман, его приняли за еврея. В процессе жизни там он познакомился с Рене Блюмом,⁵³ почти сразу же с Ральфом Эрвином,⁵⁴ он был почти немец – австриец. Именно он и дал Арману такую языковую встряску, что в итоге он говорил на Берлинском диалекте с австрийский шармом, как потомок аристократов, или по-новому учению Гитлера – Ариев, после которого уже никто не сомневался в том, что Арман немец. Да и не просто немец, а с полнейшим знанием местности – родины композитора – Австрии. Арман запомнил, со слов учителя, даже то, как выглядели те или иные деятели, например руководители различных городов или соседи по новой истории Армана, которые жили рядом с ним и отметились в различных курьёзных и не очень историях. Также, он объяснил Арману, как найти его земляка, русского, который бы однозначно помог бы выйти из любой ситуации, некто Кобельков.⁵⁵ Польский художник Збер⁵⁶ тоже оставил свой след – он научил Армана искусству вырезать печати и штампы на куске любой резины, в связи с тем, что он был величайший гравёр того времени, например на каблуке от сапога или на куске изношенной автомобильной крыши, ну и обучил его польскому языку. В ответ он пообещал ему, что после войны доставит из тайника, где Збер спрятал свои шедевры (39 гравюр – деревянных тарелок), и передаст их определенным людям, адреса и фамилии которых Физель,

⁵² Лагерь для интернированных Бон-ла-Роланд (Beaune-la-Rolande internment camp)

⁵³ Рене Блюм – основатель Оперы Монте-Карло

⁵⁴ Французский композитор австрийского происхождения Ральф Эрвин умер во время содержания в лагере для интернированных Бон-ла-Роланд

⁵⁵ История Кобелькова начинается в 1851 году, когда в семье уральского купца родился сын, которого назвали Николаем. Сначала родители испытали шок увидев младенца. Мальчик был без рук и ног. Несмотря на врождённые дефекты мальчик рос здоровым и очень любознательным. Он целыми днями читал книги, переворачивая страницы носом, позже он научился писать и рисовать, зажимая письменный прибор между подбородком и правой культией руки. К 18 годам он получил образование и даже стал служить писарем. За дружелюбный характер и силу воли жизнь ему приготовила приятные сюрпризы. В 1870 году Николай работает в Санкт Петербурге, в столичном паноптикуме. В Петербурге Николай покорила публику своими номерами, он легко проводил нитку в иголку, заряжал пистолет патронами и стрелял в пламя свечи попадая прямо в цель с одного раза. Уже через год он отправился в большое европейское турне. Его популярность была настолько велика, что Николая даже представили императору. В 1876 году во время гастролей он знакомится с Анной Вилферт, влюбляется и женится на ней. Анна подарила Николаю 11 абсолютно здоровых детей. В Вене Кобельков выкупает участок земли в парке Партер и устанавливает там аттракционы, где работает сам, его жена и дети, потом там продолжали работать и внуки Николая. В 1912 году во время гастролей умирает Анна. Это был сильный удар для Николая, который боготворил свою жену. После смерти Анны Николай прекращает свою деятельность, и начинает уединенно жить среди своих близких. Николай Кобельков умер в 1933 году. Он оставил огромное состояние своим многочисленным потомкам, которые до сих пор живут в Вене. Он не только стал богатым австрийским буржуа из уральского калеки, но и символом человеческой стойкости и мужества

⁵⁶ Польский художник Збер (Zber) был заключен в лагерь, где он закончил некоторые из своих картин, перед депортацией в Аушвиц (Освенцим). Физель Зильберберг, более известный как Збер был еврейским художником, наиболее известным своими работами в области ксилографии (гравюры на дереве). Его шедевры сейчас представлены в Музее Израиля в Иерусалиме, Национальной библиотеке в Париже. Его произведения были подлинные и правдивые до такой степени, что их можно было осязать. Zber был захвачен во время работы в Париже и был отправлен в концентрационный лагерь Освенцим, где он был убит в расцвете своей карьеры. Хотя его карьера была недолгой, работы Збера оставили неизгладимый след, который говорит о жизни и условиях Европы начала 20-го века с большой исторической актуальностью. Хотя большинство его творений было уничтожено нацистами, тридцать девять его гравюр на дереве (тарелок) были доставлены человеком, который пожелал остаться неизвестным, после освобождения Парижа в Музей полиграфического искусства в Цфате в Израиле. Альбом сохранившихся ксилографий Збера был издан в 1971 году

так звали Збера, заставил Армана заучить. Рене Блюм довел его французский до совершенства. Был ещё один скульптор судьбы Армана – Борис Вильде. Это был единственный заключенный лагеря, который знал, что Арман не еврей, а азербайджанец. После (скрытых тайной и мраком их знакомства) они подружились и мало того, оказалось, что у них был ещё и общий знакомый – начальник Бакинского порта, правда не лично, с которым был знаком и Борис⁵⁷, вернее, знаком был не он, а его кузен, который сражался также в рядах французов, но в данный момент был далеко. Борис оказался поэтом, был редактором газеты и носил фамилию Вильде.⁵⁸ Именно он и дал ему определенные контакты неких «Маков»⁵⁹ в случае, если Арману удастся убежать. Убежать удалось. Бежать было необходимо, потому что в Освенцим отправляли из этого лагеря всех, а из Аушвица,⁶⁰ так на немецком звучало это страшное название, не возвращался никто!

Побег он совершил зашитым в шкуру сдохшей лошади, которая околела от старости возя воду. Ночью он выбрался из барака, выпотрошил ее, залез внутрь, и зашил сам себя изнутри, оставив лишь отверстие для дыхания. Его новые еврейские друзья снабдили его своей одеждой и даже бритвой. Потому выбравшись из лошади, он в ближайшем ручье отмылся, побрился, побрызгался одеколоном Guerlain – Vol de Nuit,⁶¹ которым его снабдили его новые еврейские друзья и безотлагательно, пока не подняли тревогу, отправился в сторону селения, где его уже ждали.

Встретили его «маки» напряженно, больно хорошо Арман говорил по-французски, но после многочисленных бесед и даже одной драки, в которой он победил и отдал в руки побежденного нож, с которым на него он набросился, его приняли в отряд на любимую им с Красной Армии должность – разведчика.

Его задачей было выяснять обстоятельства, при которых должны были проходить военные грузы с оружием и боеприпасами. У партизан с этим делом был страшный дефицит.

Документы он делал себе сам. На изготовление любой печати или штампа (о спасибо тебе Збер) он тратил несколько часов, ну и главное, был необходим образец. Он настолько превзошел всех подобных умельце в этом деле, что о нём доложили руководителю французского «Сопротивления» – Де Голлю, который по случаю находился неподалеку, ну и решил познакомиться сам с новым русским членом его подпольной организации.

На встречу Де Голль пришёл не один, его сопровождал русский, который уже давно сражался с фашистами на стороне «Сопротивления». Арман понял, что это очередная, но, как оказалась, последняя проверка. По-русски Арман говорил тоже без акцента.

После этого ему начали поручать более серьезные дела. Он за кружкой пива, в одном из маленьких городков, познакомился с начальником немецкого склада, где хранилось очень большое количество оружия, патронов, гранат и медикаментов. Мало того, что он убедил немца открыть склады в определенное время, так и убедил его уйти вместе с партизанами

⁵⁷ Аресты русских прошли не только в Париже, на протяжении сентября – начала октября они продолжались с разной степенью интенсивности во многих уголках Франции. Печальную известность приобрел дисциплинарный лагерь в Верне, недалеко от Тулузы, где в заключении оказались многие эмигранты, востоке Франции. Подробнее тут: *Menegaldo H. Les gusses dans le Sud-Ouest de la France // Slavica Occitania. Toulouse, 1998. No 7. P. 165—166.*

⁵⁸ Борис Вильде – национальный герой Франции, посмертно награжден медалью французского сопротивления. Его именем названа одна из улиц Парижа. На здании этнографического музея, где он работал, установлена мемориальная доска со словами Шарля де Голля: «Вильде, выдающийся пионер науки, с 1940 года целиком посвятил себя делу подпольного сопротивления, ... явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения»

⁵⁹ Маки (ударение на последнюю букву) (фр. Maquis) – часть движения Сопротивления во Франции нацистским оккупационным войскам и коллаборационистским формированиям во время Второй мировой войны, представлявшая собой по преимуществу вооруженные группы партизан-макизаров, действовавших в сельской местности

⁶⁰ Аушвиц – Освенцим, немецкий концлагерь, в котором убили, или замучили от 1 млн.200 тыс. до 1 млн.500 тыс. евреев. Данные предположительные, точных данных нет

⁶¹ Аромат Вол де Нью, сочиненный фирмой Guerlain в дань уважения пилоту из Маленького Принца в 1933 году. Дом Guerlain принадлежал и управлялся членами семьи Guerlain с момента основания

освобождать Францию и Австрию, родом откуда, оказался начальник склада, ну а об Австрии Арман знал почти все, как мы помним.

За этот подвиг Де Голль снял с себя свой ремень, на котором написал, что эта награда временная и после Победы, предьявитель сего, может обменять её на любую награду свободной Франции.

И поставил там свою подпись – генерал Шарль де Голль.

Пришло время сменить имя. Новое имя Армана стало на французский лад – Мишель, Мишель Армад.

Чуть позже он будет месье Фражье, потом Куражье, Харголь...

Больше всего ему нравилось «Куражье», когда его так называли, он всегда загадочно улыбался...

Он настолько освоился в диалектах немецких, что определял наклонности того, или иного разведчика, к определенному диалекту, с учетом того, что французы ненавидели все языки, кроме родного, а немецкий, в частности. Но Де Голь дал Мишелю Армаду карт-бланш, на основании чего, вскоре весь его отряд был готов внедряться в любое место немецкой армии во Франции.

И вскоре он стал практиковать походы в тыл врага – малыми и большими группами, в формах немецких офицеров и солдат. Особое внимание уделял немецким документам – они должны были быть без сучка и задоринки. Изготавливал он их сам. Задания получал от своих командиров – заместителей Де Голля, но планировал все операции сам.

О дерзкой группе, способной к переодеваниям и «маскараду» фашисты уже были наслышаны. Как-то он выполнил задачу Де Голля по переправке через всю Францию американца, за голову которого фашисты назначили невероятную награду – пол миллиона марок! Дорога была сложной и оканчивалась она в нейтральной Швейцарии.⁶² Этим американцем оказался Аллен Даллес, будущий Шеф всей разведки США...

— — —

История одной фотографии

Саламо Арух – греческий еврей. Работал портовым грузчиком. Страстно увлекался боксом. В 1941 году, в возрасте 17 лет, стал чемпионом Балкан в первом среднем весе. В 1943 году его с родителями, тремя младшими сестрами и братом, вместе с другими евреями из Салоники отправили в концентрационный лагерь Освенцим (из 47 000 арестованных греческих евреев выживут только 2 000).

⁶² В середине 1940 года Швейцария, привыкшая пребывать на границе между добром и злом, внезапно обнаружила, что её со всех сторон окружают силы Оси. Была, конечно, лазейка в виде условно свободной Вишистской Франции, но в 1942 году немцы прикрыли и её. Швейцария осталась островком нейтралитета (куда, словно мотыльки на свет слетались беженцы из оккупированной Европы и табуны сбежавших от немцев военнопленных) посреди коричневого моря нацистов и фашистов. Подобное положение и ограниченность собственных ресурсов вынуждало швейцарцев вести взаимовыгодную торговлю с немцами. Всякие соображения морали были отвергнуты в пользу еды и тепла. Но был один нюанс – немцы при всем желании не могли обеспечить нейтральных горцев поставками топлива, каучука и прочего, которыми не обладали в избытке сами. Тот же швейцарский шоколад – надо из чего-то готовить, а в Германии какао-бобы не произрастают. В тоже самое время Швейцария обладала очень неплохой промышленностью, которая делала разные полезные для взаимного убийства штуки, типа взрывателей, зенитных автоматов и прочего высокоточного, дорогого и сложного оборудования, которое пользовалось спросом по обе стороны линии фронта. В общем, немцам приходилось закрывать глаза, на то, что их поставщик немножечко торгует с англичанами. В результате, по оккупированной немцами французской территории в Испанию идут эшелоны с 20-мм зенитками для английской армии, проданные швейцарцами. Немцы, понятное дело эшелоны задерживают, англичане ругаются: зенитки нужны срочно – мы наступать на немцев в Африке планируем, без зениток никак. Швейцарцы ругаются с немцами: пропустите английские зенитки, иначе англичане не пропустят каучук, который мы закупаем, чтобы перепродать вам (все открыто в рамках заключенных соглашений с согласия англичан) за поставки угля, который идет на электростанции, вырабатывающие энергию для французских алюминиевых заводов, работающих на люфтваффе. Для полного счастья, в эшелоне с английскими зенитками едут пара ящиков со специальными взрывателями для СССР, закупленными русскими по договору от 22 февраля 1941 года и, соответственно, завязшими в Швейцарии. Немцы про это тоже знают, равно как и догадываются, против кого их применит товарищ Сталин. Но, бизнес есть бизнес, потому все товары дошли до места назначения

Его мать и сестер сразу уничтожили в газовых камерах.

Один из офицеров ради своего развлечения набирал среди вновь прибывших узников тех, кто может участвовать в боксёрских поединках, и Арух стал одним из них. Выбор у него был прост и страшен: если выиграет – получит буханку хлеба и сможет ещё несколько дней поддержать свою жизнь и жизнь своих родных, а если проиграет – будет убит в газовой камере.

Его, как боксёра, не направляли на физические работы – он был счетоводом. Через некоторое время в газовой камере погиб его ослабевший отец.

Его брат отказался вырывать у убитых золотые зубы и был застрелен.

Во время поединков охранники лагеря устраивали тотализатор. Саламо выиграл более 200 боёв.

Всех проигравших умерщвляли в газовых камерах.

Зная об этом, боксёры дрались изо всех сил.

В 1989 году по этой истории был снят фильм «Триумф духа». Режиссёр: Роберт М. Янг. В ролях: Уиллем Дефо, Эдвард Джеймс Олмос, Роберт Лоджа

— — —

И вот информатор сообщает, что фашисты полным ходом ведут загрузку поезда, в котором основными пассажирами поедут французские подростки. Конечная станция – трудовые лагеря Германии. И вот Мишель, уже в форме немецкого капитана Херберта Штеммера (*hauptmann Herbert Stemmer*) встречает поезд на одной из полустанков. Охрана разоружена, детей, практически всех вывели в лес,⁶³ но случайность – мимо проезжавший батальон карателей, которые, как раз занимались поиском «маком» в тех краях, не дала закончить операцию без сучка и задоринки. Или, как говорят французы: *Il vaut mieux tuer le diable avant que le diable vous tue* – Лучше убить дьявола прежде, чем дьявол убьёт тебя.

Дьявол в этом случае носил тоже погоны капитана и имя *Herman Kornoff*. Завязалась перестрелка, в которой было убито и ранено несколько детей и «маков», среди них оказался и псевдокапитан Херберт Штеммер. Его взрывом гранаты отбросило на склон оврага, где он и пролежал незамеченным два дня. Через двое суток его обнаружили обходчики путей, которые и доставили его в госпиталь. Там он пришел в себя на операционном столе, где из капитана Штеммера доставали с дюжину осколков. В его документах никто не сомневался, поэтому он был определен в палату к выздоравливающим офицерам вермахта. В палате их было четверо. Один из которых имел австрийское происхождение. И как вы правильно догадались, в отряд они прибыли уже вдвоем с оберлейтенантом Паулем Шварцем.

⁶³ Также в операции принимал участие священнослужитель Дмитрий Клепнин, позже он стал героем Сопротивления – он предоставлял свидетельства о крещении еврейским детям. Он принял мученический венец в концлагере, до конца выполняя свой долг пастыря и утешая тех, кто был рядом с ним. Среди многочисленных русских эмигрантов – героев Сопротивления во Франции: Вадим Андреев и Владимир Сосинский, поднявшие восстание против немецких войск на острове Олерон, партизан Михаил Гафт и бывший воин армии Врангеля Иван Троян, княгиня Тамара Волконская, перевязывавшая раненых бойцов Сопротивления и устроившая из своего поместья партизанский лагерь

Сопrotивление⁶⁴ – историческая справка

Пора моего читателя познакомиться с этой интересной организацией.

Во всех оккупированных странах в Сопrotивлении возникло было два течения – коммунисты (народно-демократическое) и левое течение, главная задача которого, помимо борьбы за освобождение, было восстановление довоенных порядков.

Первые ориентировались на действия советских войск.

Вторые – на победу западных стран.

Франция

В июне 1940 года была оккупирована Германией и поделена на две части. В северной части проживали 26 миллионов человек. И там было установлено германское управление. В южной – «свободная зона, свободная Франция» (население – 14 миллионов человек), расположилось французское правительство, названное по имени своей новой столицы – Виши. Четыре французских района на юге страны были оккупированы Муссолини (итальянцами). Границей между (северной) и (вишистской) Францией стала демаркационная линия (длина которой – одна тысяча километров), с немецкой пропускной системой. В ноябре 1942 года немцы оккупировали всё. Франция стала одним из крупнейших поставщиков промышленности для Германии. Что это значит – вывоз в Германию промышленного оборудования (общая стоимость которого составила около 9,8 млрд франков), экспроприация золотого запаса Франции, плюс колоссальные оккупационные платежи во франках (для выплаты рабочим Франции, которые трудились на благо Германии заработной платы во франках). Ежемесячно вывозилось в Германию 3 тысячи тонн алюминия (самолёты, ФАУ), 300 тонн магния, 2 тысячи тонн глинозема, тысяча тонн кобальтовой руды, сотни тонн бокситов, графита, тысячи тонн железной руды, тонны фосфатов, специальных и растительных масел, провианта, рогатого скота, тканей и так далее. И вот, осенью 1942 года в горных лесистых местностях на юге Франции, организовались первые отряды партизан (антифашистов). Отряды получили название «Маки», с ударением на последней букве. Они выбрали своим руководителем Шарля Де Голля. Среди партизан были и французские моряки, и чтобы не допустить захвата французского флота немцами, моряки (порт Тулона), открыли кингстоны и затопили свои корабли.

Сталинградская битва оказала влияние на подъем движения Сопrotивления во Франции. С мая 1943 года начал свою деятельность НСС (Национальный Совет Сопrotивления), во главе которого Ж. Мулен. Летом 1944 года поначались антифашистские выступления, согласованные с действиями войск союзников в Нормандии. Вся территория между Сеной и Луарой, обширные области на юге Франции были охвачены восстаниями. «Маки» освобождали французские города и селения, не дожидаясь прихода союзнических войск. Фашисты, отступая, залили кровью эту часть Франции (например уничтожение 639 его жителей в июне 1944 года французского городка Орадур-сюр-Глан). 14 августа 1944 года началось восстание в Париже. Потери восставших – 2100 человек. Фашисты потеряли – около пяти тысяч. Париж был освобожден. 9 сентября 1944 года было создано правительство во главе с генералом Де Голлем.

⁶⁴ Гимн французского Сопrotивления «Песнь партизан», как крик солидарности и глубокого сочувствия к русским партизанам создала Анна Бетулинская, артистический псевдоним которой был Анна Марли. Со своими песнями она объехала полмира и была награждена де Голлем за «Песни борьбы» орденом «За Заслуги», а затем и орденом «Почетного Легиона»

Как грабили Францию

17 июля 1940 года было создано подразделение Розенберга. Цель – отбор наиболее ценных предметов искусства для отправки в Германию. Отчет от 16 апреля 1943 года: из Франции, было отправлено 92 вагона с 2775 ящиками с картинами, скульптурами и старинной мебелью. 53 картины были направлены А. Гитлеру. 594 предмета искусства – в собственность Геринга. Отчет за 1944 год: 137 вагонов с 4174 ящиками художественных ценностей (десятки тысяч произведений искусства, такие, как: работы Вермера, Рубенса, Рембрандта ...). По данным французского правительства за годы войны Германия принудительно использовала труд миллиона депортированных иностранных рабочих, а ещё миллион человек находились в качестве военнопленных и узников концлагерей. Общее число французов, работавших на Третий Рейх – три миллиона человек.

От гитлеровских пособников Франция избавлялась радикально. Назвать точное количество осужденных невозможно. По донесениям (на 1948 год) число казненных примерно 10 тысяч человек. В 1944 году, только казненных на улицах (как в годы старых добрых революций, не церемонились) полторы сотни тысяч повешенных и застреленных (местных полиции, агенты гестапо, доносчики). В мае 1945 суды над главными фигурами режима Виши – Ф. Петэном и П. Лавалем прошли публично.

Лаваль – казнен. Петэн – был приговорен к смертной казни, которую, учитывая его преклонный возраст, заменили пожизненным заключением.

Сопrotивление. Шарль де Голль

Дело пошло веселее, уже, практически три настоящих немца, с идеальными документами. Его Величество Случай свел нашу команду с бывшим раненым в том самом госпитале, где лечился Мишель, который стал начальником комендатуры большого французского города. Он с удовольствием приютил трех друзей, которые по документам явились к нему в качестве группы проверяющей личный состав на предмет связи с партизанами.

В итоге им предоставили все без исключения документы на местных подпольщиков и активистов, по которым потом Де Голь и проводил награждения оных орденами Франции в 1945 году.

Также хранилища партизан в лесу были пополнены (переполнены) взрывчаткой со складов этого чудесного города, которую фашисты в 1944 году уже планировали применить в Париже, взрывая дворцы и заводы. Но вместо этого на воздух взлетали колонны техники, самолёты на аэродромах и много чего ещё.

Крах фашизма близился, поэтому рейды Армада были ещё более дерзкими. Апофеозом было пленение союзного немцам генерала и личная его доставка, вместе со всеми документами Де Голлю.

Орден Почетного Легиона, Орден освобождения, Военный Крест, Крест Бойца, медаль Сопrotивления, вот какие награды, не считая ремня с подписью Де Голля, который он так и не обменял ни на одну награду, были на груди у Мишеля Армада, когда он стоял 29 августа 1944 года и слушал речь генерала Де Голля, а немецкий снайпер выстрелил (все это происходило недалеко от отеля «Hotel de Crillon») в выступающего, но промазал и был уничтожен охраной Сопrotивления.

Генерал Шарль Де Голль, символ Сопrotивления и Франции, спокойно договорил свою речь и покинул трибуну, встав в середину колонны и пройдя маршем Победы по центральным улицам Парижа.

... Это было потом, а сейчас перед нами стоял просто Арман, который смотрел своим зорким оком на нашу группу, которая сбежала из фашистского концлагеря, и собиралась помочь Сопrotивлению тем, чем могла. Но выглядели мы как доходяги, мешанные с дистрофиками, потому нас решили сначала откормить.

Мы сели пить чай с самыми вкусными в мире эклерами, таки Франция, где Арман рассказал интересную историю о начале войны. Валентина – медсестра из Севастополя, сразу же попросилась на работу в госпиталь, который находился высоко в горах, поэтому наши пути с ней на какое-то время разошлись.

Было разное тогда, но без смешного тоже не обходилось. Был у них старожил, которого призывали в армию ещё в 1939 году. Тогда везде боролись с симулянтами, ну и признавали годными к воинской службе всех подряд. В их полк попали две такие жертвы поголовной мобилизации. Один был, как человек, у которого жизнь – сон, ну или просто человек, лишенный памяти. Он никак не мог запомнить знаки различия офицеров. Ротный нашел выход – написал ему шпаргалку, в ней нарисовали петлицы, и большими печатными буквами написали, какому званию они соответствуют. Погонов тогда ещё не было. И вот этот боец, благодаря шпаргалке, мог быть даже дневальным. И вот однажды в полк прибыл проверяющий из штаба дивизии.

Закон жанра – этот бедолага был дневальным. Он увидел офицера (высшего офицера, комбрига⁶⁵) скомандовал, как написано в шпаргалке:

⁶⁵ Комбриг – аналог полковника

– Рота, смирно! – подошел к начальству и после слова: «Товарищ...», заглянул в свою шпалгалку, чтобы назвать правильно звание офицера, повернулся к начальству спиной, окончил: «Рота! Вольно! У нас таких тут не водится».

На следующий день его комиссовали по умственной отсталости!

Арман первым заразительно засмеялся, ну а мы не смеялись так с самого начала войны, смеялись так, что у нас животы болели ещё несколько часов. С этим смехом и вышло всё наше напряжение, которое скапливалось у нас с самого нашего пленения...

Шарль Де Голль

Этот великий человек требует отдельной главы.

Поэтому расскажу о нём с двух разных сторон.

Военный. Высокий. Красивый. Умный. Образованный. Бесстрашный. Сначала он пережил проблемы, которые постигли Францию в Первой Мировой войне.⁶⁶ Там он впервые услышал русскую речь и увидел русских офицеров.⁶⁷ Потом началась Вторая. После проигрыша немцам создал свою собственную организацию, но с учетом того, что легенда французов – маршал Петэн был за союзничество с Германией, ему пришлось побеждать всех, в невероятных условиях, но тем и ценнее была победа. Начал он с колоний Франции, которые он в итоге, будучи уже Первым лицом сделал свободными. Потом взял в союзники векового врага Франции – Англию. Они ему давали оружие, деньги, эфир. В своих отношениях с союзниками генерал с самого начала позиционировал себя как равный по отношению к ним. Часто заносчивость де Голля выводила Черчилля⁶⁸ из себя. Всё шло хорошо, если их позиции сходились, но если возникали разногласия, то они принимались спорить. При этом де Голль обвинял Черчилля в том, что тот слишком много выпил, и виски ударило ему в голову. Черчилль в ответ заявлял, что де Голль воображает себя Жанной Д'Арк. Однажды это едва не закончилось депортацией де Голля из Англии. Он своим личным примером сплотил множество людей, как французов, так и таких, как наши герои, сплотил и объединил под одной великой целью – Сопrotивление. Но обрел множество врагов. Одних покушений на его жизнь – несколько десятков. Но мы помним его качество – бесстрашие перед опасностью, потому он сделал свою Францию свободной и независимой. В том числе и от военных баз НАТО и США на данный момент. На остальной части Европы их около трехсот.

Присутствовал на подписании капитуляции Германии в 1945 году, где прозвучал вопрос, которым пытаются по сей день манипулировать историческими фактами, рассказывая, что поверженный генерал Кейтель, якобы, глядя на де Голля, задал Жукову вопрос:

⁶⁶ К весне 1917 года Франция устала от войны. Иссякла. Вместо «победы к Рождеству» страна получила беспросветную череду поражений. За два года потеряно около четырех миллионов солдат, из них миллион убитыми. Немцы захватили десяток наиболее экономически развитых департаментов. В армию призвано большинство, из имеющихся в наличии, мужчин. Будучи не в силах победить врага, командование Антанты перешло к стратегии размена – если терять два своих солдата, в обмен на одного немца, то враги (немцы) закончатся раньше. Соотношение сил позволяло такую идиотскую стратегию, но проблема в том, что французским солдатам такая тактика очень не нравилась, хотя открыто её никто не афишировал. Солдаты, которые когда-то толпами записывались в добровольцы, под страхом трибунала отстреливали себе пальцы, лишь бы попасть домой

⁶⁷ Любопытный факт, во время первой мировой войны де Голль был в плену, где в лагере для военнопленных познакомился и хорошо общался с Михаилом Тухачевским, знаменитым командиром Красной Армии

⁶⁸ Черчилль. Уинстон Черчилль (Премьер-министр Великобритании) был разносторонней личностью. Его интересы и деятельность не сводились к одной лишь политике. Он был неплохим художником (его картины периодически выставлялись в Королевской Академии), искусным каменщиком, увлеченным садовником и талантливым писателем-историком. Он написал множество книг по истории и политике Англии и англоязычных народов. Сэр Артур Конан Дойль, автор знаменитой серии рассказов о сыщике Ш. Холмсе и докторе Ватсоне, писал в «Таймс», что Черчилль «обладает лучшим стилем в прозе, чем кто-либо из современников». В 1953 году Черчилль получил Нобелевскую премию по литературе за «высокое мастерство произведений исторического и биографического характера, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности». Цитата – «Успех – это способность двигаться от одной неудачи до другой без потери энтузиазма!» Сэр У. Черчилль

– Что, и эти тоже нас победили?⁶⁹

Научился говорить на русском языке (спасибо Арману). Чем удивил и Никиту Хрущева, с которым встречался после войны, во время официального визита Никиты Хрущева во Францию в 1961 году после одной из встреч в Рамбуйе де Голль и Хрущев спустились к озеру, чтобы покататься на лодке. Каково же было удивление Мишеля Дебре (премьер-министра Франции), когда он услышал, как де Голль запел по-русски:⁷⁰

Из-за острова на стрежень,

На простор речной волны

Выплывают расписные

Стеньки Разина челны...

А Хрущев начал ему подпевать...

и Леонида Брежнева, встречаясь с которым он удивил его тем, что захотел встретиться с Арманом, который носил уже совсем другое имя и жил у себя на родине – в Азербайджане.⁷¹

Про де Голля ещё можно рассказывать и рассказывать. Как его призвали к власти и каким способом он вытащил страну из глубокого кризиса. Вспомнить, что он единственный, кто поменял доллары США обратно на золото своей страны (которое хранилось в Америке во время войны), привезя два корабля наличных долларов сразу в штаты. С того момента американцы отменили привязку доллара США к золоту. Как он ушёл потом с поста – сам ушёл. Удивительный человек, в мировой политике таких единицы.

Закончу портрет Де Голля, уже ставшей традиционной «Историей одной фотографии»

На фотографии Шарль де Голль с дочерью Анной.

Генерал всегда был на службе отечеству одним человеком, дома другим. Жесткий политик,⁷² оказывается, был трепетным, счастливым и переживающим отцом маленькой Анны (у девочки был синдром Дауна).

Любовь к Анне в итоге изменила отношение французского государства к людям, имеющим ментальные нарушения.

В первый день нового, 1928 года, в семье Де Голля родилась дочь Анна. У них уже было двое детей – Филипп и Элизабет.

Первое, что услышала семья Де Голль после объявления диагноза: «лечение бесполезно, девочка никогда не сможет произнести даже трех слов, не сможет есть без помощи, из-за

⁶⁹ Исходя из изученных мной документов ситуация выглядела так: Во-первых, Кейтель не конкретно Жукову задавал вопрос. Во-вторых, вопрос звучал так. Дословно: «Was, die Französen auch? Die haben uns noch gefehlt!». Перевод – «Что, и французы здесь? только их ещё не хватало!» В-третьих, вопрос относился не Де Голлю, в частности, а к французской делегации в общем. В-четвертых, у французов плохо, очень плохо сложилось во Второй мировой, военное планирование... На начало войны имелись только смутные представления как она будет вестись. Все, как всегда, готовились к прошлой войне. То есть к окопной войне, где армии воюют за полоски земли в десятки метров. И тут, начинается молниеносная мобильная война с танковыми клиньями и активными действиями в воздухе. А Франция небольшая. План быстрой войны там реализуется идеально. Ко всем прочему, ещё и флот англичане привели в негодность, а собственное правительство пошло на сотрудничество с Гитлером. Кстати, если бы не французы, то в Дюнкерке немцы вырезали бы всех и никакой эвакуации не было бы. И немножко морали. Вклад Франции в дело победы – гораздо меньше, чем у трех великих держав, но неизмеримо больше, чем у всех нас, современных людей, вместе взятых. Французские солдаты тоже сражались, убивали и умирали. Как могли. И по-настоящему, а не в сети интернет П. С. Но в плен на территории СССР, французов попало больше, чем воевало в их «Сопrotивлении». П.П. С. Возможно удивление Кейтеля было связано с тем фактом, что французы воевали вполне успешно за Германию, в том числе Рейхстаг защищала и французская дивизия «Шарлемань»

⁷⁰ У де Голля был ещё один русский учитель – участница Сопrotивления княгиня Зинаида Шаховская. Она начала борьбу в занятой немцами Бельгии, позже ей удалось соединиться в Лондоне со своим мужем Святославом Малевским-Малевицем, который был в рядах армии де Голля. Там она работала журналистом, а после войны в качестве военного корреспондента союзных армий побывала в лагерях смерти, на Нюрнбергском процессе, в лагерях для перемещенных лиц трех оккупационных зон в Германии и Австрии

⁷¹ Имя Армана – Ахмедия Джабраилов

⁷² В 1968 году де Голль по-военному жёстко расправлялся с бастующими студентами. С теми же 20-летними юношами и девушками, которые просто хотели бесплатно учиться. Imagine: c'est la guerre et personne n'y va!

крайне слабого зрения не сможет сама сойти и подняться по лестнице, избежать любой опасности, будь то огонь, вода, препятствие на пути».

Общественное мнение в те времена не отличалось гуманностью по отношению к детям с синдромом Дауна, но генерал и его жена и не думали о том, чтобы передать Анну в специальное учреждение.

Оказалось, что папа Шарль может умиляться, когда он брал малышку на руки, ведь генерал никогда не вел себя так, ни со старшим сыном Филиппом, ни со средней дочкой Элизабет. Он часто пел маленькой Анне. Из дневника жены:

«Как только он слышал крик Анны, сразу откладывал дела, о чем бы ни шла речь, спешил к ней, брал на руки... укачивал и напевал военные песни: на рубеже сорокалетия Шарль де Голль стал другим человеком»

Де Голль имел суровый характер, который был закален войной и службой, был дерзким и мужественным... но, если рядом с ним была его Анна, все менялось...

Возвращаясь домой со службы, генерал первым делом бежал в комнату дочери! Там, взяв её на руки, целовал и напевал похвалы её нарядам и совсем маленьким новым умениям, и навыкам. Она же засыпала у него на руках, с его фуражкой – это была её любимая игрушка. Единственное слово, которое Анна де Голль могла произнести, было слово – папа. Ну, а её папа называл свою Анну, не иначе как «Моя жизнь», и ползая на четвереньках по детской, играя с Анной и гремя своими орденами – пел ей песенки. Даже военные марши умудрялся преобразовать под детские частушки:

«Вы прекрасны, моя мадамүазель

Ваши генерал у Ваших ног

Я Вас люблю, Вы счастья Бог

Когда мужчина любит – он похож на карамель...».

Даже во время учений, когда дом был далеко, генерал, каждую ночь брал машину, и ехал к своей Анне. Пока транспорт преодолевал сотни километров, генерал спал.

Но он уже не мог без того, чтобы не увидеть Анну, подержать её на руках, поиграться, поделаться ей комплименты, как мог делать только он, генерал Франции, бесстрашный офицер и папа...

Их отношения были нереально трепетными...

Рубеж двадцатилетия Анне не пережила. Войну пережила – грипп нет. «В этой девочке было что-то особенное и притягивающее. Я всегда думал, что, если бы она не была такой, она стала бы кем-то выдающимся». – Сказал генерал, прощаясь со своей любимой дочерью, и закончил прощальную речь словами: «Теперь она стала такой, как все. Без Анны, я не достиг бы того, чего достиг. Она давала мне так много сердца, так много духа, помогала мне держаться выше людских срывов, смотреть на них другими глазами».

Супруга ему подарила портрет Анны в серебряной оправе, который

в 1962 году спас ему жизнь – когда на него было совершено покушение, то пуля попала в серебряную рамку фотографии Анны де Голль.⁷³

⁷³ Де Голля хотели убить тридцать один раз. Тридцать одно покушение устроили боевики террористической организации – OAS. Состав этой организации – только отставные офицеры и они не смогли простить ему приказа о выводе войск из Алжира, который стал началом гибели колониальной империи, империи, которую они, офицеры «Легиона» присягали охранять. Разразилась настоящая гражданская война – террористы против контрразведки. Разгул чудес госбезопасности, великолепно, хотя и в комичном виде показан в фильме «Блондин в черном ботинке». Оппозиция отвечала покушениями. Самое громкое из них произошло 22 августа 1962 года. Президентский кортеж выехал с Елисейских полей и направился в аэропорт. Их ждали в засаде бывшие офицеры из Секретной армейской организации (OAS), вооруженные до зубов. Президента спасла случайность – начальник охраны приказал увеличить скорость движения колонны. В результате террористы открыли огонь только тогда, когда автомобиль Шарля Де Голля поравнялся с ними. Глава государства отделался тем, что порезал палец, когда невозмутимо стряхивал со своего пальто раскрошенное пулями автомобильное стекло, ну и одна из пуль от рикошетила и попала в рамку серебряной фотографии дочери Анны. Закрытый трибунал судил экстремистов и вынес шесть смертных приговоров, пятеро из смертников – ветераны Индокитая, Алжира и Туниса были помилованы за военные заслуги, казнь им заменили

В 1947 году, после смерти дочери, генерал и его супруга Ивонн, приняли решение основать Фонд Анны де Голль.

Они приобрели в городке Милон-Ла-Шапель, это центральный район Франции, старый и заброшенный замок, для того чтобы создать в его стенах интернат для умственно отсталых детей.

Фонд Анны де Голль работает до сих пор.

— —

В этом мире выживают только те, кто на тысячи сигналов никак не среагируют, а среагируют только на один в нужном месте и в нужное время.

пожизненным заключением. Отказ на просьбу о помиловании получил лишь глава заговорщиков Бастьен-Тьерри. Этот 36-летний полковник военно-воздушных сил явился на расстрел в парадном мундире, на котором светился Большой крест ордена Почетного легиона. Награду незадолго до покушения ему вручил сам Шарль де Голль. «Помилования в последнюю минуту» не последовало, приговор был приведен в исполнение. Именно о событиях тех лет Фредерик Форсайт позже напишет свой великолепный, принесший ему мировую известность роман – «День Шакала»

Пора домой

*Уходил на фронт, обещал писать
Обещал вернуться, чтоб поцеловать
Я старался, дочь, я старался сын
Не погибнуть зря, средь чужих долин
Отрывок из песни «Летят Лебеди»*

В нашей группе, которая чувствительно поредела, начиная с ночи побега и по сей день, после потерь и пополнений, остались два сапёра, лётчик, танкист, матрос, медсестра, штабной писарь, три пехотинца, и я еврей-политрук.

Мы довольно успешно вписались в общую картину «Сопrotивления», но ситуацию осложняло незнание языка у всех, кроме меня. Но я один ситуацию не спасал.

Мы взрывали дороги, угоняли транспорт, расстреливали пособников фашистов, в общем – партизанили.

И вот настал день, когда нас отпустили домой. Лето 1944 года.

У Армана, правда к тому времени его уже звали Мишель Армад, был припрятан самолёт Caudron C440 Goeland, правда он был транспортный и медленный, но у него был и свой большой плюс – вместительность. Дальность полёта при скорости 300 км/час была до тысячи километров. Фронт уже подходил ко Львову. Как ни крути – топлива не хватит. По любому придется где-то садиться и дозаправиться. Но топливо нам предложили взять с собой в бочках, хоть с этим вопрос решился. Остальное зависело от опыта нашего лётчика и его умения разбираться в картах и звездном небе.

Несколько дней ушло на подготовку. Перекрашивали под гитлеровские опознавательные знаки на хвосте и крыльях. Лететь всё равно будем ночью, но садиться ночью на незнакомой территории – ещё та забава. Но и не то пережили, справимся.

В кресты на крыльях фашисты стрелять не будут, а вот наши с удовольствием наш французский тихход продырявят.

Хотя Арман пообещал предупредить через Де Голля нашу сторону, что завтра утром возможно мы будем пролетать в условленном месте. Мы долго смотрели на немецкие карты, которые у Армана собрались в большом количестве (последствия его деятельности), и выбрали, и место посадки-дозаправки – шоссе Санкт-Пёльтен⁷⁴ – Вена. В это время ночи оно должно быть безлюдным.

Наш самолёт был укомплектован, заправлен, перекрашен, загружен необходимым стрелковым оружием и патронами к нему.⁷⁵ У нас было два комплекта формы – немецкая и французская. Первая на случай общения с фрицами при вынужденной посадке, или при дозаправке, вторая – для приземления на нашей стороне. В незнакомую форму советские бойцы точно

⁷⁴ Санкт-Пёльтен – самый древний город Австрии. Во времена Древнего Рима на месте Санкт-Пёльтена располагался римский город Элиум-Цетиум, который получил городское право в правление императора Клавдия. Название города связано с Цетийскими Альпами. Цетийские горы на западе отделяли римскую провинцию Паннонию от Норика. Санкт-Пёльтен сформировался в VIII веке вокруг бенедиктинского аббатства св. Ипполита (нем. Sankt Pölten), основанного в 771 году, которое и дало имя городу. Официально права города Санкт-Пёльтен получил в 1159 году

⁷⁵ Во время Второй Мировой британцы изготавливали специальные «диверсионные» патроны. На фото – патрон, полностью идентичный как по материалам изготовления, так и внешним видом и маркировкой немецкому патрону Р 490 производства Hugo Schneider AG, Альтенбург, Германия. В ходе ночным бомбардировок британцы сбрасывали и ящики с такими патронами, которыми немцы после заряжали своё оружие. Однако вместо пороха патрон содержал 1,2 гр. пластиковой взрывчатки, которая воспламенялась от детонатора, который, в свою очередь, приводился в действия ударом бойка по капсулю. Для соответствия весовым характеристикам в передней части гильзы бал размещен войлок, чтобы патрон не казался слишком тяжелым. При попытке выстрела таким патроном разрывало патронник, приводя тем самым оружие в негодность, и, при большой доле везения, стрелок был ранен осколками

стрелять не будут. По крайней мере мы так надеялись. Арман лететь с нами отказался, да его и не отпускал генерал, ну и он уже обзавелся семьей. Молодость, знаете ли, она такая.

Лететь нам предстояло до линии фронта – 1600 километров.

Дозаправка в предместье Санкт-Пельтена, а посадка уже дома – во Львове.

Вот мы и полетели. Приключения продолжались

Фотография самолёта

Дневник медсестры Продолжение

И один в том поле воин, если он по-русски скроен

Июль 1942 года. Севастополь. Я и Мария Байда обессиленные и брошенные вместе со всей армией, собрались с оружием в руках умереть в последнем бою, но его не было. Было тотальное уничтожение фашистами издалека всех, кто сопротивлялся. Девяносто тысяч моряков, пехотинцев, кавалеристов и гражданских защитников города сдаваться не собирались!

Но у нас не было воды уже шесть дней. Силы были на исходе. Все раненые, все обескровленные, все обессиленные.

Наша группа, обладая знаниями и умениями решила пробираться к партизанам, но мы все попали в плен. Как? Да просто – мы все были без сознания от обезвоженности. И на одном из привалов нас взяли. Почему фрицы нас не расстреляли? Не знаю, может потому, что в группе из восьми человек было две девушки...

Нас сразу разделили. Мужчин увезли в концлагерь «Красный», нас в район Бахчисарая, где мы наблюдали, как фашисты моря голодом заключённых, покупали у них информацию за кусок хлеба о семьях партийных работников и офицеров... Однажды, когда нас гнали на работу, навстречу вышла женщина с ребёнком на руках. Вроде нечаянно она выронила корзину, из которой на дорогу прямо нам под ноги посыпались варёная картошка в мундире и кусочки хлеба. Мы набросились на еду. Пока мы расхватывали всё это, немец-конвоир выхватил из её рук ребенка, подбросил вверх, а другой немец проткнул его штыком. Женщина закричала не своим голосом и упала без сознания. Потом это вошло у них в привычку, что ли, я часто видела, как пьяные фашисты и их пособники из местных, крымских, подкидывали живых младенцев из русских и насаживали их на штык... Что с ними всеми происходило тогда? Как они могли превратиться в невменяемых, бешеных зверей за считанные месяцы? Как? А ещё до нас дошла история, как в Феодосии раненым красноармейцам сначала вырезали звёзды на лице, потом вырезали глаза, потом расстреляли. Их было около тысячи. Но зверствовали не немцы, зверствовали наши, местные, крымские... Наверное они хотят быть похожими на немцев, ну и выслуживаются перед ними, как могут, а исходя из природного скудоумия, могут только зверствовать. А ребёнок перед ними, или взрослый, не имеет для них значения, да и для немцев тоже.

Видимо им было достаточно считать этого ребёнка недочеловеком. Да и пропаганда Третьего Рейха достигла в этом деле просто непревзойденных высот. Каждый из немецких захватчиков считал себя членом высшей расы, а всех остальных – унтерменьшами, недолюдьми. А если они не люди, то, чего их жалеть? Наоборот, прекратить их скотское существование будет благом для человечества. Будущее за высшей расой, все земли мира принадлежат Рейху, всего-то и нужно, что убрать с этой, по недоразумению доставшейся им земли этих скотов, этих русских свиней и их малолетнее отродье. Вот так размышляли те, кто насаживал младенцев на штыки.

...Я смогла сбежать с пересыльного лагеря, но в ближайшем городе было полно немцев, потому надо было уйти в лес. Я пыталась переправиться незаметно по мосту через реку. Вот он, лес, и там я буду свободна. Но невозможно было переправиться, кругом посты, и я осталась около железной дороги. Здесь меня опять забрали немцы в плен. Загнали всех в общежитие завода и держали несколько дней, пока подготавливали на аэродроме лагерь для пленных, огораживали дома и бараки колючей проволокой. Мне опять удалось бежать – помогла старушка, к которой меня отвёл часовой за водой. Она меня передела в другое платье, я с ведром, вроде за водой пошла, возле колонки ведро бросила – и в город. Добралась до какого-то общежития, где жили беженки. Спряталась у них. Как-то я пошла на базар обменять порошки, краски на продукты и попала под облаву. Мне преградил путь немецкий солдат с автоматом.

«Документ!» – потребовал он, я ответила – «У меня нет». Тогда он повёл меня в помещение комендатуры, там проверяли по спискам. Мою фамилию не нашли, и я снова оказалась в лагере для военнопленных на аэродроме. В лагере кормили плохо и заставляли много работать. Мы, женщины, пилили лес, расчищали пространство от дороги на сто метров, грузили лес на машины. Надрывались, падали, нас прикладом или кованым сапогом поднимали и заставляли работать. А потом нас перестали гонять на работу. Оказалось, готовили к отправке в Германию. Всех девушек и подростков осмотрел русский врач, меня и многих других забраковал. Но через несколько дней нас смотрел уже врач немецкий и всех забракованных признали годными. Отправляли в Германию зимой. Загрузили на станции в товарные вагоны. Заталкивали ударами прикладов в спину по пятьдесят человек в каждый вагон, на полу – солома. Духота, можно было глотнуть свежего воздуха только по очереди, стоя у щели окна. Вагоны закрыли, закрутили проволокой, ни на одной остановке нас не открывали. Мы задыхались от нечистот, солома под нами была вся мокрая. Первая остановка – в Польше. Открыли вагоны, нам сказали: «Выходите, русиш швайне». Мы шли от этих вонючих вагонов как пьяные. Пригнали нас на санобработку и медосмотр. В дороге я подружилась с одной девчонкой из совхоза, стало легче переносить этот ужас. Прошли медосмотр, и нас снова погнали в вагоны, бросили три булки хлеба и ведро воды на полста человек. Еду разделили между всеми и воду сразу же выпили. В Германии по прибытии выгнали из вагонов, приказали строиться и погнали на шоссе. Мы снова встретились с колючей проволокой. Нас загнали в немецкий лагерь. В этом лагере были мужчины в одном бараке, а женщины – в другом. Снова медосмотр и санобработка. Здесь стали давать что-то наподобие супа с варёной брюквой или свеклой. В день хлеба 200 граммов и еще какую-то черную бурду, которую называли кофе. Две недели отбывали карантин. Потом пришла переводчица, сказала всем выходить и строиться в шеренгу. Построились. Приходит комендант с помощником и вешает всем на верёвочке таблички с номерами на шею. Смотрим, движется процессия пузатых фрицев в сопровождении коменданта и переводчика в шляпах и подходит к нам. Начали выбирать себе рабочую силу. Вот тут случилось то, чего я боялась больше всего, – меня разлучают с Тоней. Её купил фабрикант на рыбную фабрику в Норвегию, а я должна остаться в Германии работать.

Нас, когда выбирали, по фамилиям не называли, а только по номерам. Я всё обдумывала, как бы мне поговорить с переводчицей. Я её попросила помочь мне. Объяснила, что не могу быть без подруги. Или в Норвегию вместе, или в Германии вместе. Она помогла. Но вскоре Тоня заболела тифом и её изолировали в отдельный барак. Я очень переживала за неё, потом я с ней договорилась, что буду приходить, когда не будет врачей и медработников. Я посещала её каждый день. Очень хотела заболеть, чтобы остаться с ней или вместе умереть. Каждый день я подходила к окну ее барака и смотрела в окно, как только нет никого в халатах – захожу к ней. Она мне оставляла немного супа, и я ела из её тарелки её ложкой, чтобы заболеть, но так и не заболела.

Через несколько дней – отправка в Норвегию, нам выдали рабочие комбинезоны, резиновые сапоги и пачки с хлебом в дорогу. Мне не пришлось попрощаться с Тоней. Опять нас построили колонной и погнали, как скот, на станцию. Опять вагоны. Ехали поездом до Гамбурга, из Гамбурга нас привезли в Данию. Потом была Норвегия. Привезли на остров в открытом море, на котором сотня домов и пристань. Да, и ещё тюрьма и рыбное производство. Мы обрабатывали свежую рыбу, потом делали из неё филе и грузили готовую продукцию на пароход. Дальше она шла на консервный завод. Как-то в один из дней был шторм и не привезли рыбу, и меня отправили с ещё одной женщиной красить вентилятор на крыше цеха. Дали нам красную краску, две кисти и два листа бумаги.

Покрасив вентилятор, я на одном листочке нарисовала звезду, а на втором – серп и молот. Мастер пришёл проверить работу и увидел эти рисунки. Разозлился, забрал их и унёс в гестапо. Ночью нас подняли, начался обыск, проверяли нары, перетрясли личные вещи, а меня забрали

в гестапо. Посадили в одиночную камеру, начались допросы. Меня спрашивали, кому я давала сигнал – английским лётчикам или норвежским партизанам? А я просто нарисовала звезду и герб своей Родины – серп и молот. Меня начали избивать. Очень больными были первые несколько ударов, до крови покусала губы, чтобы не кричать, но всё же стонала, пока не потеряла сознание.

Так я попала в концентрационный лагерь в тридцати километрах от Осло, а потом меня перевели в лагерь, что в центре Германии. Выдали полосатое платье-рубашку и номер к платью, деревянные башмаки. Мой лагерный номер 34782, винкель – красный треугольник с буквой «Р», что означало «политическая заключённая №34782, русская».

Поместили в карантинный блок. Завоет сирена – подъём, всех выгоняют строиться на лагерь-аппель (проверку). Несколько бараков закреплено за одной эсэсовкой – женщиной-палачом. Они нас считают, мимоходом награждают пощёчиной, тех, кто не может стоять – пинком. Сверяют общее число. Если в каком бараке не хватает – пускают собак. И тогда найденную жертву собаки или загрызают до смерти, или её добивают и она попадает в крематорий.⁷⁶ У меня оставался сын и мне надо было выжить, и вот наконец, меня почти оставили в покое, определили в блок, для особо опасных русских, где я и должна была, по их версии тихо сдохнуть от голода, тяжёлой работы и побоев, но не тут-то было. У меня цель – побег, потому для начала я возглавила одну из подпольных ячеек комитета, который, впоследствии и организовал побег. Побег, который разработал в мелких деталях наш Командир – подполковник Бурмин. Сам он сбежать уже не мог – Аджимушкайский Ад забрал остатки его здоровья – передвигаться Командир мог только с помощью костылей, а наш дистрофический организм не позволял нести его, после совершения побега...

Побег удался. Потом долгое путешествие в пустом вагоне в неизвестном для нас направлении. Потом девочка Одри. Потом Арман. Мы были свободны, но Родина была далеко. Соппротивление. Госпиталь. Работала не покладая сил. Потом настало время возвращения на Родину. Сводки с фронта были обнадеживающие. Львов наш. Войска уже вышли к границам СССР. Арман предоставил нам самолёт, и мы начали собираться домой. Руководил сборами наш Наум, мастер на все руки, полиглот, шутник и немного бабник, умудрился влюбиться в Одри, но в тоже время и абсолютно бесстрашный боец, когда дело доходило до боя.

Помню, как он однажды вошёл к нам в госпиталь «Соппротивления» и не поздоровался со мной, а сразу начал заигрывать с медсестричкой—француженкой, ну я к нему подошла сзади и дала дружеский подзатыльник со словами:

– Ты почему не поздоровался, Наум?

– Отметил вас, мадам, сразу, но заменил громкую фразу на полупоклон, чтобы не отвлекать и не прерывать скрежет медицинско-инструментальный ритм, – как обычно отшутился он, но при этом покраснел, как помидор.

– Я тебя неделю не видела, как протекает твоя жизнь? – спросила я.

– Неделя была циничной.

– Почему?

– Томительным ожиданием очередной встречи с оккупантами земли французской, и вот наконец сегодня в ночь мы идём спасать детишек! И это очень здорово!

История одной фотографии

⁷⁶ Владелец дневника, Валентина Веретельник, моя двоюродная бабушка, не только передала мне свой дневник, который она спрятала в Севастополе в 1942 году и который лёг в основу первого тома этого романа, но и рассказала мне, как она прошла через мучительные унижения, чудом выжила в аду этой войны. Как делила свой немудрёный паёк и нары с Розой Тельман, женой Эрнста Тельмана, лидера немецких коммунистов, одного из главных политических оппонентов Гитлера. Заботилась, как это было возможно в лагере, о детях, находящихся в заключении. Как после Победы она приезжала в этот лагерь в составе Советской делегации, как стояла перед печами крематория, где ещё лежали останки человеческих тел и пепел, как дала клятву: не забывать о подлинном лице фашизма, не забывать друзей, которые не дождались этого счастливого дня свободы ФОТОГРАФИЯ МЕДАЛИ

На снимке видны деревья с объединенной узниками корой в лагере для советских военнопленных «Шталаг-350» (Stalag 350/Z) в Саласпилсе. Осень 1941 года.

В лагере Stalag 350/Z погибло 47000 советских воинов.

Матвей из Ленинграда⁷⁷

Я знаю сотни способов вытащить русского медведя из берлоги, но ни одного – чтобы загнать его обратно.

Отто Фон Бисмарк. Канцлер Германии

История о том, как мой боевой товарищ не стал Героем Советского Союза, а стал военнопленным...

Осенью 1941 командовал Матвей канонерской лодкой на Балтике, честно командовал, матросов не обижал, за спины не прятался, бил фашистов, как страна приказывала. В один из выходов в море потрепал его лодку немецкий линкор, здорово потрепал, еле ушли, дымами прикрываясь нырнули в минное поле. Линкор преследовать не стал и отстал на пару сотен кабельтовых от них, в надежде на то, что сами подорвутся или дым рассеется и тогда добьют наших без особых проблем. И принял Матвей решение, вплавь, разгребая мины руками уходить от преследователя, прикрываясь дымом, благо было пока из чего его делать.

Октябрь, Балтика, температура воды чуть выше 10 градусов.

Кого послать? Боцман пожилой уже, матросики, практически все ранены, он да механик остались. Ну и поплыли они поочередно, меняясь каждые пять минут, по волнам, толкая мины. Тяжелейшее переохлаждение было им наградой, но корабль спасли, минное поле прошли и исчерпав весь запас дымовых шашек ушли от преследования.

По возвращении в Кронштадт всю команду в госпиталь отправили, кого раны лечить, а кого и отогревать. Представили Матвея нашего тогда к звезде Героя, а механика к Красной Звезде.

И вот Матвей отлёживается в госпитале, лечится всеми способами, включая народные—хороводные. И полюбил к нему с душевными разговорами и спиртом захаживать начальник хозчасти. Земляками оказались, общаются, за жизнь трындят уже третью неделю, аж печень у Матвея стала побаливать. И вот, когда они уже сдружились не разлей вода, предложил ему начальник хозчасти дел провернуть, пайки матросские переполовинить по возвращении Матвея на корабль, а он поможет реализовать, с помощью барыг сухопутных, у него всё отлажено, не первый раз замужем, так сказать. Ну, а прибыль с продажи поделит с ним пополам, так сказать «по-братски, по-честному». Обидно тут Матвею нашему стало, что его приняли за крысу какую флотскую, каких он собственными руками душил на войне, если они ему попадались, какие в Ленинграде голодным блокадникам матросские пайки продавали, ну и не утерпел Матвей и засунул он начальника хозчасти головой в дырку туалета, что на улице, да так засунул, что его еле откачали. Но что тут началось! Шум—гам, крики—вопли—сопли! Вменили ему покушение на жизнь старшего офицера, потом трибунал... Ничего Матвей тогда не рассказал

⁷⁷ Бабушка Матвея была финка. После войны, о том времени, рассказывать не хотела, и при каждом вопросе о Блокаде – начинала рыдать. Его мама рассказала почему: Во время блокады у бабушки умерло двое детей. Несмотря на то, что Матвей воевал, её с родителями и с младшим братом отправили в Сибирь, в ссылку. Тела всех её близких, как и других, погибших в пути, выбрасывали из вагонов, потому в ссылку она уже приехала полностью седой и без зубов – зубы выпали ещё в Ленинграде от цинги. После войны бабушка Матвея родила двух дочерей и дала им имена цветов – Лилия и Роза. Всю оставшуюся жизнь она своим детям была примером во всём – это и бесконечная доброта, и абсолютное спокойствие и ангельское терпение, с доброй улыбкой она переносила любые жизненные невзгоды. А бабушкина подружка—блокадница, с которой уже познакомились после войны, рассказала ей перед смертью, что во время блокады у неё было двое деток, Вася десяти лет и Аня шести лет. Двоих бы она не смогла прокормить, поэтому она решила не кормить Аню, чтоб выжил хотя бы один... Мне такое даже страшно писать, а не то, что представить каково было этой матери, перед которой встал такой выбор... Младший братик Матвея рассказывал, как он все недокуренные, растоптанные бычки собирал. Кушать хотелось так, что сводило живот судорогой и темнело в глазах. Он читал в книжках, что пираты жевали табак, он подумал, что вместо еды и стал жевать окурки... Это было ужасно горько, обжигало язык, вору воняло дня три... Помнит до сих пор... У его бабушки дед, на старости лет ушёл от неё к поварихе – кушать очень любил, а у бабули всегда было скудно на столе... А у неё в комнате стоял сундук, всегда под замком. Никто из её детей не знал, что там лежит. Только после смерти бабули сундук открыли, что уютно... Но в сундуке были аккуратно уложены крупы, мука, соль, сахар, консервы, свечи, спички...

ни на следствии, ни на суде, не привык он доносчиком быть. В итоге Звезду Героя ему не дали, а вот офицерского звания лишили, ну и отправили в штрафную роту. Там его ранило и контузило – смысл, так сказать, позор свой, которого не было, кровью. И после этого ранения перевели опять на флот, но уже матросом. Потом он на «Невском пяточке» в рукопашной бился, на суше, хоть и моряком был, а как так получилось, да просто после того, как его во флот вернули, на катер, то подбили их. Катер утонул, а он сутки в Балтийском море провёл, жилет спас. Поэтому и на суше оказался, да в самом пекле Ленинградского фронта (речь, по сей видимости, идёт о «Невском пяточке» — прим. автора), где погибло пятьдесят тысяч бойцов на клочке земли шириной километр и глубиной в триста метров.

Караван PQ—17

Как-то рассказал нам Матвей об одном событии летом 1942 года. Дело было недалеко от Новой Земли, из Архангельска, группе кораблей, где служил Матвей, было приказано идти на встречу конвою, который числился у них под номером PQ—17. Их радист выстукивал по секретным каналам с помощью азбуки Морзе шифрограммы о том, в каком квадрате они их ожидают, но всё было безрезультатно! Перехват же немецких радиосообщений прояснил обстановку, оказалось, что из всего состава конвоя⁷⁸ избежали потопления «только три судна, остальные транспорты были уничтожены». Также немцы сообщали, что они ведут поиск оставшихся самолётами—разведчиками и подводными лодками. Они усилили посты, потому что вместе с конвоем могли появиться и немецкие подводные лодки в большом количестве.

Мы бороздили море вдоль и поперёк. Но конвоя, вернее остатков конвоя на горизонте так и не увидели. И вот в эфире мы перехватили радиограмму, которая приказывала немецким подводным лодкам идти домой, на базу. Командир принял решение пройти вдоль кромки арктических льдов ещё раз. И вот мы наконец услышали долгожданную морзянку по секретному каналу! Конвой, который теперь, почему-то назывался «Белый Шерман» тоже шёл по кромке арктических льдов навстречу нам, в сторону Новой Земли. Мы им дали наши координаты и дали им команду держать курс на пролив Маточкин Шар.

До места назначения дошли одиннадцать судов. Одиннадцать из тридцати пяти транспортов горемычного каравана PQ—17. После того, как мы их доставили по месту назначения, командир конвоя, по-моему, его звали Лео, рассказал нам, как он переименовал конвой после того, как их бросило храброе сопровождение, как принял решение идти не к берегу, а в сторону льдов, где немцы, из-за боязни столкновения с арктическими льдами, обычно не появляются. Герой, что сказать.

Потом война для Матвея продолжалась на других направлениях, он вернулся на флот, в одном из походов его катер подбили, а его взрывом выбросило в море, фашисты его подобрали. И вот таким образом он попал к немцам в плен, где мы с ним и познакомились.

Четыре Подвига. Оборона Ленинграда

16 января 1944 года.

Шёл третий день советского наступления под Ленинградом. Советские бойцы неудержимо силой пробивали оборону противника. Бывший ученик 155—й школы Смольнинского района Ленинграда, комсомолец, а теперь гвардии рядовой 5—й роты 191—го гвардейского стрелкового полка Иван Куликов 15 января 1944 года шел со своим отделением в атаку. Ворвавшись в траншею врага, гвардеец в рукопашном бою уничтожил больше десяти враже-

⁷⁸ Конвой PQ—17 состоял из 35 транспортных судов, следовавших курсом в порт Мурманск, они везли сотни тысяч тонн военных и иных сопутствующих грузов, которыми можно вооружить армию, численностью в шестьдесят тысяч бойцов

ских солдат. В тот же день его отделение захватило минометную батарею врага, а 16 января – тяжелое орудие, одно из тех, что стреляло по Ленинграду. В бою у села Койрово у Чёрной речки путь советским бойцам преградил немецкий ДЗОТ. Иван Куликов пытался подавить вражескую огневую точку автоматными очередями. Однако это не удалось ему. Тогда он бросился на амбразуру вражеского дзота, из которой стрелял пулемёт, и закрыл её своим телом, заслонил товарищей от губительного огня. Ему шел тогда девятнадцатый год...

Поддерживая наступления пехоты, батарея 96-го гвардейского артиллерийского полка 45-й гвардейской стрелковой дивизии, действовавшей в составе 42-й Армии Ленинградского фронта в течение дня подавила огнём 8 пулемётных точек противника. Но, при взятии Рехолово наша пехота, не овладев полностью деревней, залегла. Немецкие войска вели интенсивный огонь по залёгшим пехотинцам. Командир артиллерийской батареи лейтенант Игорь Михайлович Бойцов, видя критичность ситуации, с группой разведчиков и радистом вырвался вперёд и передавал на огневую позицию батареи точные данные для стрельбы. Однако группа отважного лейтенанта оказалась в окружении. Окруженный гитлеровцами, Бойцов отбивался до последнего патрона, а затем, чтобы рубеж не достался врагу, передал по радио свой последний приказ всего из трёх слов: «Огонь на меня!»...

43-я стрелковая дивизия 2-й Ударной армии, действовавшей с Ораниенбаумского плацдарма, вела бои на окраине посёлка Ропша, до которого оставалось 8 км. Тут под деревней Исаево—Малкуново путь советским солдатам преградил трёхамбразурный вражеский ДЗОТ. Старший сержант Рытов Николай Александрович исполнял обязанности командира артиллерийского взвода. Он выкатил два своих орудия впереди пехоты и открыл беглый огонь по вражеским пулемётам. ДЗОТ был подавлен. Советские бойцы захватили новый рубеж. Однако противник контратаковал и потеснил стрелков. Создалось тяжёлое положение. Артиллеристы били по врагу прямой наводкой. Из строя вышли все номера орудийного расчёта. Рытов остался один, но продолжал вести огонь. Когда кончились снаряды, старший сержант открыл огонь из автомата, стал отбиваться гранатами. Несколько раз раненный, он в конце концов упал. Последней гранатой уничтожил себя и окруживших его гитлеровцев...

В ночном бою 16 января 1944 года рота старшего лейтенанта Александра Ивановича Спирина 98-го танкового полка с тремя танками Т-34 вырвалась далеко вперёд и подошла к населённому пункту Дятлицы. На подступах к нему было сосредоточено большое количество техники противника. Спирин не стал ждать, когда подойдут основные силы полка, и решил сам принять неравный бой.

За четверть часа танк командира, умело маневрируя, уничтожил девять орудий разного калибра. Ворвавшись первым на окраину деревни Дятлицы, Спирин обнаружил несколько танков противника и сходу подбил один из них. Машина Спирина была тоже подбита и лишилась хода. Погиб заряжающий, осколком повредило рацию. Отослав командира орудия с донесением о положении в Дятлицах, Спирин сам продолжал вести бой. Снаряды подавал ему раненый механик—водитель. Вражеские танки отошли, но открыла огонь артиллерия противника. Прямым попаданием был разбит прицел пушки. Механик—водитель погиб. Спирин выбрался наружу и открыл огонь из автомата по окружившим его солдатам противника. Результаты неравного боя увидели наши пехотинцы, занявшие Дятлицы. Вокруг подбитого советского танка лежало 60 трупов вражеских солдат. На теле старшего лейтенанта Спирина бойцы насчитали 16 ран. В его автомате не было ни одного патрона...

Тут описаны лишь четыре подвига, совершенных нашими воинами в воскресенье 16 января 1944 года. И. Н. Куликову, И. М. Бойцову, Н. А. Рытову и А. И. Спирина посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Но их было много больше. Защитники Ленинграда сражались поистине героически и самоотверженно.

На фото: Бойцы танкового десанта на танках Т-34—76 едут по Средней Рогатке в Ленинграде, выдвигаясь на фронт.

Автор фото: Борис Кудояров

Экстренная посадка

Не важно, какой оттенок нашей кожи или разрез глаз – для врагов мы все русские!

Герой Советского Союза, гвардии генерал-майор В. Ф. Маргелов

Я никогда не забуду тебя, Наум, – сказал мне на прощание Арман, потом обнял каждого из нас, поцеловал руку Валентине. Познакомил нас с полковником Барвенковским, сказал, что он тоже полетит с нами домой. Тоже был в плену, попал под Харьковом, потом бежал, попал к Арману в «Сопrotивление», и вот настало и его время возвращаться. Потом, когда мы все погрузились постучал по крылу самолёта и отдал честь по-французски.

Взлетели. Прощание было коротким. В салоне пахло топливом. Ровный гул двух моторов успокаивал. 23.30 по местному времени.

Через тридцать минут все уже спали кроме меня, Матвея, медсестры Валентины и пилота Андрея Вороненко. Летели прямым маршрутом. Навигация – дело тонкое.⁷⁹

Все в нашей группе знали, что я политрук, и мне, как бы положено знать всю мировую обстановку, и вот у меня состоялся диалог с Матвеем, моряком из Ленинграда.

– Политрук, ты вот мне скажи, – произнёс он, – Почему на нас войной пошли германцы?

Я подумал с минуту и ответил:

– Кто на нас пошел войной? Капиталисты, правильно?

– Правильно!

– Чей завод, на котором делают наши танки? Наш. Твой, мой, общий. Чей хлеб с полей, что собирают? Наш общий. Никто на нём не зарабатывает. Детей кормят, вот нас солдат, кормят, стариков там, старух. А у фрицев? Завод танковый чей? Правильно, капиталистов! Танки они делают и продают Гитлеру. Гитлер берет деньги в займы в банке и покупает, так? Так! И он получается должен тем, у кого берет в займы. А отдавать чем ему? Где взять деньги? И вот получается у него один выход – идти грабить! Вот он и пошел грабить, сначала рядом стоящие страны, Чехословакию там или Польшу, а потом убивать и захватывать наши ресурсы.

Но европейцы для него, как бы братья, только меньшие, ну, как у нас домашние животные, мы же для него хуже животных. Евреи, цыгане, поляки, русские – это мусор на планете. Значит нас можно уничтожить и всё, что у нас ценное есть – забрать! А как нас убьёт то и нефть кавказскую захватит, и гидроэлектростанции, например, построенные на народные деньги, себе присвоит. Раньше они нас, русских, тоже «ариями» считали, себе подобными, а потом рассказали своему народу, что смешались мы с монголами и получились непонятно кто – красные коммунисты. Да и бояться они нас, «красной заразой» нас называют, знаешь, что это значит?

– Нет, политрук, не знаю, – ответил Матвей.

– Это значит, морячок, что когда немецкий рабочий – брат наш пролетарий, узнает, что можно-таки устроить жизнь без капиталиста, тот он возьмёт и даст ему пня под зад...

– Спасибо политрук, спасибо, Наум, просветил неученого.

– А вот ты почему, Матвей, языки иностранческие не учил, а? Жутко бы онигодились нам и в «Сопrotивлении», и сейчас бы не помешали. А то я один отдуваюсь за всю нашу компанию. А вдвоём с тобой и полегче было, да и поговорили бы на немецком, например на темы разные.

⁷⁹ 5 апреля 1943 года в результате ошибки в навигации американскими бомбардировщиками вместо авиазавода по ремонту истребителей люфтваффе был уничтожен жилой квартал бельгийского города Мортселя. В результате бомбардировки погибли 936 гражданских лиц, в том числе 209 детей

– Да было дело. Как-то решили мы с супругой по средам говорить только на немецком. Любые вопросы, любые фразы должны звучать только на немецком, ни на каком другом языке. Поэтому мы по средам мы с ней не разговаривали. Совсем.

Потом к нам подседа Валентина и спросила, а не расскажите нам, товарищ политрук, политинформацию на тему происхождения такой вот злобной страны, как Германия? Откуда они такие свалились на нашу голову?

– Начну с небольшой экскурсии в историю, Валентина. Если при феодализме главным мерилом силы и влияния было наличие земли – ведь ты со своих земель можешь производить еду, то силы и влияние капитализма основываются на частной собственности на средство производства. И тут в дело вступали деньги. В средние века долгое время в Европе господствовал натуральный обмен. Но по мере нарастания денежной массы, в виде монет из драгоценных металлов, в первую очередь теряла влияние старая аристократия. – — Почему?

– Да потому что у них есть земля, они с неё собирают зерно, но продают это зерно уже на рынке. А рынок – это вещь непредсказуемая, сегодня дёшево, завтра дорого, и вот аристократия начала беднеть.

Экономический базис стал, уже не совсем феодальный, а очень даже капиталистический, который искал идеологическую основу, вместо быстро устаревающих вассальных присяг.

Так родился национализм, как способ объединения их германоговорящего общества.

– Переведи, политрук.

– Перевожу. Ты подчиняешься мне, не потому что я твой феодал, а потому что мы оба англичане/немцы, например, и мы говорим на одном языке, ведем вместе дела, я даю тебе работу.

– Я поняла, именно таким образом рождались политические нации!

– Правильно, Валентина, единая Германия в девятнадцатом веке, представлявшая союз множества княжеств, была соединена вместе, с помощью паутины железных дорог. И всё это, в совокупности сформировало единое экономическое пространство.

Потом была франко-прусская война, в которой трудности позволили им осознать себя как одна целая и единая империя, ну и так далее. Кроме того, были еще колонии, куда люди из этих стран плавали, вывозили оттуда ресурсы и рабов. Ну и использовали их, как рынки сбыта, где, разумеется, жили «недолюди», ведь для европейцев это было очевидно. «Недочеловек», «дикарь», ходит без костюма и без нафталинового парика, не курит табак и не имеет огнестрельного оружия, без вариантов – «неполноценный дикарь и получеловек—полузверь» с копьём.

Далее капитализм, к началу двадцатого века, перешёл в высшую стадию – империализм, а национализм перешел к своему абсолютному значению, и переродился в фашистскую идеологию.

Итог. Фашистская идеология – это идеология империализма.

Понятно?

На какое-то время в самолёте повисла тишина, видно было, что мои утомлённые, такой длинной политической информацией, товарищи, переваривают полученное. Потом Валентина посмотрела мне в глаза и спросила, как я познакомился со своей женой.

На меня резко нахлынули воспоминания, когда войной ещё и не пахло и мы всей страной строили светлое будущее, и в одной из заводских столовых я увидел её...

Я был застенчивым парнем, потому долго на неё смотреть не мог. Покушал, завернулся в свою рабочую телогрейку и вышел на мороз. Но знакомство у нас было, что ни на есть романтическое. Зима стояла снежная, скользко было кругом. Ну я набил себе гвоздей на каблуки и иду себе, мне по барабану, есть гололёд, или его нет. Отошёл от столовой метров сто, как слышу сзади шлёп! И голос, о этот божественный голос моей будущей супруги, Рахиль:

– Мужчина, а вы ненормальный!

– Почему, – спросил я, очень удивившись, потому что увидел сидевшей на своей красивой «пятой» точке, на скользкой дороге именно ту симпатичную девушку из столовой.

– Я вижу, что Вы так уверенно пошли себе по скользкой дороге именно туда, куда нужно мне, ну и я увязалась за Вами, думая, что Вы знаете, где тут не скользко, а я новенькая... А Вы идёте себе и даже не скользите, а я из последних сил за Вами скребусь, и вот теперь я из-за Вас упала, и у меня болит нога!

Донёс я её до травм. пункта, а потом и до ЗАГСа, но это уже чуть позже, Валентина! Но её уже нет в живых. Фашисты, когда заняли Винницу убили её одной из первых, как еврейку и жену комиссара...

ФОТОГРАФИЯ последний еврей Винницы

Знаменитая фотография расстрела последнего еврея Винницы, сделанная офицером немецкой айнзатцгруппы, занимавшейся казнями лиц, подлежащих уничтожению (в первую очередь – евреев). Название фотографии было написано на её обратной стороне.

Винница была оккупирована немецкими войсками 19 июля 1941 г. Часть евреев, живших в городе, успела эвакуироваться. Оставшееся еврейское население было заключено в гетто. 28 июля 1941 г. в городе были расстреляны 146 евреев. В августе расстрелы возобновились. 22 сентября 1941 г. большинство заключённых винницкого гетто были уничтожены (около 28 000 человек). Были оставлены в живых ремесленники, рабочие и техники, труд которых был необходим германским оккупационным властям. Вопрос об использовании еврейских специалистов обсуждался на специальном заседании в Виннице в начале 1942 г. Участники совещания отмечали, что в городе находится пять тысяч евреев, в их руках «все промыслы... они работают также во всех имеющих жизненное значение предприятиях». Начальник полиции города заявил, что наличие евреев в городе его очень беспокоит, «так как строящееся здесь сооружение (ставка А. Гитлера) находится в опасности благодаря присутствию здесь евреев». 16 апреля 1942 г. почти все евреи были расстреляны (оставлены в живых только 150 евреев-специалистов). Последние 150 евреев были расстреляны 25 августа 1942 г. Однако немцам не удалось уничтожить всех евреев Винницы до единого – еврей, скрывавшийся в городе, участвовал в общегородском подполье. Среди подпольщиков насчитывалось не менее 17 евреев.

Потом всей нашей компанией начали вести разговор о том, в чём сила русских, ведь прём немца по всем фронта, один шаг остался до восстановления границ довоенных, да и вообще, кто такие – русские...

– Я думаю, что сила и непобедимость Русских в том, что перед боем он уже, как бы умирает, мысленно прощается со всеми и умирает, и идёт в бой, бесстрашно и матерясь на чём свет стоит. А тот, кто в бою бесстрашен и холоден – тот и побеждает! – высказал своё полковник Барвенковский.

– А я думаю, что не так всё, русский солдат молится за то, чтобы выжить и побить врага! А прощается русский солдат мысленно с близкими и родными, потому что неисповедимы пути Господни, и не знает солдат, со щитом или на щите ему быть после боя.

Молится солдат русский за землю свою, за родных, но своей жизни за то, чтобы отстоять Родину жалеть не будет.

Вот в этом и есть сила русского человека. Да и не только русского —любого другого человека, если он воспитан по законам своих предком и, если ценности его не деньги, не золото, а земля предков и будущее потомков, – включился в разговор Матвей.

– Русский – это не национальность, перебил я его, – вот я еврей, но американцы считают меня русским. Австрийцы считают меня русским. Поляки считают меня русским. Китайцы тоже считают меня русским. Если бы я был татарин, они бы тоже считали меня русским. Русский – это дух, это отношение к миру, к долгу, к правде, чести и своим товарищам. Это готов-

ность пожертвовать собой во имя своей страны, во имя долга, во имя Родины своей. И это всё открылось мне на войне, вот ведь какая странная вещь – война...

– Русский – это не национальность, а состояние души и воспитание, – включилась Валентина, – спасибо тебе, политрук, что правильно рассуждаешь. Так всё и есть на самом деле, русские – это не нация – это Дух, Воспитание, Чистота Души. Вот я украинка, но говорю и думаю чаще на русском языке, хотя в кругу родственников, мысли приходят на украинском!

И тут тряхнуло так, что все подскочили. Лампочка на приборной панели показала оставку или отказ правого двигателя. Это было не по плану.

Скорость самолёта резко упала. До назначенной точки посадки—дозаправки оставалось лететь с полчаса. Самолёт потряхивало, но летели мы относительно ровно. Андрей сообщил, что где-то под нами начинается шоссе. Мы начали снижаться. Сели.

Пока Андрей разбирался, где именно мы находимся, мы с танкистом пытались разобраться с французским двигателем.

Пока разбирались – наступило утро. Мы скатили наш самолёт с шоссе на дорогу, но место было довольно открытое, потому нас видно было все-равно. Показалось несколько грузовиков. Один с солдатами, три чем-то гружённые. За рулём сидели немцы в полевой форме вермахта. Не СС, уже хорошо. Проехали мимо нас, но потом решили остановиться.

Из кузова выпрыгнуло два солдата и направились к нам.

– Тебе не страшно, политрук? – спросил меня Матвей.

– Страшно, Матвей, ещё как страшно, но поскольку мне известно, что из труса может сделать героя, только трусость рядом стоящего, ну в нашем случае лежащего, то вот так ты и станешь героем у меня.

– С этим всё понятно, а вот с эти, что будем делать, политрук? – спросил меня Матвей и кивнул головой в сторону колонны фрицев, – мы в засаде, или как?

– Примитивизм засады заставляет топтаться на месте, а я за развитие, – ответил я и продолжил, – мне страшно Матвей за наши ещё молодые жизни, скажи ты хоть немного имеешь представление о стратегии?

– Хрестоматийно, в терминологии – да, имею, политрук, но практики категорически не хватает. Есть у тебя предложения?

– Есть, Матвей, – ответил я и оглянулся на самолёт, там я увидел, что наша группа услышала и увидела происходящее и все без паники начали готовиться к приходу незваных гостей, потом продолжил, – Сейчас, когда они подойдут к нам, а им придётся спуститься в небольшой овраг, в нашу зелёную зону, и исчезнут из поля видимости своих коллег, тут я им на своём, немецком с берлинским акцентом, предложу экскурсию по нашему французскому самолёту, ну, я думаю, что к тому времени, они уже будут в виде покойников. Потом я переоденусь в форму одного из убитых фрицев и пойду с белым флагом сдаваться к остальной, довольно многочисленной компании, которая резвится возле грузовиков, по-моему, даже собралась поиграть в футбол, и, я тебя уверяю, Матвей – они не поймут, что происходит и стрелять не будут однозначно, по крайней мере, в вас, в меня – не уверен. Далее, мне представится шанс, и, если интенсивностью натиска я сумею преодолеть порог их сомнения в моём странном появлении, то успех гарантирован.

– Политрук, они могут понять, по твоим не всем зубам во рту, что здесь что-то не чисто! – пошутил, прищурившись Матвей.

Фрицы шли вразвалочку, медленно, как не фрицы. До нас ещё было им идти пару минут.

– По зубам можешь не шутковать, Матвей, чем меньше во рту зубов, тем больше времени есть на анализ речи. С возрастом я стал ревностным приверженцем минимализма, оставив одну пару немецкой обуви и одну немецко—фашистскую гимнастёрку, но если к этому прибавить жизненный опыт, помноженный на количество прочитанных книг и декор в виде

медали «За Отвагу», в результате ты имеешь интересного собеседника на какое-то время, недостаток которого теряется на фоне грамотно изложенной речи, ну пока одного из нас не убьют.

– А если двух сразу убьют? А, Наум?

– Не, двух сразу не убьют, даже у пули есть свой порядок отбора дураков.

– Так ты что, считаешь нас дураками?

– Нет, не я. Пуля считает нас дураками. И Гитлер. А мы считаем себя умными. Только философы считают людей и себя дураками, а все остальные считают себя вершиной цивилизации. А я не философ, Матвей.

Когда фрицы подошли к нам ещё ближе, то по их разговору я, да и Матвей поняли, что они не немцы. Они говорили по-русски. Обсуждали между собой, как нас лучше ограбить, потому что, судя по форме – мы не местные, а самолёт транспортный – значит есть чем поживиться. Сел на шоссе – значит поломался и нас никто не ищет. Мы все были в немецких мундирах. Я в офицерской, остальные в солдатской. Немецкий знал один я.

Мы взяли оружие на изготовку.

Русскоговорящие немцы напряглись, явно не ожидали, что их план так быстро раскусят. Я заговорил первым и на русском:

– Вы чего тут удумали, черти? Готовы поменять профессиональную подготовку на нудную жизненную мораль?

– Вы чего, русские? – спросили, практически хором подошедшие.

– Нет, не русские, мы из разведки, соответственно владеем многими земными языками, включая ваш родной, потому как может пригодиться в самом невероятном случае, включая сегодняшнее солнечное утро. Вы желаете нас ограбить? В центре Германии? Вернее Австрии. Не слишком ли высока цена такому бою? Предполагаю, что те из вас, кто не погибнет, будет рассказывать начальнику концлагеря, какой он был странный, что удумал глупое дело.

– Да вам, наверное, почудилось, упаси бог, нас на такое! – и они посмотрели на мои майорские погоны.

Оказалось, что это солдаты РОА⁸⁰ взяли продукты, одежду и пополнение к себе в часть, а пополнение у них, как правило было из концлагерей. Те, кто не выдерживал мук ожидания смерти из пленных советских солдат, шли на сделку со своей совестью и фашистами. После недолгих переговоров, они нас приняли за своих и предложили доставить нас в расположение своей армии, что на самом деле нас более, чем устраивало.

Погрузив всё наше имущество и оставив самодельную зажигательную бомбу (мы подозревали, что самолёт могли засечь, и лучше бы он сгорел, так бы и концы в воду, в данном случае, в огонь), которая должна была сработать через часик, полтора.

В машине все были угрюмые. Мы, потому что не очень хотели рядом видеть живых предателей, «власовцы», потому что ехали на фронт – воевать против своего народа...

⁸⁰ РОА – Русская Освободительная Армия генерала Власова

РОА. Историческая справка

Трусость – это выбор, страх – состояние

Как бы я не хотел уйти от этой щекотливой темы – предательства, но не получается. Больно много предателей было за ту войну – полтора миллиона человек – граждан СССР, потому раскрою её, как могу...

Русская освободительная армия генерала Власова была коллаборационистским вооруженным формированием. В соответствии с решением Международного военного трибунала в Нюрнберге, действия этой армии квалифицируются как участие в военных преступлениях нацистов и преступлениях против человечности, а также пособничество им.

Власов – советский военачальник, участник битвы за Москву. В 1942 году, попав в плен, генерал пошел на сотрудничество с немцами, став руководителем военной организации из советских военнопленных и эмигрантов – Русской освободительной армии. В 1946 году он был признан виновным в государственной измене и повешен.

Но не всё так однозначно.

Кто такие военнопленные и какова была причина того самого попадания в плен? В плен попадали по разным причинам – кто раненый, кто по «примеру командира», в условиях, когда в котлах оказывались целые армии ..., а принятие решения о вступлении в РОА тоже вопрос довольно сложный.

Попадали туда разными путями и по разным причинам:

1. Обиженные советской властью.

2. Морально неустойчивые.

3. Желавшие спастись из немецких концлагерей, где советских военнопленных морили голодом и холодом. По моему мнению последних было большинство. Хотя деваться им, по большому счёту, и некуда было. Но меньшая часть их наверняка, знала, на что и за что идёт. Остальные, как всегда, пошли «как все»: кто-то – послушал авторитета, кто-то – по дружбе, кто-то – просто от делать нечего...

Многие убедились в прелестях коллективизации и правлении большевиков, многие были просто безграмотными и действовали исходя из стадного чувства.

Интересные мысли.

Из оккупированных стран – европейцев было сформировано не так уж много частей – норвежцы, датчане, голландцы, валлоны – всё по дивизии. Французы – тоже дивизия. Причём, все эти государства официально капитулировали.

В знаменитом британском легионе СС служило всего тридцать отморозков. Да, в Англии боевые действия не велись, но пока это, как факт. А вот граждане СССР... сказать, что очень много – ничего не сказать, не то слово.

У фашистов очень хорошо работала пропаганда, в которой установка была следующей: – война ведётся не против русского народа, а против жидо-большевиков.

Очень много листовок, газет, фотографий на которых, например, немецкий офицер может мило улыбаться и здороваться за руку с каким-нибудь майором Абушиновым, потому что он искренне рад – всю грязную работу сделает за него это бывший краском.⁸¹

Большинство военнопленных в концлагере умирали от голода, и голод отключал мораль и страх смерти от трибунала, вернее он отходил на второй план. Первично, у таких людей было – выжить.

Ну а первичная задача фашистов – надеть на всех предателей униформу и отправить массово обратно на фронт. Советские войска разбираться не будут, кто и что там кричит.

⁸¹ Краском – красный командир

- Надел форму?
- Надел...
- Фашист и предатель!

Ну и хорошая практика была у немцев, они не доверяли предателям, потому и закрывали на замок оружие и выдавали его им только перед боем.

Предатели воевали за собственную жизнь, а не за какое-то там освобождение народов России.

Среди перешедших на сторону фашистов были недовольные и обиженные, были, бесспорно, но вот что значит «обиженные»? Насколько обиженные? На ногу, что ли наступили?

Есть такие «обиды», за которые призывают к весьма «конкретному» ответу. И здесь мы подходим к важному моменту, а именно признанию наличия сильных элементов гражданской войны в ходе германо-советского конфликта 1941—45 годов. И ещё, во время Первой Мировой (1914—1917) пленных русских было немало в лагерях Германии и Австро-Венгрии. Почему за 25 лет до рассматриваемых событий ТЕ ЖЕ противники «не морили голодом и холодом» русских солдат, а те сотнями тысяч не записывались в германскую или австрийскую армию? По хронологии изменения самосознания солдат русских, сначала был расстрел царской семьи, следом «многострадальный народ» (и армия в том числе) – с радостью присягнули и жидам из Временного правительства, и жидо-большевикам – в последствии. А потом этот «многострадальный народ» (будущее РОА) по тридцать тысяч человек в колонне, гнали из-под Вязьмы фрицы «силами» одного отделения автоматчиков. Гнали палками, без еды и медицинской помощи. Отстающих – пристреливали как собак. Кто не был слабовольным – бежал или провалился к своим с оружием в руках. Остальные, я предполагаю, знали куда и на что идут.

К моменту организации РОА всем уже было понятно, как и против кого воюют фашисты. Какие методы применяют к мирному населению. Они видели, что происходит в концлагерях. Так что они отлично понимали на чью сторону становятся...

Я – русский, и я люблю свой народ, но рука не поднимается идеализировать его в худших его проявлениях, таких, как предательство...

Далее. Единственная часть, о которой говорили как о РОА – Гвардейская бригада РОА, расформирована в конце 1943 г. Больше частей РОА не существовало, хотя нашивки имели распространение. Нашивки с Андреевским крестом и аббревиатурой «РОА» не просто имели распространение, а были официально установлены для личного состава русских частей в Вермахте приказами от 29 апреля и от 29 мая 1943 г. В этом отношении РОА является прямым аналогом любого из национальных легионов. Гвардейская бригада РОА представляла собой специформирование наподобие экспериментального соединения «Граукопф»⁸² (оно же – РННА), предназначенное для разложения войск противника. В силу этого обстоятельства её роль, как ядра будущей армии, особенно выпячивалась пропагандой по сравнению с восточными батальонами и ротами, которые считались не более, чем крупницами одного большого целого. Наиболее корректным будет такое определение – один из национальных легионов Вермахта, получивший в последние месяцы войны номинальный статус союзной армии.

⁸² Соединение «Граукопф» сформировано в конце 1941 года. Состав – бывшие советские военнопленные, командир – полковник Сахаров. Численность – 400 человек. Обмундирование – советская военная форма. Цель создания – диверсионные операции в советском тылу. Первое боевое подразделение русских националистов под командованием русских офицеров. Первая боевая задача – проникнуть в глубь одного из контролируемых партизанами участков в районе Ельни и Дорогобужа и уничтожить генерала Белова и его штаб. Далее, – воспользоваться имевшейся в штабе радиостанцией для введения заблуждения (операция «Ганновер»). Секретное немецкое донесение: «Командующий генерал на совещании 26 мая 1942 года заявил, что соединение „Граукопф“, несмотря на то что ему не удалось достичь главной цели, то есть уничтожить штаб Белова, добилось успехов, имеющих большое значение для всей операции и само появление такого отряда в советском тылу внесло неразбериху, телефонная связь была нарушена, комиссары и политруки были убиты, несколько сот солдат противника были взяты в плен, а захваченное у противника оружие уничтожено; подразделение внесло вклад своим участием в нескольких сражениях с вызванными по рации или телефону отрядами противника, понесшими крупные потери, в результате чего возникла настоящая паника»

Но мы должны помнить и о событиях 5—9 мая 1945 года, когда РОА пришла на помощь повстанцам в Чехословакии и полностью освободила Прагу от фашистов.

Всего в этих формированиях, по разным данным, числилось порядка 120—130 тысяч человек. Данные соединения были разбросаны на большом участке фронта от Загреба (Хорватия) и Толмеццо (северная Италия) до Бад-Шандау (юго-западнее Дрездена). 28 января 1945 года Русская освободительная армия получила статус вооружённых сил союзной державы, сохраняющей нейтралитет по отношению к США и Великобритании.⁸³

— — —

Власов

Воевать против собственного народа, несмотря на политический строй это отвратительно. И желание Власова бороться со Сталиным, вдруг возникшее в плену меня не убеждает. Что-то он не сильно боролся, когда карьеру в РККА делал.

Свен Штеенберг пишет, что Власову трудно далось это решение, он долго не мог определиться, но генерала, таки уговорили, поддался он на уговоры, ну и объяснил это решение порывом сердца, о котором раньше боялся подумать.

Многие считали его, как военачальника, грамотным и толковым командиром. Выход частей 37 армии из-под Киева, удержание рубежей под Москвой и так далее. Под Москвой Власов тоже никакие рубежи не удерживал. 20-я армия не участвовала в оборонительной фазе Московской битвы, сам Власов был назначен командующим 20-й армии только 19 ноября, однако в это время он находился в госпитале, лечился от воспаления среднего уха, если верить советским документам. Начальник штаба 20-й армии Л. М. Сандалов писал, что Власов в армию прибыл только 19 декабря, однако мемуары Сандалова были написаны уже после войны. Кирилл Александров утверждает, что Власов командовал 20-й армией в битве под Москвой.

Кстати, интересная информация, – в своей беседе со Штрик-Штрикфельдом Власов утверждал, что 10 ноября встречался со Сталиным, однако, журнал посещения Сталина этого не подтверждает...

РОА позднее всех остальных нац. подразделений вступили в боевые действия на фронте – в 1945 году. Предполагаю, что таким образом Власов мог попытаться стать «третьей» силой, с которой бы считались и СССР, и Союзники, ведь на том участке фронта, где стояли «власовцы» продвижение нашей армии было остановлено. Плюс сошелся с минусом и превратился в ноль, на какое-то время. К этому же порыву могу отнести и события в Праге.

— — —

⁸³ К 22 апреля 1945 года в вооружённые формирования Комитета освобождения народов России входили следующие соединения, части и подразделения: главнокомандующий, группа офицеров личного подчинения (полковник К. Г. Кромияди, подполковник М. К. Мелешкевич, капитан Р. Л. Антонов, обер-лейтенант В. А. Рейслер и др.), рота личной охраны капитана П. В. Каштанова; 1-я пехотная дивизия генерал-майора С. К. Буняченко, полностью вооружённая и укомплектованная (около 20000 чел.); 2-я пехотная дивизия генерал-майора Г. А. Зверева, личный состав был вооружён ручным автоматическим оружием до пулемётов включительно, тяжёлое вооружение отсутствовало (11856 чел.); 3-я пехотная дивизия генерал-майора М. М. Шаповалова, располагала только кадрам добровольцев, невооружённая (10000 чел.); Военно-воздушные силы КОНР генерал-майора В. И. Мальцева (более 5000 чел.); Учебно-запасная бригада полковника С. Т. Койды (7000 чел.) Русский корпус генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона (5584 чел.); 15-й казачий кавалерийский корпус (32000 чел. без учёта немцев); Отдельный корпус генерал-майора А. В. Туркула (около 7000 чел.); Отдельный казачий корпус в северной Италии (Казачий Стан) походного атамана генерал-майора Т. И. Доманова (18395 чел.); Отдельная противотанковая бригада майора Второва (1240 чел.); Вспомогательные (технические) войска в непосредственном подчинении главнокомандующего (около 10000 чел.); Центральный штаб генерал-майора Ф. И. Трухина, офицерский резерв при штабе подполковника Г. Д. Белая, отдельный кавалерийский эскадрон капитана Тищенко, батальон охраны штаба капитана А. П. Дубного, спецотряд по охране ценностей КОНР капитана А. Анохина (до 5000 чел.); 1-я Объединённая офицерская школа генерал-майора М. А. Меандрова (785 чел.); Братиславская разведывательная школа майора С. Н. Иванова; Мариенбадская разведывательная школа капитана Р. И. Беккера; Управление казачьих войск при КОНР

Чем отличается трус от предателя?⁸⁴ Я бы не стал отождествлять эти понятия. Предатель – это человек с воинственной жизненной позицией, а трус – это человек с повышенным инстинктом самосохранения. Предатель – будет рисковать собой за нового союзника, за новую силу. Трус – не будет рисковать. И потом – трусость, как и храбрость – это секундные, скоротечные проявления: сейчас ты так отреагировал на опасность – а через полчаса совсем по-другому ..., и вот основа того, как человек начал реагировать и есть его дальнейшее подобное проявление на внешние раздражители. Потому вывод: трусость – постоянная черта характера, которая определяет поведение человека в экстремальной ситуации, предатель – это человек, предавший кого-то или что-то, доверившихся или доверенное ему, в руки врага.

Трусость – это выбор, страх – состояние.

П. С. Верховным Судом этим людям были «пулевые» приговоры прямо в госпитальных стенах, на госпитальных кроватях, и в единичных случаях – на операционных столах в городе Прага, который. Рука у тех, кто стрелял, не дрожала... Аминь.⁸⁵

— —

⁸⁴ Согласно исследованиям российского историка, журналиста К. М. Александрова, в период с 1941 по 1945 год в составе вермахта воевало около 1,2 миллиона граждан Советского Союза. Из них не менее четырёхста тысяч человек были русскими по национальности, из них около восьмидесяти тысяч были представителями казачества, остальные – это украинцы – двести пятьдесят тысяч, жители стран Прибалтики – двести тысяч, выходцы из Средней Азии – сто восемьдесят тысяч, представители народов Северного Кавказа – двадцать восемь тысяч. Были коллаборационисты из числа белорусов, грузин, крымских татар и армян. При этом ещё около трёх миллионов советских граждан работали на Германию принудительно, но не были напрямую связаны с военным делом (не принимали участие в боях). С. И. Дробязко: служило в Вермахте, СС, СД, военной Полиции 250 тыс. украинцев, 150 тыс. латышей, 90 тыс. эстонцев, 50 тыс. литовцев, 70 тыс. белорусов, 70 тыс. казаков, 70 тысяч человек из народностей Средней Азии, 40 тысяч азербайджанцев, 30 тысяч человек из северокавказских народностей, 25 тысяч грузин, 20 тысяч армян, 12 тысяч волжских татар, 10 тысяч крымских татар, а также 7 тысяч калмыков. После Сталинградской битвы 1942—1943 годов, мобилизация местного населения приобрела очень широкие масштабы. В прифронтовой полосе немцы стали мобилизовывать поголовно всё мужское население, включая подростков и стариков, по тем или иным причинам не увязанных на работы в Германию. Факт, что в начальный период Великой Отечественной войны массовая сдача в плен советских солдат и офицеров, массовое дезертирство, а также участие в вооружённой борьбе на стороне Третьего рейха имело место быть. Георгий Жуков: «...полтора миллиона коллаборационистов-предателей из числа советских граждан и воюющим по разным причинам на стороне немцев ..., но им противостоят десятки миллионов советских людей, сражавшихся с фашистами в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 года». Из тридцати восьми дивизий СС только двенадцать были укомплектованы немцами. Добровольческие армии и национальные дивизии формировались на всех фронтах войны – от Индии до Дании. Не было только отдельных греческих, польских, чешских и литовских формирований, хотя представители этих наций были представлены в других немецких частях.

⁸⁵ После вхождения наших войск в Прагу ими были обнаружены около трёхсот раненых «власовцев», которых тут же расстреляли прямо в госпиталях обычные солдаты Красной Армии без суда и следствия

Евреи

– *Мама, мы попали в Ад?*

– *Хуже, доченька – в Освенцим...*

И вот у нас на пути появилась колонна людей, нескончаемая колонна, которую сопровождали эсэсовцы. Нас принудили остановиться.

Мы видели у этих несчастных нашивки на груди – это означало одно – это евреи и их ведут в концлагерь, которых было на территории Новой Германии – Третьего Рейха пруд пруди.⁸⁶

Ещё одна большая тема. Как её обойти не знаю, потому просто изложу факты. Я сам еврей, и у нас в группе, которая ехала на грузовике, были ещё различные люди, которые все без исключения пережили концлагерь, например Скоморохов Петр Кузьмич, офицер, бежал из «Матхаузена». Мрачное место. Находился в 20-м блоке лагеря. Больше я никого из живых, кто был в этом проклятом месте и не встречал. И я его толком не знал, он присоединился к нам в последний момент перед вылетом.

В то время тоже шутили, как и сейчас, на разные темы, например, гулял такой анекдот:

Ты сидел в концлагере Дахау?

– Да.

– И как тебе?

– Отлично! Прекрасная еда, номера как в гостинице, бассейн, любовь с девушками-надзирательницами.

– Странно. Мой сосед Гюнтер рассказывал про Дахау совершенно другое...

– Вот поэтому он снова там...

Человек переживший многое никогда не засмеется над чужой бедой и бессилием, потому что знает цену страданиям души

Для многих евреев война не была неожиданностью. В нашей семье о ней поговаривали давно, но немцев не боялись. Вспоминая оккупацию во время Первой мировой войны, наши родители поговаривали, что немцы очень порядочная и воспитанная нация, потому не видели смысла эвакуироваться. Все считали, что договорятся с кем угодно, хоть с дьяволом, не то, что с немцами. Дядя Абрам любил рассказывать одну и ту же шутку, на тему, что если проблему можно обустроить за деньги, то это не проблема, – это просто расходы. И все так весело смеялись над ней, сколько бы он её раз не рассказывал...

Как мы все ошибались...

⁸⁶ Например – на территории нынешнего международного аэропорта Вены – Швехат располагался филиал концлагеря Маутхаузен KZ-Außenlager Schwwechat-Heidfeld где 2665 заключенных собирали истребители Heinkel He 219 и He 162 «Volksjäger»

Киевский котел

Ещё в конце июля 1941 года, спустя пять недель после начала наступления вермахта, начальник советского Генерального штаба Георгий Жуков⁸⁷ настоятельно рекомендовал своим высшим военачальникам сдать Киев и с прицелом на будущее создать за Днепром линию обороны. Возмущенный Сталин отверг это предложение, назвав его «чушью», после чего Жуков отказался от дальнейшего испытания собственного мужества. Он попросил, чтобы его освободили от занимаемой должности, за что его вполне могли обвинить в пораженчестве и приговорить к смертной казни. Однако Сталин, скрепя сердце, согласился с этим предложением и назначил этого генерала главой Резервного фронта, сохранив за ним место в Ставке. Ещё через шесть недель Сталин уже больше не мог закрывать глаза на то, что Жуков, вероятно, был прав. Вместе с тем Красной Армией с помощью шести армий и четырех резервных армий удалось остановить наступление немецкой группы армий «Центр» в районе Смоленска, а на юге даже отбросить противника на некоторое расстояние. Однако это произошло благодаря приказу Гитлера, который остановил быстрое продвижение танковых подразделений этой крупной группировки и перенаправил их в другое место. В то время как боевые машины генерала Германа Гота должны были поддержать наступление на Ленинград группы армий «Север», танки генерала Гудериана направились на юг, на Украину.

Первоначальный немецкий план военной кампании предусматривал быстрое наступление на Москву, и командование вермахта надеялось на то, её падение будет означать молниеносную победу над Советским Союзом. Поэтому к группе армий «Центр» были приданы две так называемые танковые группы, тогда как группа армий «Север» и группа армий «Юг» вынуждены были довольствоваться только одной такой танковой армией, состоявшей из танковых и моторизованных дивизий. Соответственно, им было сложнее наступать, преодолевая постоянно увеличившееся советское сопротивление.

Несмотря на сопротивление своих генералов, Гитлер обосновывал свои действия в отношении Украины военно-экономическими соображениями. Для него было важно незамедлительно поставить в свой контроль богатые ресурсы этой страны в области промышленности, полезных ископаемых и сельского хозяйства, что само по себе было первым признанием того, что ожидавшегося быстрого триумфа и победы над Сталиным не будет.

Гудериан вынужден был последовать указанию Гитлера и направить свои силы в сторону Лохвицы, небольшого города, расположенного на полпути между Киевом и Харьковом, индустриальным центром восточной Украины. Этот город был также целью для Первой танковой группы под командованием генерала Эвальда фон Клейста, которая после победы в котле под Уманью продолжила своё наступление. Что касается пехотных дивизии группы армий «Юг», перемещавшихся по болотам вдоль реки Припять, то советские защитники активно выдавливали их в направлении Киева и Днепра.

7 сентября 1941 года командующий советским Юго-Западным фронтом Михаил Кирпос настоятельно попросил Ставку о том, чтобы его войска смогли занять позиции за рекой. Лишь через два дня – немцы к этому времени уже почти окружили его правый фланг – он получил разрешение, но оно было связано со строгим приказом относительно того, чтобы любой ценой удерживать Киев и другие плацдармы на западном берегу реки. 11 сентября Сталин позвонил сам и упрекнул Кирпоса и командующего всей юго-западной осью Семена Будённого в том, что они постоянно занимаются поиском «рубежей для отступления», а не «путей для сопротивления».

⁸⁷ Георгий Константинович Жуков – маршал Советского Союза, Герой Великой Отечественной Войны

Будённый – в прошлом соратник Сталина, бывший кавалерист и унтер-офицер царской армии, ставший советским маршалом, – собрал всю свою смелость и заявил, что «промедление с отходом» может привести «к потере войск и огромного количества материальной части». После этого Сталин заменил его на Семёна Тимошенко, однако не вынес Будённому⁸⁸ – в отличие от многих других генералов – смертного приговора.

И даже 14 сентября Ставка ещё воспринимала многочисленные сообщения в катастрофе с Киевского фронта как проявление «паникёрства» и угрожала расстрелом любому командиру, помышлявшему об отступлении. Немцы к этому времени уже подошли к Днепру и продвигались дальше на восток. 15 сентября 1941 года передовые части танковых групп Гудериана и Клейста встретились в районе города Лохвица, в 200 километрах к востоку от Киева. Четыре полностью укомплектованные армии и части ещё двух армий общей численностью 700 тысяч человек оказались в окружении.

Пораженный Тимошенко, в конечном итоге, набрался смелости и передал приказ Кирпоносу о срочном отступлении, которое должно было быть прикрыто слабыми резервами. Однако Кирпонос, помня о высказанных угрозах, потребовал предоставить согласие Ставки. Когда 18 сентября оно поступило, было уже поздно. Большая часть подразделений Кирпоноса были дезорганизованы, лишены управления и значительно ослаблены в результате бессистемных боев с противником, который целенаправленно стремился к достижению своей цели. И даже в советской историографии подтверждается, что лишь некоторым частям удалось вырваться из окружения. Сам Кирпонос был убит в результате взрыва гранаты.

Когда 26 сентября бои прекратились, стало ясно, что 150 тысяч советских солдат были убиты. 665 тысяч красноармейцев попали в плен. Потери с немецкой стороны составили 100 тысяч человек убитыми и ранеными. Историки называют битву за Киев крупнейшей в истории отдельной военной операцией. Лишь бросив в бой свои последние резервы, которые теперь не были задействованы в других местах, Ставке удалось закрыть огромную дыру на линии фронта и остановить передовые немецкие танковые части, продвинувшиеся уже к Ростову-на-Дону.

Из-за своей упрямой стратегии, направленной на удержание позиций, Сталин также предоставил Гитлеру возможность продвинуться к Москве. Танки Гудериана незамедлительно получили приказ вновь вернуться на север для того, чтобы принять участие в наступлении на советскую столицу. В ставший уже тылом Киев вошли подразделения СС и банды украинских националистов...

⁸⁸ Яков Славцев. Генерал. Один из героев Первой Мировой войны. Его биография уникальна тем, что после проигрыша белых в гражданской войне, которая разгорелась после октябрьского переворота, победители (красные), не припоминая ему службу при царе, Временном правительстве, Деникине и Врангеле, зачислили его преподавателем на стрелково-тактические курсы красных командиров – «Выстрел». Славцев учил курсантов тактике и стратегии изучая ошибки и победы красных командиров на фронтах Гражданской войны, и особо не выбирал слова, когда критиковал их действия, например печальный поход на Польшу. В этом походе всю инициативу загубил Будённый. Он застрял подо Львовом, и в грубой форме отказался выдвигаться на помощь попавшим в трудное положение в Польше частям Красной Армии. Тухачевский, так же не блистал в этом походе, возможно и преднамеренно. Все последующие события приводят к такой мысли. С одним из таких случаев и связан забавный эпизод. Разбирая поход Красной Армии на Варшаву, Славцев назвал основную причину неудачи, ей оказалась «тупость командования». В этой аудитории присутствовал кавалерист Семён Будённый. Он, услышав в свой адрес такое, выхватил принесенный с собой наган и открыл огонь по лектору, и не попал. Тогда Славцев иронично сказал: «Будённый, Вы стреляете так же плохо, так и воюете». Потерю Польши генерал Славцев считал катастрофой для России

Бабий Яр

Киев пал 19 сентября 1941 года.

На улицах, за неделю до, кто—то уже развесил плакаты:

«Жидаы, ляхи и москалы – наилютейшыя врагы Украины!».

24 сентября на Крещатике был подорван штаб гитлеровской армии.

Начала свою деятельность подпольная организация.

Через день – комендатуру, гостиницу для офицеров...

27 сентября 1941 года по всему городу были развешаны объявления на русском языке, на украинском и немецком:

«Все жидаы города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник, 29 сентября 1941 года,⁸⁹ к 8 часам утра, на угол Мельниковской и Дохтуровской улиц (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и проч. Кто из жидов не выполнит это распоряжение и будет найден в другом месте, будет расстрелян».

Одновременно через дворников распространялась дезинформация о намерении якобы просто провести перепись и переселение евреев. Но их всех ждал Бабий Яр.

Бабий Яр – урочище на северо—западе Киева, овраг длиной два с половиной километра. Глубина – до пятидесяти метров.

По его дну протекал одноименный ручей, в котором, ставя запруды,⁹⁰ до войны любили купаться местные мальчишки...

Утром, 29 сентября, фашисты расстреляли по программе «Т—4» 752 пациента психиатрической больницы имени Ивана Павлова.

Далее сошлюсь на воспоминания Анатолия Кузнецова, автор романа с названием «Бабий Яр»:

«По Глубочице поднималась на Лукьяновку сплошная толпа, море голов, шел еврейский Подол!.. О, этот Подол! Сплошь разговоры: куда повезут, как повезут? В одной кучке только и слышалось: „Гетто, гетто!“ Подошла взволнованная немолодая женщина, вмешалась: „Люди добрые, это смерть!“ Старухи заплакали, как запели...».

⁸⁹ 29 сентября командование украинской полиции в Киеве издало распоряжение №5, в котором обязало всех комендантов домов в 24 часа сообщить о проживающих в их домах евреев, коммунистах и сотрудниках НКВД. Этот документ был подписан комендантом украинской полиции в Киеве «Орликом». «Орлик» – видный представитель бандеровской фракции ОУН Дмитро Мирон—Орлик был застрелен неизвестными в 1942 году

⁹⁰ Запруда – плотина

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.